

ТАТЬЯНА КОПЫЛОВА

НАЧАТЬ

ЗАПИСКИ
НАРОДНОГО
ЗАСЕДАТЕЛЯ

СЕБЯ

40 к.

• СОВЕТСКАЯ РОССИЯ •

40 к.

ТАТЬЯНА КОПЫЛОВА

• СОВЕТСКАЯ РОССИЯ •

НАЧАТЬ
С
СЕБЯ

ЗАПИСКИ
НАРОДНОГО
ЗАСЕДАТЕЛЯ

ТАТЬЯНА КОПЫЛОВА

НАЧАТЬ

ЗАПИСКИ НАРОДНОГО ЗАСЕДАТЕЛЯ

**С
СЕБЯ**

МОСКВА
СОВЕТСКАЯ
РОССИЯ ·
1987

Рецензенты Ю. А. Попков, И. П. Гришин

Художник А. К. Машков

Копылова Т. А.

К65 Начать с себя: Записки народного заседателя.—
М.: Сов. Россия, 1987.—128 с.

Автор — Татьяна Копылова, будучи специальным корреспондентом журнала «Человек и закон», неоднократно избиралась народным заседателем районного народного суда.

В книге раскрывается важнейшая роль представителей трудовых коллективов — народных заседателей — в рассмотрении судами гражданских и уголовных дел.

Главный пафос произведения — призыв к активной гражданской позиции. Улучшение нравственного климата в обществе, предупреждение правонарушений зависит от каждого советского человека — эту мысль Т. Копылова проводит через все повествование, рассказывая о судебных процессах, убеждая конкретными фактами.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

К $\frac{1203150000-037}{M-105(03)87}$ 38—87

34С6

Мы выходим из совещательной комнаты, и раздается голос секретаря судебного заседания:

— Прошу встать! Суд идет!

Присутствующие в зале поднимаются. Проходим за судейский стол в том порядке, который установлен: народный заседатель, народный судья, народный заседатель. Не садимся. Идет заключительный этап судебного процесса — провозглашение приговора.

— Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики...— эти первые слова, произносимые председательствующим, заставляют затихнуть даже нечаянный шумок в зале.— Суд в составе...

Сколько раз мне, журналисту, рассказывающему о сложных житейских судьбах, приходилось их слышать! Но вот я сама стою рядом с народным судьей за высоким, покрытым официальным зеленым сукном столом. В судебной формуле заключены не только строгость и торжественность, но и напоминание об особой ответственности, которая ложится на тех, кто решает человеческую судьбу. Напоминание о том, что решение это должно быть справедливым, учитывающим все обстоятельства, все детали,— ведь республика доверила нам разрешить конфликт, развязать, а иной раз и разрубить запутанный житейский узел.

Перелистываю свой блокнот, в котором вела записи, готовясь к слушанию дел, а также в ходе процесса. Мысль воспроизводит отдельные эпизоды, детали, наблюдения.

Отдельные?

Нет. Что-то объединяет их, вырисовывая невероятно сложную картину, которая отражает особую грань развития общества — нравственную — с ее многочисленными переплетениями, взаимовлияниями. И влияния эти гораздо прочнее, чем может показаться на первый взгляд, особенно если не отождествлять суд лишь с уголовными процессами. Ведь восемьдесят процентов (четыре пятых!) разбирающихся в нем дел — гражданские: трудовые, жилищные и т. п.

Закон пронизывает все социальные сферы, регулирует отношения людей между собой и каждого из нас с обществом, определяет возможности, ставит запреты и дает свои рекомендации.

Основной закон нашей страны — Конституция СССР — закрепляет политическую и экономическую системы СССР, устанавливает права, свободы и обязанности граждан, принципы организации и деятельности Советов народных депутатов, органов правосудия и прокурорского надзора.

Гражданский кодекс республики регулирует имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, кодексы законов о труде — трудовые отношения рабочих и служащих. Жилищный кодекс, Кодекс о браке и семье, Закон об охране природы, Земельный кодекс, Водный кодекс — их названия сами говорят за себя.

Закон регулирует многообразие взаимоотношений. Но жизнь настолько сложна, что возникающие в ней ситуации порой нелегко подвести под статьи кодексов, как бы предусмотрительны те ни были. Возникают конфликты, рождаются споры. За их разрешением и приходят граждане в суд. Приглядишься к этим конфликтам внимательнее — и уж не появится (исчезнет, коли была) мысль об отдаленности судебной деятельности от общего хода развития нравственных процессов в нашем обществе.

Без осознания значимости закона в социальной жизни до конца не понять всей глубины ленинского положения о том, что граждане должны участвовать в суде и в управлении страной. Замечу кстати, что нередко ленинская фраза дается с отточием посредине: «Граждане должны участвовать поголовно... в управлении страной». Что же опускается в цитате? Всего одно понятие: суд. Видимо, эти два рода деятельности некоторым кажутся далекими друг от друга. Но ведь недаром же Владимир Ильич объединил их, связал одной мыслью!

В переломные периоды жизни мы чаще, чем обычно, обращаемся к ленинским идеям, мыслям, планам. И всякий раз открываем в них все более глубинный смысл.

«Граждане должны участвовать поголовно в суде и в управлении страной».

Когда это было сказано? VII экстренный съезд РКП(б). Начало марта 1918 года. Лишь четыре месяца Советской власти. В стране закладываются основы новой государственности, дисциплины, нравственности, подлинной демократии. И Владимир Ильич уже провозглашает принцип всеобъемлющего народовластия.

Социалистическое самоуправление народа. Для нас — родившихся и живущих при социализме — это понятие не требует расшифровки. Демократическая система управления государственными и общественными делами, которая действует не только для трудящихся, но и через самих трудящихся: то есть при их непосредственном и широком участии. Главное ее звено — Советы народных депутатов. Массовыми звеньями системы социалистического самоуправления являются общественные организации: профсоюзы, комсомол, кооперация, добровольные общества

Суды — специфическая, но тоже форма народовластия. Для участия в судебной работе в стране одновременно избирается около 700 тысяч народных заседателей. Своих представителей выдвигают различные коллективы. Вот и работают бок о бок с профессиональными судьями рабочие, колхозники, врачи, ученые, журналисты.

На две недели (не менее) ежегодно становимся мы равноправными судьями. Вместе с народным судьей исследуем обстоятельства совершения преступления, проверяем материалы предварительного следствия, опрашиваем потерпевших, подсудимых, свидетелей, заслушиваем государственного обвинителя и защитников. В гражданских делах, где нет предварительного следствия, не менее тщательно разбираем ситуацию сразу в зале судебного заседания. Проясняем, выявляем, чтобы потом в совещательной комнате, сопоставив все обстоятельства, вынести единственно верный приговор по уголовному делу или решение — по гражданскому.

И то и другое принимается большинством голосов. Слово народного судьи (профессионального юриста) или наше — одинаково весомы. Это положение закреплено в Конституции СССР. «Рассмотрение гражданских и уголовных дел во всех судах осуществляется коллегиально; в суде первой инстанции — с участием народных заседателей. Народные заседатели при осуществлении правосудия пользуются всеми правами судьи», — говорится в статье 154 Основного закона СССР.

Четыре раза избирал меня народным заседателем районного народного суда коллектив журнала «Человек и закон», где я работала специальным корреспондентом. В различных процессах приходилось участвовать — гражданских и уголовных. А сколько людей, трагедий, конфликтов прошло через зал судебного заседания! Многие запали в сердце, вызывая горькие чувства недоумения, сочувствия, а порой и сожаления, когда помочь уже невозможно.

Пословица гласит: «На ошибках учатся». Ловлю себя на мысли: неужели каждому нужно споткнуться, чтобы постичь науку жизни в обществе, сложнейшую науку человеческих взаимоотношений?!

Было удивительно слышать, как в ответ на упоминание о том, что я народный заседатель, иной собеседник оживлялся: «Как интересно! Расскажите что-нибудь!» По загоревшимся глазам нетрудно догадаться, что ожидалось повествование в духе детективов, изобилующих острыми поворотами сюжета, погонями, разоблачениями преступников, схватками, ужасающими подробностями преступлений.

В подлинном судебном процессе все обыденнее, но не менее драматично. Обыденнее потому, что нет в нем нарастания напряженности свидетельских показаний, кульминационного разоблачения преступника, что делает, как правило, «главный» свидетель. Да и «главного» свидетеля, пожалуй, тоже нет. Внешне процесс выглядит даже монотонно. Однажды нетерпеливый слушатель выкрикнул из зала свидетелю:

— Это уже знаем. Давайте дальше!

Но ведь каждый свидетель должен обязательно описать увиденную им картину преступления (если дело уголовное), рассказать о знакомых событиях (в гражданских процессах). При сопоставлении множества показаний и воссоздается действительная картина.

Драматизм судебного процесса — не в движении сюжета, а в выявляющихся столкновениях характеров, в раскрытии подлинных (подчас тщательно скрывааемых) мотивов поведения, поступков. Вот почему, подбирая для публикации дела, я руководствовалась не внешней их занимательностью, а поучительностью, заключенным в них горьким уроком. Ибо из судейского кресла виднее просчеты, допущенные в воспитании, поведении людей, зримее ошибки, переросшие в трагедии, ошибки, которые на начальном этапе зарождения, наверное, можно было бы исправить или сгладить. Я старалась, чтобы мои читатели, «побывавшие» в зале судебного заседания, смогли сделать выводы, вовремя остановиться или уберечь близкого от непоправимого шага.

Моральный климат в обществе зависит от нас, от заинтересованного отношения к окружающим, от строгого спроса с каждого. Минуло время, когда далее призывов не быть равнодушными, не проходить мимо упущений дело не шло. Сложился даже некий демагогический стереотип. Жизнь показывает и доказывает: призывы должны быть конкретными, действенными. Словом — и делом! Это — веление партии.

Выступая на совещании актива Хабаровской краевой партийной организации в июле 1986 года, М. С. Горбачев сказал об особенностях перестройки, происходящей в стране: «Она предполагает создание такой атмосферы в обществе, которая побуждала бы людей преодолевать накопившиеся инертность и равнодушие, избавляться в работе и в жизни от всего, что не соответствует принципам социализма, нашему миропониманию и образу жизни. Откровенно говоря, тут есть над чем поработать. Но в данном случае каждому надо взглянуть прежде всего на себя... и каждому конкретно постараться справиться с собой».

Нынешнее время требует переоценки нашей деятельности с тем, чтобы выявить все лучшее, здоровое, прогрессивное и опереться на него, осознав — отказаться от отжившего, бесполезного, тормозящего прогресс, каким бы привычным оно ни было.

Людей собралось немало, все скамьи были заполнены. На это я обратила внимание, как только вошла в зал. По тому, как многие из присутствующих переговаривались с крупным мужчиной, сидящим на передней скамье, и даже старались разместиться к нему поближе, нетрудно было понять: большинство в зале — «его» свидетели.

Я прошла в совещательную комнату. Председательствующая и народный заседатель Владимир Максимович Земченко¹ были уже на местах. С делом мы ознакомились заранее, предполагая, что, как это обычно бывает в процессах по гражданским делам, многие обстоятельства выяснятся в ходе судебного заседания.

Истец Дмитрий Львович Шаринский подал иск о закреплении за ним в двухкомнатной квартире большой комнаты. Ответчицей по иску была... Шаринская Вера Дмитриевна.

Помню, когда мы впервые стали читать дело, у Владимира Максимовича вырвалось:

— Отец подает в суд на дочь! — В голосе прозвучало не то осуждение, не то удивление.

Но народный судья тут же заметила:

— А дочь — на отца.— И в этой короткой реплике было заключено предупреждение: не спешите с выводами, будьте предельно объективны!

Действительно, в деле лежало встречное исковое заявление В. Д. Шаринской, она просила суд закрепить именно за ней ту же комнату.

И вот знакомый возглас секретаря: «Прошу встать, суд идет!» Мы выходим.

Вначале истец был сдержан, спокоен. На вопросы отвечал ясно, кратко. Работает начальником отдела снабжения на заводе. Ответственный квартиросъемщик. Квартира двухкомнатная, комнаты изолированные. Председательствующая спрашивает, поддерживает ли он исковые требования.

— Да! Да! Конечно, поддерживаю!— ответил Шарин-

¹Фамилии всех действующих лиц изменены.

ский. И вдруг горячо, как это бывает, когда прорывается долго сдерживаемое:— Сколько можно терпеть? Дайте же вздохнуть спокойно! — но, справившись с собой, четко произносит: — Прошу суд вынести справедливое решение: разделить нашу жилую площадь, закрепив за каждым из нас ту комнату, в которой с самого начала проживаем.

От судейского стола он хорошо виден. Крупная, грузноватая фигура пятидесятилетнего мужчины. Вроде бы ничего неестественного в поведении Дмитрия Львовича нет. Вот только глядит Шаринский или на нас, судей, или направо, в окно. И ни разу не повернется туда, где с краешка как-то неуверенно присела ответчица — хрупкая, очень бледная молодая женщина. Да и она, если случается поднять потупленную голову, смотрит только прямо. Они — рядом и порознь. Вызванные в суд по одному делу, находятся по разные стороны процесса.

— Кем вам приходится ответчица? — Голос судьи звучит деловито, действует на Шаринского отрезвляюще.

— В заявлении пояснено,— сухо, почти спокойно отвечает он.

— Поясните суду!

— Раньше была дочерью.

Шаринский излагает суть спора, стараясь не проявлять эмоций.

— Все началось со смерти жены, матери моих дочерей. Их у меня две. Смерть жены — и без того горе, а тут еще заболела младшая дочь,— кивнул он в сторону ответчицы.— А вышла из больницы, стала неузнаваемой. Резкой, грубой, несговорчивой. Жизнь в доме превратилась в сплошной скандал: попреки, слезы, обиды. Я попытался образумить ее — ни в какую! Все делала наперекор. Когда я женился — отказалась признавать Клавдию Васильевну, язвила, портила ей настроение. Постоянно твердила мне: «Ты обязан содержать меня! Раз ты отец, то должен обеспечить мое существование!» Она дошла до того, что пошла в партком, жаловалась на меня. Или я неправду говорю? — впервые Шаринский повернулся в сторону Веры Дмитриевны, глянув сверху вниз. Я увидела, как та густо покраснела, вобрала голову в плечи.

— Видите? Ей стыдно!— продолжал Шаринский.— Не подумайте, что я забыл долг отца. Я исправно платил за квартиру, за телефон. Ознакомьтесь,— он шагнул к судейскому столу, передал пачку квитанций.— Предлагал

ей содержание, но просил об одном, чтобы и она помнила, что моя дочь, чтобы считалась с моими желаниями, моими интересами, чтобы поняла, что я человек вовсе не старый... ну и, конечно, напоминал ей о скромности... Я был против того, чтобы у нее собирались разные компании. Мне однажды пришлось даже вызвать милицию. В ее комнате, товарищи судья, ночью был посторонний мужчина!

Вера Дмитриевна совсем сжалась, закрыла лицо руками. С каждым его обвинением она будто становилась все меньше, словно истаивала.

— Это можно проверить в нашем отделении милиции. Там, конечно, зарегистрирован вызов. Скажу больше: она — воровка! Брала мои вещи, вернее, вещи жены. Или этого не было? — всем корпусом повернулся он к дочери. — Вот почему я вынужден был запирать свою комнату. Теперь мы — чужие люди.

Он замолчал, глубоко вздохнул.

— Есть ли у ответчицы вопросы к истцу? — спрашивает, как то предусматривает Гражданский процессуальный кодекс, судья.

Шаринская поднимается медленно. Что она спросит у отца? Чем ответит на его серьезные выпады?

— Пусть скажет, когда умерла мама, — звучит тихий голос.

— Двадцать восьмого ноября, — едва заметно усмехаясь пустяковости вопроса, отвечает Шаринский.

— Нет! — тихо, не поднимая глаз, поправляет Вера Дмитриевна. — Двадцать шестого.

И я чувствую, что в этом коротеньком диалоге скрыто что-то очень важное для понимания конфликта. Но пока еще не могу понять — что.

Как верно, что надо обладать всеми необходимыми доказательствами по делу. Только тогда сопоставление, анализ могут помочь точно воссоздать ход событий. Уж кажется, чего же больше: проведено предварительное следствие, собраны документы, допрошены потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые, свидетели, очевидцы, во время следственного эксперимента воспроизведена обстановка преступления, проведена экспертиза, наконец, вот оно — обвинительное заключение с выводами следователя. Но начинается процесс с его судебным следствием, проверяющим предварительное, — и случается, результат существенно отличается от обвинительного заключения.

Это при рассмотрении уголовных дел. В гражданских процессах роль судебного разбирательства особая: тут только во время суда и идет впервые допрос свидетелей, разбор документов, воссоздается история спора, обнаруживаются расхождения мнений и помыслов.

Конфликт между дочерью и отцом возник, как выяснилось, после смерти первой жены Шаринского. Вернее, в дни ее недуга. Мать Веры болела тяжело и долго. Девушка (тогда десятиклассница, а потом студентка) ухаживала за ней самоотверженно, лишь иногда уступая место сиделки старшей сестре, к тому времени переехавшей жить к мужу. В те дни отец почти не появлялся дома. Командировки его стали, как никогда, частыми и долгими. Возвращаясь из них — с ранней весны и до первого снега, — предпочитал дачу. Вначале дочери не придавали его отсутствию серьезного значения, но потом все чаще и чаще стали задумываться: в чем дело?

Мать горестно объяснила:

— Ну кому охота, девочки, с больной возиться? Вы его не осуждайте, поймите...

Ни понять, ни простить они не могли. Потому что знали, как заботлива, добра и предупредительна была их мама. Не жалея сил и времени, старалась она создать дома достаток, уют, не обременяла Дмитрия Львовича домашними делами, семейными заботами, чтобы ничто «лишнее» не потревожило его.

Дочери видели: мама их успокаивает, а сама терзается от невнимательности мужа, его глухоты к ее боли, от одиночества покинутой женщины. Накануне смерти, совсем уже обессиленная, она только прошептала:

— Диме передайте... — и заплакала, а потом сквозь слезы: — Верочка, только учись. Институт не бросай... Если будет трудно... Диме передайте — пусть продаст нашу дачу... Диме передайте — я его прощаю. Диме передайте...

Умерла она вечером. «Диме» сообщить о смерти жены смогли лишь на следующее утро с началом рабочего дня, потому что сам «Дима» домой звонить не удосуживался.

— Завтра похороны, — деловито распорядился он. И ни слова боли, ни звука сочувствия.

В день похорон Веру положили в клинику с диагнозом: полное нервное истощение. Нелегко она выходила из душевного кризиса. Долго не могла справиться с болью

утраты, с мучительными мыслями: почему оказалась покинутой, преданной их мама. Но вопрос задать было некому. За три месяца, что она провела в больнице, отец ее ни разу не навестил.

Возвратилась Вера домой солнечным весенним днем. Но уже первое сообщение соседей омрачило ее настроение.

— Отец-то женился,— сочувственно сказала женщина.— Ранехонько!

Вера не стала расспрашивать. Вечером раздался телефонный звонок. Голос отца звучал бодро:

— Вернулась? Вот и прекрасно. У меня для тебя сюрприз. Скоро приедем...— В трубке раздалась гудка отбоя.

Не прошло и получаса, как до Веры донеслись звуки открываемой двери и ободряющие слова:

— Входи, входи, это же твой дом.

В коридоре Вера увидела рядом с отцом Клавдию Васильевну — сослуживицу отца, жившую в соседнем доме. Отец заботливо помогал ей снимать пальто, а заметив дочь, жестко произнес:

— Никаких глупых вопросов! Я человек не старый. Не век же мне горевать по мертвой...

— Ты и не горевал вовсе!— закричала Вера и бросилась в комнату.

— Так-то ты встречаешь отца и... новую маму. Не порти мой сегодняшний праздник. Вернись! — И чуть спустя: — Ах... так!

Отец и Клавдия Васильевна шумно готовили ужин, весело переговаривались, напевали. А Вера сидела в темноте и плакала. Успокоение не приходило. А надо было найти силы, чтобы не утратить душевного равновесия, которое с таким трудом вернули ей врачи, собраться для дальнейшей жизни, учебы. Утром ее ждало еще одно огорчение: отец и Клавдия Васильевна не только не оставили ей ни гроша, но даже унесли с собой остатки ужина.

Старшая сестра, которая приехала проведать Веру, сразу же поняла:

— Хочет тебя проучить, заставить просить прощения за то, что не послушалась... Что же делать?.. Я сама поговорю с папой.

Но тот был непреклонен: Вера обязана быть ласковой с Клавдией Васильевной, Вера обязана заставить себя полюбить новую маму, коль скоро ему, их отцу, с нею хо-

рошо. Только на таких условиях он согласен выдавать ей достаточную дотацию.

— Клавдия Васильевна подсчитала — семидесяти копеек в день к стипендии должно хватить. Да, в конце концов, я не обязан помогать! Знаешь, что говорит закон? Я советовался с юристом. Родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей. А Вере — уже восемнадцать.

— Папа! Ты советовался с юристом?! Разве мы что-то требуем? Но неужели ты допустишь, чтобы Вера оставила институт? Вспомни, какой конкурс она выдержала!

— У нас с Клавой намечаются большие расходы.

— В конце концов, можно продать дачу, как говорила мама.

Шаринский поморщился:

— Мало ли кто что говорил! Продажа дачи в мои планы не входит. Мы с Клавой любим бывать там.

Вечером сестры мучительно обсуждали этот разговор, все не могли поверить, что их отец так жестоко обошелся с Верой. Разве он поступил бы так раньше? Впрочем, им ни разу не представилась возможность наблюдать его в конфликтной ситуации (мама всегда сглаживала «углы»). Не могли они припомнить его реакцию на чье-нибудь непослушание (мама никогда не допустила бы, чтобы отец дважды повторял одно и то же свое приказание). Не знали, каков он в гневе (мама умела предвидеть его дурное настроение, его недовольство и предотвратить их).

— А может быть, он всегда был себялюбивым, иначе разве он поступил бы так жестоко с мамой, да и с тобой? — тихо предположила сестра. — Может, он только казался... хорошим?

Как бы там ни было, Вера решила: никаких «подачек», как она выразилась, от отца не принимать. Взяв в институте академический отпуск, устроилась работать лифтершей и уборщицей, чтобы за год поднакопить денег и продолжить учебу.

Кажется, этот шаг особенно не понравился Дмитрию Львовичу.

Война началась без объявления. Клавдия Васильевна действовала согласованно с мужем, который жил теперь либо на даче, либо у нее. Но сюда, в прежний его дом, они постоянно наведывались. И тогда Клавдия Васильевна начинала нарочито заниматься мытьем полов, окон, приго-

товлением обеда, надев лучшее платье умершей. Другое платье первой жены Шаринского она, подождав, когда Вера зайдет на кухню, разорвала, пустив на тряпки, фотографию мамы, что висела в большой комнате, Вера увидела однажды в помойном ведре.

Когда в ходе судебного разбирательства я спросила мнение Шаринского об этом, он холодно ответил: «Не знаю. Но допускаю, что Клавочка — Клавдия Васильевна — могла что-то разорвать, а старые письма, фотографии... Разве это имеет значение или отношение к сути дела? Лучше выясните, что моя бывшая дочь делала! К примеру, воровала. А фотографии... Кому они нужны?» Его безразличный тон был лишь подтверждением правдивости показаний Веры Дмитриевны и соседей.

Именно после того случая забрала Вера из шкафа мамины вещи, спасая их от надругательства. Вечером, обнаружив отсутствие нехитрого скарба умершей, Дмитрий Львович кричал дочери:

— Скотина! Воровка!

Вера молчала. Она уже не удивлялась его грубости, гнусным оскорблениям.

В годовщину смерти первой жены Шаринского родные, близкие, вернувшись с кладбища, обнаружили, что в квартиру, где еще утром накрывали столы, попасть не могут. Дмитрий Львович сменил замки и уехал, не оставив ключа.

Домой Вера попала только через несколько дней. Большая комната была заперта на всякий замок, стекла двери забиты фанерой. Телефон, обычно стоявший в передней, перенесен в запертую комнату.

...Дмитрий Львович точно излагал суду факты. Вера и ее сестра Людмила действительно ходили в партком, и слово «деньги» в разговоре звучало. Изложив события, дочери Шаринского объяснили, что Вера в деньгах не нуждается, а пришли они для того, чтобы тут помогли урезонить отца. Но они волновались, говорили сбивчиво, в числе прочего изложили и последний завет матери: продать в случае необходимости дачу.

— Ну, и продали дачу?— поинтересовался секретарь парткома.

— Отец и слышать не хочет об этом,— объясняла Людмила,— а ведь мы с Верой прямые мамины наследницы. Мне дали разъяснение в юридической консультации.

В случае надобности я бы с удовольствием отказалась от своей части в пользу Веры!

Перебивая друг друга, говорили дочери Дмитрия Львовича, и в деталях, пояснениях второстепенного потерялся главный смысл их визита в партком — раскрыть подлинный характер себялюбца. Поэтому так легко было Шаринскому, вызванному сюда по приезду из очередной командировки, отговориться, представить дело так, будто его дочерью движет лишь корысть.

...Теперь Дмитрий Львович старался появляться в квартире, когда у Веры собирались друзья. По дому разносился его зычный голос. Самыми безобидными были реплики типа: «Чем это вы там занимаетесь?»

Вера пыталась напомнить отцу, что она уже взрослая, что, в конце концов, он, отделившись от нее, утратил право на поучения. Но Дмитрий Львович, довольно посмеиваясь, терроризировал:

— А что ты мне можешь сделать? Хочу — говорю.

Вечером в первомайский день, «инспектируя» квартиру, он подслушал разговор:

— Ну как ты доберешься к себе в такую даль,— говорила Вера одному из гостей,— оставайся тут ночевать.

Глубокой ночью Шаринский позвонил от жены, где теперь постоянно обитал, в милицию и, назвав свой прежний адрес, сообщил: в его квартире посторонний, подозрительный тип. К дому, запыхавшись, подбежал почти одновременно с милицейской машиной. После долгих звонков дверь открыл молодой человек, назвавшийся студентом. Документы подтвердили это и то, что он живет в московском общежитии. Шаринский метался по квартире, настаивал:

— Запишите! Отрадите в протоколе, что были вдвоем — вот этот человек да еще Шаринская Вера Дмитриевна, молодая девушка... Так называемая...

— Да о какой девушке вы все говорите? — спросил лейтенант милиции.— Где она?

— Сейчас, сейчас, представлю,— суетился Шаринский.

— Не ищите! — негромко сказал молодой человек.— Она ушла ночевать к подруге.

— Как?! — выдохнул ошеломленный Шаринский.

Так продолжалась жизнь в «двухкомнатной квартире с изолированными комнатами и со всеми удобствами».

Когда Вера собралась замуж, Шаринский попытался отговорить ее будущего мужа от «опрометчивого» шага.

— Успокойтесь!— заметил Анатолий.— Я ведь вашу дочь хорошо знаю. Вместе учились в школе. Да и после я не покидал Веру. Знаю все ее трудности. Разрешите, я тоже дам вам совет: опомнитесь! Вы же отец.

Но опомниться Дмитрий Львович уже не мог.

— Имейте в виду, прописаться я вам не позволю, на жилплощадь не рассчитывайте,— как последний аргумент бросил Шаринский будущему зятю.

Ни в чем не обманул суд Шаринский?

Не подтасовал ни одного факта?

...Процесс идет своим чередом. Слышу, как народный заседатель обращается к Шаринскому.

— Каковы по размеру комнаты в вашей квартире?

— Двадцать и тринадцать квадратных метров.

— Какую вы поставили на замок?

— Большую, так как именно в ней я раньше жил с женой.

— Что в комнате стоит?

— Обеденный стол, мебельная стенка, две тахты, письменный стол, шесть стульев, телевизор.

— Где занимались дочери?

— Конечно, за письменным столом. В большой комнате.

— Что стояло в комнате Веры Дмитриевны до того, как вы разделились?

— Тахта, кресло, туалетный столик, торшер.

— Как жила ваша семья раньше? К примеру, смотрели ли телевизор все вместе?

— Конечно.

— Где?

Шаринский улыбается простоте, обыденности вопроса, отвечает чуть свысока:

— Телевизор смотрели там, где он стоит, в большой комнате. Все вместе, а именно: я, жена, Вера, Люда.

— Где хранились постельные принадлежности, посуда, платья, костюмы?

— В шкафах, в мебельной стенке, что стоят в большой комнате.

— Бывали случаи, чтобы ваша первая жена или вы заходили в маленькую комнату?

— Да о чем вы спрашиваете?! — недоумевает Ша-

ринский. — Конечно же! У нас была дружная семья. Раньше. Жена любила вязать, сидя в кресле у торшера. Тогда я рядом с ней садился, читал газету. Идиллическая картина? Но что поделаешь — у меня была хорошая семья. И вот... — он горестно развел руками.

— Так почему же, истец, вы утверждаете, что комнаты издавна были поделены и Вере Дмитриевне принадлежит маленькая?

— А что же вы хотите, чтобы было наоборот?! — От медлительности и основательности Шаринского не остается и следа. — Чтобы все лучшее ей, ей, ей? — резко взмахивает он в сторону Веры Дмитриевны. — Да она же... хотела сесть на мою шею, да она же мечтала быть просто тунеядкой. Да она же посмела меня (отца!) укорять. Меня учить! Мне указывать!

...Процесс близится к концу. И я задаю Шаринскому последний вопрос:

— Вы много говорили о нежелании дочери дать вам спокойно жить, а сами вы не пытались миром разрешить затянувшийся конфликт?

— Как?

— Ваша жена живет в отдельной однокомнатной квартире. Почему бы вам не съехаться с ней? Не произвести обмен жилья ей и Вере Дмитриевне? Вы не пробовали об этом договориться?

— Но тогда Вера Дмитриевна получит отдельную однокомнатную квартиру с большой кухней, в прекрасном районе! — Дмитрий Львович накалялся, и в нем уже клокотала злость. — Я и без Веры Дмитриевны могу удачно съехаться с женой, подобрав прекрасный вариант. А дочери подселю пьяницу! — выкрикнул и сразу осекся Шаринский, поняв, что в раздражении сказал больше, чем следовало.

В завершение судебного разбирательства интересуемся, продолжают ли Шаринские поддерживать искивые требования.

— Безусловно! — угрюмо буркнул Дмитрий Львович.

— А я снимаю свой иск! — поднимается Вера Дмитриевна. — Не хочу... Отец... Дмитрий Львович не выдержит, если его заставят отдать большую комнату. Не надо так. Может быть, он сам поймет? Может, осознает, что не прав? Мы же... были не чужие люди!

В иске Шаринскому было отказано, так как в результа-

те требуемого им раздела были бы ущемлены интересы его дочери — ведь комнаты между ними распределены не естественным путем, а самочинно Дмитрием Львовичем.

Итак, в иске отказано. Но осталось ли все в квартире Шаринских без изменения? Не думаю. Такое потрясение, как судебный процесс, не могло не оказать влияния на его участников. Даже приглашенные Шаринским люди, те, что сочувствовали ему, выслушивая до суда лишь его жалобы, убедились, что далеко не все обстояло так, как им преподносилось.

Очевидно, и они сделали для себя выводы: при решении даже обычного житейского вопроса нужно принимать во внимание доводы обеих спорящих сторон.

Думалось, что Вера Дмитриевна обязательно попытается восстановить контакт с отцом, это вытекает из ее поведения в суде. Ну, а Дмитрий Львович? Ему был дан поучительный урок. Он задумал при помощи суда, закона покарать непослушную дочь, посмевавшую указать на неэтичность его поступков. Наказать — и поэтому добивался открытия отдельного лицевого счета, чтобы позже подселить Вере пьяницу, хулигана, как сам говорил. Он хотел ее осрамить — и потому пригласил в суд соседей, сослуживцев. Но «не рой яму ближнему»: все, на что Шаринский рассчитывал, обратилось против него. Многочисленные сослуживцы увидели сущность жестокосердного эгоиста, себялюбивого и злого, мстительные планы которого были разбиты решением суда.

Воспринял ли Шаринский этот урок? Надеяться на мгновенное его перевоспитание было бы наивно. Через несколько дней он снова явился в суд, чтобы подать кассационную жалобу. Держался сухо, подчеркивая свою обиду.

— У меня же безвыходное положение, — как бы вскользь обронил он.

— Выход есть. Об этом говорилось на суде, — подсказали ему.

— Вы имеете в виду обмен с Верой? Но... она принесла мне столько горя.

— А вы ей? Кстати, благодарите дочь: не возьми она свой иск обратно, неизвестно, чем кончилось бы дело.

— Что вы хотите сказать? — В голосе Шаринского снова проступили агрессивные нотки, он оперся на стол руками, навис надо мной. — Вы что же, будете утверждать,

что ей могла быть присуждена бóльшая площадь в мо-ей квартире?

— Но с мужем их двое,— убеждала я, а сама думала: как, наверное, он отвратителен в домашних сценах, со своим неумением сдерживаться.

— Анатолий не прописан. И я никогда не дам согласие на его прописку,— парировал Шаринский, отдельно ставя слова, чтобы придать им и себе значительность.

— Не будем репетировать судебное разбирательство, которое еще может состояться,— мягко осадила Шаринского судья.— Но кое-что сказать вам я должна. В случае отказа прописать зятя ваша дочь вправе обратиться с иском. Вера Дмитриевна может вновь просить суд разделить жилую площадь...

Кассационную жалобу Шаринский все же подал, но городской суд оставил ее без удовлетворения.

...Прошли годы, Шаринские в суде не появлялись. Думаю, что затянувшийся конфликт они разрешили мирным путем.

Вспоминая процесс по иску Шаринского, я задаюсь вопросом: почему нужно было доводить дело до суда, пропускать через горнило судебного разбирательства молодую женщину, едва выбравшуюся из нервного срыва? Знаю, к людям, подобным Шаринскому, обращаться с призывом усювеститься — пустая трата времени. Однажды уверовав в свою непогрешимость, они действуют напролом. Так неужели нет силы, которая могла бы образумить шаринских в их эгоистических притязаниях, в присвоенном ими праве на диктат, грубость в семье?

Мне такая сила видится в общественном мнении окружающих. Тем более что всякий (кроме людей, окончательно опустившихся) старается предстать перед товарищами в благопристойной маске. Делясь неприятностями, мы находим объяснения любым своим проступкам, не видим или маскируем свою вину, громоздим ответственность за ссору на своего оппонента. И почему столь легко принимаются наши не всегда объективные доводы? Не является ли это своеобразным проникновением местнических взглядов в нравственную сферу? Убеждение: наш всегда

прав — несправедливо, от него разит чванливостью.

Пришли за помощью сестры Шаринские. Разберись тогда члены парткома в сути их заявления, отнесись внимательно, пожалуй, ссора была бы приостановлена.

Чего греха таить? Руководители общественных организаций зачастую обеспокоены не тем, что кто-то из членов коллектива поступает безнравственно, а тем, как бы поскорее «закрыть» жалобу. Лишь желанием отмахнуться от острого сигнала можно объяснить распространенную во многих организациях странную форму реагирования. Пришел, положим, человек с жалобой. Его выслушивают, обещают разобраться. Потом вызывают того, на кого жаловались. Получив от него опровержение, отвечают заявителю либо укоряющим отказом, либо уклончивыми, ничего не значащими фразами. А почему бы не посадить за стол переговоров попавших в штопор конфликта людей? Почему не дать им возможность высказать претензии, доказательно опровергнув контрдоводы или, наоборот — убедиться в своих ошибках? От представителей общественности в таких случаях требуется только одно: взять на себя роль третьей стороны да еще соблюсти порядок и этику.

Процесс по искам Шаринских не потребовал от судей ни особой проницательности, ни мудрости. Только спокойствие, внимание, предоставление каждому возможности высказаться до полного прояснения своей позиции и желаний.

Я далека от мысли призывать коллектив вмешиваться во все семейные дела. Но оставаться в стороне от тяжелых драм, разыгрывающихся в наших домах, — вправе ли он, коллектив?

Товарищи Шаринского ни разу не высказали осуждения его эгоизма, черствости. И тем создали благоприятную почву, на которой махровым цветом распустилась безнравственность.

Так давайте начнем с себя, с оценок собственных решений и действий!

Тот день не предвещал никаких неожиданностей. Шла обычная судебная работа. Намечены были к рассмотрению дела по искам о разделе финансовых лицевых счетов. По предварительному ознакомлению они казались однотипными. Несколько семей подали иски к отделу учета и распределения жилья исполкома районного Совета народных депутатов. Спор шел не между членами семьи (пожилой — молодой). Они-то были согласны, открыв отдельные финансовые лицевые счета, превратить свои квартиры в коммунальные и стать независимыми друг от друга соседями. Но исполком воспротивился заключению отдельных договоров найма.

Несколько пояснений со ссылками на законодательство. Когда-то семьи получили ордера и согласно им квартиры. Это событие называется заключением договора найма жилого помещения между получившим ордер гражданином и жилищно-эксплуатационной организацией.

Такой договор может заключаться только на изолированное жилое помещение, состоящее из квартиры либо одной или нескольких комнат. В жилищной конторе открывается отдельный финансовый лицевой счет, в котором указан размер жилой площади, перечислены все члены проживающей здесь семьи, указан их возраст. В статье 53 Жилищного кодекса РСФСР говорится: «Члены семьи нанимателя, проживающие совместно с ним, пользуются наравне с нанимателем всеми правами и несут все обязанности, вытекающие из договора найма жилого помещения». И далее: «Совершеннолетние члены семьи несут солидарную с нанимателем имущественную ответственность по обязательствам, вытекающим из указанного договора». Эти строки закона предусматривают взаимоотношения семьи с жилищно-эксплуатационными службами. Получая от государства жилье, семья обязана вовремя вносить квартирную плату, поддерживать чистоту, порядок в квартире. И если временно отсутствует наниматель (ответственный квартиросъемщик), это не освобождает его от обязанностей по договору найма жилого помещения.

Но проходит время, становятся взрослыми дети, они обзаводятся своими семьями. Случается, кто-то развелся, умер. Возникает необходимость кого-то вселить в квартиру. И такую ситуацию предусматривает закон: наниматель вправе в установленном порядке вселить в занимаемое им жилое помещение своего супруга, детей, родителей, других родственников, нетрудоспособных иждивенцев и иных лиц, получив на это письменное согласие всех совершеннолетних членов своей семьи...

Граждане, вселенные нанимателем, приобретают равное с нанимателем и остальными членами его семьи право пользования жилым помещением.

На практике это выглядит так: ответственный квартиросъемщик или любой совершеннолетний член семьи обращается в жилищно-эксплуатационную организацию и паспортный стол отделения милиции с просьбой прописать жену, мужа, зятя или невестку. Если все совершеннолетние члены семьи согласны, чтобы к ним поселился новый человек, милиция его прописывает, а жилищная контора вписывает в финансовый лицевой счет.

Очень часто молодая семья или прежняя, из которой она выделилась, просят открыть отдельный финансовый лицевой счет, или, как называет эту ситуацию закон,— заключить отдельный договор найма, чтобы стать независимыми друг от друга в жилищных делах. Тогда можно уже самим, не спрашивая согласия членов отделившейся семьи, ставить вопрос о вселении кого-либо, производить обмен жилья.

И закон (статья 86 Жилищного кодекса РСФСР) определяет: «Совершеннолетний член семьи нанимателя вправе требовать заключения с ним отдельного договора найма, если с согласия остальных проживающих с ним совершеннолетних членов семьи и в соответствии с приходящейся на его долю жилой площадью либо с учетом состоявшегося соглашения о порядке пользования жилым помещением ему может быть выделено помещение, удовлетворяющее требованиям статьи 52 настоящего Кодекса». (Эта статья предусматривает, что предметом договора может быть только изолированное помещение.)

Если согласны... А если, скажем, возражает жилищно-эксплуатационная организация, мала, дескать, жилая площадь и вселение нового человека сразу же создает такое положение, когда одной из выделяющихся семей

потребуется предоставление большей квартиры. Бывает, родителям чем-то не нравится молодой супруг дочери или супруга сына, сестре — жена брата и т. д., и они не дают согласия. За разрешением спора граждане идут в суд.

Так было в описываемый день. Нам предстояло проверить факты, установить истину и вынести решение по двум искам.

Первое дело не заняло много времени, здесь все стало ясно сразу. В двухкомнатной квартире проживали пятеро: родители и сын с женой и трехлетним малышом. Семья фактически разделилась уже давно. Молодая женщина ни в чем не желала слушать советов старших. Те горестно оплакивали несчастную судьбу сына и жаловались на то, что невестка, тратя деньги на собственные наряды, мало заботится о муже. Да и ребенка, мол, воспитывает как-то по-новому. И покупки делает не по-хозяйски. Не отставала в обвинениях и невестка: родители мужа постоянно пытались навязывать молодой семье свои взгляды, привычки, образ мыслей. А им хотелось и развлечься, и сына воспитывать по-своему, например, отдать на пятидневку в детский садик, чтобы освободить время на свои дела. Но все встречало явное или скрытое осуждение свекров. Вот и отделились молодые от еще не старых родителей. Да, питаются раздельно. Да, деньги тратят, не советуясь со старшими. Да, не обременяют дедушку с бабушкой внуком, но зато и не разрешают вступаться, когда наказывают маленького за шалости. Да, убирают места общего пользования в квартире по очереди, как это принято между соседями. Да, не разговаривают — а разве соседи обязаны разговаривать?

Свидетели подтверждали: семьи живут не просто порознь — скандалы сотрясают квартиру. Приводились яркие примеры.

В совещательной комнате мы единодушно решили: признать иск, обязать отдел учета и распределения исполкома районного Совета выдать этим двум, по существу, разным семьям отдельные ордера. А там — пусть меняются, разъезжаются. Любые соседи лучше, чем ссорящиеся близкие люди.

Следующее дело поначалу показалось нам слепком с предыдущего. Также двухкомнатная квартира, двое стариков и семья их сына. Разве что комнаты не равноценные: одна — 22-метровая, вторая — размером в 14 квадратных

метров. Родители просили закрепить за ними — большую, за молодой семьей — меньшую.

При подготовке к рассмотрению иска мы произвели несложные арифметические расчеты. Получалось, что, закрепив за молодыми меньшую комнату, суд своим решением «делает» их очередниками райисполкома, которым необходимо выделить жилье в первую очередь как остро нуждающимся. На каждого человека у них приходится менее пяти квадратных метров жилья.

— Не в этом ли все дело? — предположил народный судья.

— Думаете, хитрость? — поинтересовался мой коллега, народный заседатель, мастер одного из заводов.

— Такие случаи не исключены, — рассуждал судья. — Странно, что просят двум людям — большую комнату, трем — меньшую. Утверждают, что живут недружно, а такой несправедливый раздел возражений со стороны молодых не вызывает... Странно... А в районе очень трудно с жильем, — продолжал он размышлять.

И вот мы в зале суда. На передней скамье перед нами — четверо. Сидят, разбившись по парам: родители и сын с женой. Подчеркивают отчуждение? Внешне спокойны, но напряжены. И это можно понять. Я еще не встречала человека, который не волновался бы перед судьейским столом, неважно: прав он или неправ, стоит с открытым сердцем или желает что-то скрыть.

Вглядываюсь в истцов. По документам знаю, что родители всю жизнь проработали на большом заводе. Хорошие, простые у них лица. Отец держит руки на коленях, плотно сжимая их. Мать то и дело перекладывает пустую хозяйственную сумку, будто не находит ей приличествующего места. Сын очень похож на отца. Глаза, нос, рот — крупные. Только черты его лица резче, жестче. А может, просто еще не размыты временем? Жена его только однажды взглянула на нас, когда все поднимались, приветствуя судей, а сейчас сидит, низко опустив голову. И уже в этом мне видится какая-то беззащитность. Но останавливаю себя: никаких субъективных оценок, предварительных выводов, скоропалительных умозаключений!

Удаляем из зала свидетелей. Начинаем опрос истцов. Один за другим повторяют, что живут неладно, хозяйство ведут раздельно. Что касается распределения комнат — так уж сложилось. Что тут неправильного было, когда

молодоженам выделили меньшую? С тех пор она за ними и закрепилась. Когда родился ребенок, ничего не изменилось.

— А вы не предлагали поменяться? — задает судья вопрос отцу семейства.

— Нет. Не предлагали, — виновато отвечает он.

— А теперь думаете свою проблему решить за счет очередников района? — Вопрос судья задает нарочито-спокойным тоном, но человек перед нами заливается краской.

— Нет! — говорит он, запинаясь, но твердо. — Завод молодым обещался квартиру выделить. Наша семья больше века на заводе трудится. Мы с матерью почти по сорок отработали. Николай после восьмилетки пришел в мой цех, сейчас уже слесарь шестого разряда, жену тоже на завод привел, — замолкает он, будто этим все сказано.

— Так в чем же дело? — напрашивается вопрос у меня.

— Райисполком не пропускает документы. Говорят: вы и без того просторно живете. В первую очередь надо давать жилье очередникам района, у которых, стало быть, не больше пяти метров на человека.

— На заводе стояли в очереди на предоставление жилья?

— А как же! Сыну обещали, только в профкоме предупреждали: «А к вам, Васильевич, посторонних подселим». Я говорю: «Пусть. Коле с Галей да Андрюшкой только дайте». Райисполком — ни в какую! У нас, говорят, есть кем заводской дом заселить, если завод уж всех удовлетворил. Я аж спорил: как же так, говорю, мы трудились, строили, а вы посторонним предоставите?

— Нет у нас в стране посторонних, — прервал истца председательствующий.

— А... да... да., — растерянно закивал Василий Васильевич, — правильно. Но все же... Неправильно.

— И вам посоветовали обратиться в суд, заявив, что вы живете отдельными семьями? — спрашивает судья.

— Конечно. Так, — подтвердил истец. И, спохватившись, добавил: — Мы ведь и точно живем, это... отдельно. Хозяйство раздельное и все такое.

Разбирательство идет дальше.

— Вы не ставили вопрос, чтобы вашей семье родители

предоставили бóльшую комнату? — спрашивает председательствующий сына Николая.

— Нет.

— А вы? — обращается он к его жене.

— Никогда.

— Почему? — продолжает допрос судья.

— Так они ж привыкли к той комнате. Двадцать лет в ней прожили.

— Но вопрос вы и не пытались ставить?

— Не пытались. Как можно?

— Опишите, пожалуйста, обстановку в вашей комнате,— просит судья, выслушав показания невестки.

— Шкаф, наша кровать, кроватка сына, письменный стол,— перечисляет молодая женщина.

— А телевизор где стоит? На письменном столе?

— Нет. У родителей.

— Один? — задается уточняющий вопрос.

— Один,— подтверждает невестка.

Я вижу, как судья на бумажном листе, лежащем перед ним, слово «телевизор» заключает в кружок.

— Опишите, что у вас стоит на кухне,— продолжает он опрос.

Истица перечисляет. А судья на листке обводит кружочком слово «холодильник», «стиральная машина», «пылесос». Выясняется, что эти вещи общие.

— В вашей семье — три человека, в семье родителей — два. Как вами установлена очередность уборки мест общего пользования?

— Все убираю я,— отвечает Галина, что-то вспомнив, объясняет: — Разве можно маму заставлять нагибаться? У ней же гипертония. Разве не так?

Суду вопросов не задают. И председательствующий будто не слышит обращенных к нему слов. Он продолжает задавать вопросы.

— Внук смотрит детские передачи по телевизору?

— А как же! Дедушка с бабушкой обязательно напомним.

— Вас пускают?

— Конечно! — Галя даже несколько удивлена: что ж тут, мол, такого.

Я разгадываю логику рассуждений народного судьи — все у людей общее, значит, и хозяйство единое, и семья не разделена надвое вопреки изложенному в иске. Наверное,

это так. Но все же у меня возникают сомнения. А может, просто невестка — человек совестливый, вот и убирает квартиру как более сильная и молодая. Это надо проверить, чтобы утвердиться в своих предположениях. Мы ведь не имеем права на домыслы.

Теперь обращаюсь к Галине я. Выяснив, что она москвичка, интересуюсь:

— До замужества вы жили в отдельной или коммунальной квартире?

— В коммунальной.

И далее молодая женщина с каким-то теплом рассказывает, что в квартире, кроме их семьи (отец, мать, она, сестра), жили еще нестарые супруги и одинокая женщина, потерявшая на фронте мужа и сына.

Чувствуется, что председательствующий недоволен тем, что процесс затягивается. Дел-то, ждущих нашего решения, еще ох как много. Но вопрос народного заседателя он снять не вправе. Пользуюсь предоставленной мне законом возможностью:

— Каким образом вы устанавливали очередность на уборку мест общего пользования в той квартире?

— Нас было четверо, да у Кротовых двое. Убирались так: две недели — мы, одну — они.

Мне понятна эта нехитрая арифметика. Но нужно, чтобы мысли Галины, точно сформулированные, были внесены в протокол. Поэтому спрашиваю:

— А третья соседка когда убиралась?

— Тетю Маню мы в очередность не включали.

— Почему?

— Мама сказала: «Это что ж такое будет? Две девки (это мы с сестрой) будут спокойно смотреть, как пожилой человек станет горбатиться?»

— Уточните! — настаиваю я. — Почему ваша соседка не убиралась?

Вижу на лице женщины недоумение: ведь она все объяснила. А свекровь, которой почудилось в моих словах непонятное осуждение, скорей спешит на помощь невестке.

— Товарищи судьи! Но что ж тут непонятного или неправильного, если пожилому человеку шли на помощь?

Но я-то добиваюсь более точного объяснения у Галины, и она, старательно складывая слова, пытается его дать:

— Мы освободили от обязанностей по уборке нашу соседку, учли ее возраст, одиночество и несчастья.

Я вижу, как секретарь судебного заседания столь же старательно заносит эти слова в протокол.

— Скажите, кто в вашей прежней квартире первым купил телевизор?

— Кротовы,— отвечает она. И, улыбнувшись воспоминаниям детства, добавляет:— Мы у них собирались как в клубе. У нас очень хорошие были соседи.

Теперь я обращаюсь к Василию Васильевичу, старому рабочему.

— Вот вы рассказали, как в профкоме предупреждали, что к вам в квартиру, коль скоро предоставят площадь семье сына, поделят соседей. А разве не лучше попросить на заводе более просторную квартиру для всех вас? Ведь строят же на предприятии и трехкомнатные?

— Квартиры-то строят...— со вздохом подтвердил Василий Васильевич.— Но вот Галина... Нет, я такого ничего не хочу сказать... Но все не по ней. И готовит мать не так, и Андрюшку кутает, и ворчит на молодых, когда они на гостей тратятся. Я говорю: «Да не вмешивайся ты! Пусть как хотят». Жена моя плачет, говорит: мальчика простудят, я ж, говорит, не кутаю, только вот под шапочку шерстяную обязательно платочек надо поддевать, а то продувает. И уж не дай бог мальчонка простудится, женщины друг друга упрекают. Одна говорит: «Это потому, что он незакаленный». Другая: «Потому что продувает». Один раз из-за одного поругаются, другой раз из-за другого...— он на секунду замолк, но снова торопится пояснить:— Нет. Я такого ничего не хочу сказать. Галина — жена хорошая, мать заботливая... Моя Полина Ивановна тоже. А вместе им трудно. Мы с Николаем между ними крутимся. Да и они остынут — прощения друг у друга просят. А что толку? Мир уж надтреснутый.

Василий Васильевич сел. Я вижу, как тяжело ему дались показания. Но что поделаешь? Его разъяснения нужны. Для его же пользы.

Не буду описывать показания свидетелей. Они не прибавили к делу ничего нового, кроме того, что представитель профкома завода подтвердил возможность предоставления молодой семье квартиры, предусмотрительно захватив выписку из протокола.

— Прошу встать!— звучит голос секретаря судебного заседания, едва мы поднимаемся, чтобы уйти в совещательную комнату.

Законом предусмотрена тайна совещания судей. Никто из нас троих не вправе рассказать, как шло обсуждение конкретного дела. Но считаю нелишним показать читателям, что может происходить за закрытыми дверями совещательной комнаты, так сказать, модельную ситуацию.

— Все ясно! — сказал народный судья, едва за нами закрылась дверь кабинета.

— Мне тоже все понятно! — говорю я, хотя предполагаю, что выводы у нас противоположные.

— Каково ваше мнение? — спрашивает председательствующий у второго народного заседателя, не высказывая при этом своего.

Тот явно колеблется. Ему понятно, что не все в деле так просто, как казалось при предварительном ознакомлении. Но сформулировать свои мысли сразу не решается. Тут действует множество факторов. Нельзя не учитывать определенную робость, которая всегда присутствует при произнесении здесь первого слова. Недаром же говорим мы о мужестве первопроходцев. Это качество в разрешении судебных дел тоже необходимо. Ведь это только постороннему наблюдателю, тому, кто в судебных делах ищет лишь острых ощущений, такое вот дело по разделу финансовых лицевого счетов может показаться сухим, обыденным. Мы-то знаем, что от того, какие слова мы тут сейчас произнесем, будут зависеть дальнейшие взаимоотношения пятерых людей, их настроение, наконец, их работоспособность. Разве можно не понимать этого?

Действует и сила авторитета судьи. В нашем небольшом судейском коллективе искони сложились определенные взаимоотношения. Есть свой лидер, глава, определенный самим порядком работы суда — народный судья. Он знакомит нас с нормами закона, по которым предстоит работать. Он знает процессуальный закон, все постановления, разъяснения Верховных судов республики и страны. Он объясняет, как нам вести себя, где сесть, в какой последовательности задавать вопросы. Словом, он наш руководитель.

Народный заседатель, хороший народный заседатель, конечно же, имеет свое мнение, сознает свою ответственность, но он предчувствует и то, что хочет услышать от него лидер. Пусть мои слова не будут неправильно истолкованы. Нет, народный судья, хороший народный судья, не пытается навязать свое мнение. Но, проведя вместе не

один процесс, разве уже не предугадываешь, каким может быть мнение старшего, опытнейшего, да еще после того, как предварительно дело было разобрано, намечено, что нужно выяснить и для чего?

Председательствующий предлагает высказаться мне.

— Считаю, что иск необходимо признать. Обязать исполком райсовета выдать каждой семье отдельный ордер.

Судья ничем не выказывает своей точки зрения, а только приводит контраргументы:

— Где доказательства, что семьи ведут раздельное хозяйство? Крупные вещи-то у них общие.

— Но и они, и свидетели-знакомые утверждают, что это две семьи.

— А есть ли гарантия, что их попросту не научили действовать именно так? Вот ведь ни один из соседей не показал, что когда-либо слышал у них в квартире ругань.

Конечно, будь там скандалы, гадать бы не пришлось, решать было бы легче. Но что же получается: люди, не доводящие свои отношения до крайностей, не могут рассчитывать на справедливость? Вот и говорю:

— Неужели надо ждать, когда отношения накалятся?

— Если накалятся! — Опять в словах судьи оппонирующие нотки.

— Мне кажется очень характерным рассказ Галины о жизни в коммунальной квартире. Там-то, без сомнения, были разные семьи. Но жили дружно, и телевизор смотрели вместе, и одинокой женщине помогали. Не аналогичные ли тут отношения? Отношения хороших соседей. Убедила я вас? — повернулась я к моему коллеге.

— Убедили, — с улыбкой облегчения сказал народный заседатель. — Иск надо удовлетворить.

Судья не высказывает своего несогласия. Только как бы проверяет:

— А если у меня другое мнение?

— Тогда состоится решение, принятое не единогласно, а большинством голосов. Оставшись в меньшинстве, вы можете написать свое особое мнение.

Судья делает еще одну попытку:

— Примем решение, иск удовлетворим, и что ж получится: эти семьи будут роскошествовать, а кто-то из очердников района, чью судьбу можно было бы решить за счет квартиры, которую завод предоставит молодой семье, останется с носом... Если каждый, кто поработал на заводе,

будет сразу же претендовать на отдельную квартиру — мы еще долго людей не расселим в приличные жилища.

Ах, вот в чем дело, догадываюсь я, — указание районного начальства: при решении учитывать положение в районе с жилищной проблемой.

Я уже приготовилась возразить, но заговорил второй народный заседатель:

— Кого исполком поселит — бабушка надвое сказала, а тут конкретные люди. Эта семья на заводе век проработала. Заслужила свое право на нормальную жизнь.

Решение мы подписали все трое. Председательствующий особое мнение выражать не стал.

Так что же, собственно, произошло в совещательной комнате? Незначительный эпизод? Эпизод-то, возможно, и незначительный, но попробуем его внимательно проанализировать, осмыслить.

В Конституции СССР сказано: «Судьи и народные заседатели независимы и подчиняются только закону». К кому обращены эти слова? Конечно, в первую очередь к вершителям правосудия, но и не только к ним.

Бывает (не будем обсуждать вопрос: часто — нечасто), что раздаются в суде начальственные телефонные звонки, следуют подсказки, указания, повеления. Наша пресса со всей остротой вскрывает подобные случаи недопустимого давления на суд.

Можно возмутиться, разгневаться на судей, коли они идут на поводу, исполняют чью-то волю. Это легче легкого. Но будем честными до конца и скажем о том, что указания подчас исходят из таких инстанций, которые определяют и предопределяют само избрание на должность народного судьи. Один раз ответит судья словами Конституции СССР о независимости суда и поступит вопреки высказанному начальством пожеланию, два, три раза... а потом? Хорошо, если на другом конце телефонного провода сидит не только умный, но справедливый и принципиальный человек. А если нет?

Представим такой вариант: человек, издающий начальственный звонок совестливый, принципиаль-

ный и даже добрый. Но обладая неполной (ведь не обе же стороны пришли к нему за помощью) и в силу этого тенденциозной информацией, он видит дело искаженно. Звоня в суд и настоятельно указывая на определенное решение, а точнее, настаивая на его принятии, он искренне желает справедливости, действует побуждаемый самыми благими порывами. Иное, чем подсказанное им, решение суда представляется ему противоречащим моральным, нравственным установкам, а слушание — злым умыслом. Разве допускает он — этот начальник, которому односторонне осветили дело или даже извратили, что выводы его неверны? Коли звонит — значит, не сомневается в собственной непогрешимости и праве диктовать суду.

Как же остановить этот указующий перст? Как предотвратить вмешательство, которое, чем бы оно ни было высказано, недопустимо? Положиться на волю судьбы и пассивно ждать, когда во всех начальственных креслах окажутся только принципиальные руководители, высоконравственные люди, не смеющие допустить даже мысли, что под каким-то предлогом можно нарушить Конституцию СССР? Но есть и другой путь: не ждать завершения очистительного процесса. Пусть он идет своим чередом, со всеми непомерными трудностями, но безусловной поступательностью. Пусть идет за пределами совещательной комнаты. А здесь надо действовать незамедлительно, не ссылаясь — даже внутренне, полупрошептом — ни на какие обстоятельства. Не отступать от святого конституционного права.

Как это сделать конкретно указано в законе. В статье 16 Гражданского процессуального кодекса РСФСР сказано: «Все вопросы, возникающие при разбирательстве дела, решаются судьями по большинству голосов. При решении каждого вопроса никто из судей не вправе воздерживаться от голосования. Председательствующий голосует последним. Судья или народный заседатель, не согласный с решением большинства, может изложить в письменном виде свое особое мнение. Особое мнение приобщается к делу, но в зале судебного заседания не оглашается». Подобный порядок предусмотрен и при разбира-

тельстве уголовных дел (статья 307 Уголовного процессуального кодекса РСФСР).

Стоит внимательно вчитаться в положения статьи и становится ясно, что общество, принявшее этот закон, ждет от нас объективного подхода к разбору любой ситуации, выявляющейся при рассмотрении дела («все вопросы, возникающие при разбирательстве дела...»). Ждет смелости и принципиальности («при решении каждого вопроса никто из судей не вправе воздерживаться от голосования»). Предусматривает, что один из судей может остаться в меньшинстве, но и тогда он вправе объяснить, почему и в чем именно он не согласен с решением, принятым большинством состава суда.

Особое мнение в зале не оглашается. В закрытом конверте оно приобщается к делу. С ним знакомятся в вышестоящих судах, а также прокурор, который проверяет обоснованность решения или приговора по делу, его законность. Имеют право ознакомиться с особым мнением истец и ответчик, защитник и осужденный, если речь идет об уголовном деле. То есть все участники процесса.

По такому пути и должен следовать всякий оставшийся в меньшинстве судья, если он тверд в своем мнении. Мне хочется обратить на это внимание прежде всего народных заседателей. При подобном — законом предусмотренном — поведении народных заседателей роль их несомненно повысится, они будут занимать именно то место, которое им предназначено: место равноправных судей, от позиции которых зависит постановка справедливого решения или приговора и в огромнейшей степени — независимость судопроизводства.

Преувеличиваю? Нисколько. Давайте поразмыслим. Мы уже представили как на народного судью может быть оказано давление сверху. Представили и почувствовали затруднительность его положения. Возможно ли подобное давление на народного заседателя? Не исключено, но сомневаюсь хотя бы потому, что народному заседателю легко противостоять нажиму. Он подлинно независим: избирается в трудовом коллективе, где его хорошо знают товарищи, которые высоко ценят его труд, жизненные принципы.

После судейской деятельности он возвращается к своей основной работе, наконец, к своей зарплате.

В газетах и журналах не так уж редко рассказывается об иных неправильных решениях, о несправедливых приговорах, критикуются действия следователей, прокуроров, народных судей, адвокатов. Я же всегда думаю: куда смотрели вы, мои коллеги — народные заседатели? Неужели не было сомнения? А коли было, почему не высказали его, не выразили несогласие в особом мнении — важнейшем документе, который мог бы лечь крепким фундаментом в последующий пересмотр дела.

Когда в прессе анализируются судебные ошибки, о недоработках народных заседателей, как правило, не упоминается. Уж не привыкли ли к второстепенной их роли в процессах? И не потому ли они порой действительно безынициативны, робки при вынесении решений и приговоров, что смирились с этим.

Где тут яйцо, где курица — разобраться трудно. А выправлять дело необходимо. И нужно ли какое-то дополнительное указание народным заседателям, чтобы они строго исполняли свой конституционный долг?

Пишу и предвижу укоры: вы что ж, мол, хотите сказать, что народные заседатели всегда проявляли беспринципность, имеются ли у вас, мол, наблюдения по конкретным делам?

Таким вопрошающим хотелось бы сказать вот что. Семьсот тысяч народных заседателей участвуют ежегодно в разбирательстве дел, перед их взорами проходят миллионы судебных. В суде обсуждаются различные точки зрения. Мнение обвинителя подчас прямо противоположно мнению другого юриста — адвоката. Картина, представленная одними свидетелями, не совпадает с описанием других. Случается, вышестоящие суды поддержат версию, противоположную той, что легла в основу обвинительного заключения и приговора. Поиск истины нелегко, на его пути множество непредвиденных поворотов. Так неужто же те трое, которые оказываются в водовороте мнений, представлений, взглядов, так легко находят правого и виноватого? Неужели у них — таких разных — никогда не возникают несогласия?

Уверена — возникают. Тогда где же они, в законе обозначенные, а используемые столь редко, что судебная статистика не может их разглядеть, — где они, особые мнения? Их гораздо меньше, чем кассационных определений (мнений вышестоящего суда по процессу), отменяющих решение или приговор нижестоящего. А по логике вещей должно бы быть больше.

Следующий вопрос-размышление: почему вынесение особого мнения считается в нашем судопроизводстве чуть ли не чрезвычайным происшествием? Что ж такое криминальное таится в этом документе, предусмотренном законом? Почему особое мнение, высказанное кем-либо из состава суда, рассматривается как крупный просчет судьи? Неофициально, конечно. Не смог, мол, подействовать на народных заседателей. Вот и старается народный судья сделать все, чтобы не было этого особого мнения, тогда как именно оно должно явиться сигналом-призывом при рассмотрении дела вышестоящим судом в кассационном порядке. И почему народный судья должен отвечать за мнение своих товарищей, за их несогласие? Равенство так равенство!

Как-то один из академиков заметил, что ученый должен иметь право на ошибку, потому что должен иметь право на поиск. Так неужели судья не имеет права хотя бы на сомнение, а народный заседатель — на свое мнение?

Еще один аспект вопроса. Не зиждется ли робость иного народного заседателя на его юридической неосведомленности? Мне встречались такие посланцы трудовых коллективов, которые слыхом не слыхивали о своем праве на особое мнение, что уж говорить о конкретных статьях закона, комментариях к ним, других судебных документах. При этом они сетовали, что их не проинформировали судьи, не поставили в известность сотрудники исполкомов, не собрали на семинар работники юстиции. Может быть, и есть тут просчеты. Но прежде всего здесь виноваты сами люди, которые, дав свое согласие на работу в составе судов, а значит, на участие в решении человеческих судеб, пассивно ждут приглашения к обучению. В стране абсолютной грамотности можно найти пути к той области знаний, которая необходима. К нашим

услугам факультеты правовых знаний в народных университетах и библиотеки. Чтобы быть вправе решать судьбы людей, надо учиться.

Более всего негласных возражений предвижу со стороны народных судей. Нет-нет, они не против независимости судов, не против практики вынесения особых мнений, коли перестанут им ставить их в укор. Но время! Где его взять на более углубленное проникновение в дело, на всесторонние обсуждения в совещательной, на споры, в которых должна рождаться истина?

Как ни странно, нагрузка народного судьи ничем не определяется. Доярка должна обслуживать определенное количество коров, сталевар варить заданное количество тонн стали в строго отведенное время, учитель — обучать обусловленное количество учеников, продавец — продавать записанное в накладных количество продуктов, врач — принимать направленное регистратурой количество людей... А судья по гражданским делам — разбирать все без исключения иски, с которыми обратятся граждане, живущие на такой-то территории. К помощи и авторитету суда люди прибегают все чаще, гражданских дел становится все больше. И засиживаются до глубокой ночи народные судьи, чтобы успеть отписать начисто решения. Не успевают. Редко кто из них не работает в выходные дни, чтобы хоть как-то справиться с лавиной дел.

Количество гражданских дел столь велико, что иные высокие авторитеты предлагают такой выход из положения: в законодательном порядке разрешить рассматривать, скажем, одну треть уголовных дел (о менее опасных преступлениях) и примерно половину гражданских исков не коллегиально, а единолично судьям.

Есть, однако, другой, разумный выход: определив количество судебных дел, посчитать, сколько судей необходимо для вдумчивого, внимательного их рассмотрения.

И еще одно размышление: суд, разбирая гражданские дела, решает, кому принадлежит то или иное право, не связывая это с моральными качествами человека. И случается, что жестокосердный сын

наследует дом матери, а искренне привязанная к тете и заботившаяся о ней до конца ее жизни племянница вынуждена покинуть этот дом. Так повелевает закон. Мы, судьи, не обязаны учитывать моральные свойства человека при решении подобного гражданского спора. Но можем ли, имеем ли право отрешаться от моральных оценок?

Вернемся, например, к случаю, уже описанному в данной главе, когда рассматривались два иска на раздел финансовых лицевых счетов. Много в этих случаях схожего: однотипные квартиры, в каждой — по две семьи, связанных кровными узами, одинаковы исковые требования. Различие ситуаций только в одном: в характере взаимоотношений людей в каждой из квартир.

Реши мы в тот день дела по-разному: удовлетвори первый иск и откажи истцам во втором случае — какой бы урок мы преподали всем участникам того и другого процесса, слушателям, соседям, сослуживцам, которые хоть и не присутствовали в зале, но ждали результаты? Судебное решение перечеркнуло бы доброту, терпение, взаимопонимание, которыми отличался микроклимат во второй квартире, и дало повод для неверных суждений. Коли, дорогие наши сограждане, вы ссоритесь, а еще лучше — деретесь, тут уж сомнения нет — все у вас раздельное, и бюджет, и интересы, а стало быть, и семьи. Бегите в суд, ваши исковые требования удовлетворят. Глядишь, и разрешится ваша жилищная проблема, а значит, исчерпается конфликт. Разъедетесь по разным квартирам, и отношения постепенно наладятся.

Но коли за входными дверями тишина — как это было во втором случае, — кто знает, две семьи там обитают или одна. Словом, живите-ка по-прежнему вместе. До каких пор? А до тех, пока разногласия не доведут вас до шумных столкновений. Вот тогда-то быстренько и разрешится ваш спор, иск будет удовлетворен.

Вот что получилось бы, не вникни судьи досконально во все тонкости ситуаций, остановись на поверхностном впечатлении. Урон от возможной скоропалительности был бы немалый.

В статье 2 Гражданского процессуального кодекса РСФСР говорится: «Гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению правонарушений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития». О каком воспитании в духе уважения правил социалистического общежития могла бы идти речь? Все познается в сравнении. Судебные уроки — тоже.

В апреле 1987 года на пленуме Верховного Суда СССР был рассмотрен вопрос о соблюдении законодательства, регламентирующего участие народных заседателей в осуществлении правосудия. В постановлении пленума отмечено, что активное участие народных заседателей в рассмотрении гражданских и уголовных дел служит важной гарантией полного, всестороннего и объективного выяснения обстоятельств судебных дел и принятия по ним законных, обоснованных и справедливых решений.

Что ж, дело за народными заседателями. Услышать — и претворить в жизнь этот призыв-постановление.

Демографы, статистики подсчитывают количество разводов, приходящихся на ту или иную возрастную группу, определяют их зависимость от обеспеченности жильем, наличия детей, от взятых на себя или отодвинутых в сторону тем или иным супругом домашних обязанностей и других причин.

Из судейского кресла картина казалась однообразнее.

В Кодексе о браке и семье РСФСР записано, что «расторжение брака производится в судебном порядке, а в случаях, предусмотренных статьями 38 и 39 настоящего Кодекса,— в органах записи актов гражданского состояния».

Статья 38 устанавливает: «При взаимном согласии на расторжение брака супругов, не имеющих несовершеннолетних детей, расторжение брака производится в органах записи актов гражданского состояния». В статье 39 предусмотрены случаи разводов в органах загса по заявлению одного из супругов, если другой супруг: признан в установленном законом порядке безвестно отсутствующим; признан недееспособным вследствие душевной болезни или слабоумия; осужден за преступление к лишению свободы на срок не менее трех лет.

Таким образом, через судебное разбирательство проходят все супружеские пары, у которых есть несовершеннолетние дети, а также те, которые не пришли к обоюдному решению о необходимости развода.

Что говорить — семьи, где есть дети, требуют к себе особого внимания. И когда мы разбираем иск о расторжении брака, мы решаем вопрос не только о том, быть или не быть вместе двоим взрослым людям — мы задумываемся о судьбе детей. Вот и в законе определено: брак расторгается, если судом будет установлено, что дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи стали невозможными. При вынесении решения о расторжении брака суд принимает в необходимых случаях меры к защите интересов несовершеннолетних детей и нетрудоспособного супруга.

Язык закона сух. И уж если появилось в статье слово

«невозможно» — оно как сигнал к особому вниманию. Но как иной раз ни пытались склеивать принесенные в суд осколки семьи, нам это не удавалось. Уж очень велики были к тому времени потери, и щербатые осколки никак не хотели, не могли слиться в единое целое.

Разные бывают причины, как то установлено и порой подсчитано учеными. Но из судейского кресла картина представляла не только однообразной, но в чем-то даже безысходной. Если бы меня в то время спросили, почему люди разводятся, я бы ответила: «Из-за водки».

И сейчас, стоит сосредоточиться и вызвать перед мысленным взором картины судебных процессов по расторжению брака, так и видишь, как стоит женщина, слышишь ее скорбный голос, повествующий все о том же: о распаде семьи из-за пьянства мужа. Повесть эта от многократного повторения не становится привычнее.

Вслушайтесь, вникните.

— Прошу вас, товарищи судьи, развести нас. Женаты пять лет, есть сынишка. Года три муж пьет. Почти каждый день. Ходила на работу к нему, просила воздействовать, обещали побеседовать. А вообще говорят, мол, претензий нет. Работает неплохо. Это он пока не старый еще может выдержать. А что потом будет? Мало того, что денег не дает, с сынишкой не занимается... Так теперь мальчик подрос, стал играть в папу, ходит покачивается, нецензурно ругается. Что дальше будет?

Или вот рассказ другой истицы, начавшийся все той же просьбой — мольбой о разводе.

— Двое детей. Деньги муж уж вовсе перестал приносить, все пропивает.

На вопрос суда, почему она настаивает на разводе, женщина объяснила:

— На исправление его уж не рассчитываю, но надеюсь, что после развода его заберут к себе свекры. Единственный он у них. Тогда хоть ребят изолирую от пьяницы.

Третья, рассказывая о своем несчастном браке, говорила:

— Мало того, что напивается, так стал руки распускать. Чуть что не по нему — в драку. А не по нему любой укор.— И вновь мольба:— хочу детей спасти, убереечь. Помогите! Разведите.

Четвертая, пятая, шестнадцатая, тридцать вторая... Конечно, встречались и другие причины развода... Но в

основном... в основном были вариации на одну и ту же печальную тему.

Ответчики по делу сидели обычно рядом. Одни обещали исправиться, другие оспаривали, не соглашались с описаниями их художеств (правда, ненадолго, до показаний свидетелей — соседей), третьи были пассивно-безучастны, а случалось, «отцы семейств» и в суд-то приходили явно в состоянии глубокого похмелья.

И как ни ясна картина, трудно, грустно было всякий раз подписывать решение о расторжении брака.

А вдруг еще связывают этих людей нити привязанности, долга, обязанностей, любви? Может быть, есть еще надежда? Может быть, есть еще возможность вернуть отца детям?

Вот и борются судьи за сохранение этих семей. И только когда убеждаемся, что случай абсолютно безнадежный, что ничего, кроме обид, ненависти, недоверия не осталось у когда-то близких людей, идем мы на удовлетворение иска.

В большинстве же случаев рассмотрение дела откладывали на три — четыре — шесть месяцев. Коли есть хоть слабый светик надежды — надеемся. Может, проснется совесть у мужа истицы. Может, достанет сил под угрозой расставания с любимыми детьми начать борьбу с пороком — болезнью. Учитывали, что испытание судом — сильнодействующее средство — авось сыграет свою роль, авось поможет...

Бывало, при повторном вызове забирала истица свое заявление, объясняя, что в семье восстановились мир и предупредительность, трезвость. Нечастые эти случаи были праздником, дарили редкие минуты радости в нашем труде.

Мечталось только об одном — побольше бы таких оборотов дел. Но их было столь немного, что можно пересчитать по пальцам.

На память приходили другие — когда раковая опухоль пьянства давала свои метастазы, губя здоровую прежде семью. И тогда в трагическом положении могли оказаться дети. Требовалось их спасать, изолируя от пьяниц. Изолируя от родителей. В статье 59 Кодекса о браке и семье РСФСР сказано: «Родители или один из них могут быть лишены родительских прав, если будет установлено, что они уклоняются от выполнения своих обязанностей по

воспитанию детей или злоупотребляют своими родительскими правами, жестоко обращаются с детьми; оказывают вредное влияние на детей своим аморальным, антиобщественным поведением, а также если родители являются хроническими алкоголиками или наркоманами. Лишение родительских прав производится только в судебном порядке. Дела о лишении родительских прав рассматриваются по заявлению государственных или общественных организаций, одного из родителей или опекуна (попечителя) ребенка, а также по иску прокурора».

Как видно, в законе перечислены несколько позиций, которые могут служить основанием для лишения родительских прав. А из своего опыта, из многочисленных рассказов коллег знаю — первым, главным мотивом является пьянство матери. Именно матери. Трудно ребенку, отец которого ради лишней стопки спиртного забывает обо всем. Но когда превращается в пьяницу мать — ребенок становится сиротой.

Хочу рассказать об одном из таких дел.

...На суде, как того требует закон, двенадцатилетний Петя Кузьмин не присутствовал. Но разговор шел о нем: где ему будет лучше, как устроить его жизнь. Потому что, как заявил представитель роно: «Дальше так продолжаться не может. Ребенок не должен жить в таких условиях!»

Дело по иску о лишении родительских прав слушалось в выездном заседании районного народного суда, которое проходило в помещении общественного пункта охраны порядка. Оно продолжалось несколько часов.

Конечно, можно было бы долго рассказывать о полной заброшенности ребенка. О том, как мать Пети неделями не появлялась дома, оставляя ребенка голодным, неухоженным, как его кормили соседи и он болезненно переживал, мучился от того, что его из жалости подкармливали добрые люди. Когда мама появлялась, Пете было не легче. Приходила она в компании выпивох, и дома начинались оргии: с пьяными скандалами, битьем посуды, сценами, что и взрослому-то наблюдать тяжело, не то что ребенку. Но достаточно всего одной фразы, чтобы представить Петину беду: его мать была пьяницей.

Мать-пьяница. Страшным кажется это словосочетание. Но еще страшнее жизнь ребенка с такой матерью. Главная опасность, которой подвергается человек, растущий в подобной обстановке, — даже не безнадзорность, а разла-

гающее влияние аморальной среды. Конечно, неуютно мальчишке в доме, где мама вечно пьяная, сквернословящая, грубая. Но когда ребенок постоянно наблюдает такие сцены, он к ним привыкает и пьянство уж не воспринимается им как большое зло.

На судебном процессе были оглашены показания Пети Кузьмина, доставленного нетрезвым в детскую комнату милиции: «Выпил не в первый раз. Я обычно допивал вино, если оно оставалось в стаканах. Вначале было интересно, а теперь это уж как привычка». Спокойно, деловито поведал Петя об этой своей страшной привычке.

Но все-таки была в этом процессе своя особенность. На передней скамье сидела не только мать Пети, Галина Валентиновна, — женщина с поблекшим, опухшим лицом, трясущимися руками. Сидел и мужчина — отец Пети. Бывший муж Петиной матери. Проходя через зал перед заседанием, я заметила, как усаживался этот мужчина. Он выбирал место подальше от той, в которой я сразу же признала ответчицу. В движениях мужчины просматривалась демонстративность: пусть, мол, никто не подумает, что есть какая-то связь между ними — таким спокойным, чистым человеком и этой женщиной, приехавшей в суд из больницы, где она проходит курс лечения от алкоголизма.

Свидетели в суде почти не упоминали отца Пети Кузьмина, а сказали о нем много.

— Я даже не знала, что у Пети есть отец, — удивилась соседка по дому.

— А я считала, что отец у него какой-нибудь никудышный человек, пьяница, которому ни до чего дела нет. И вдруг узнаю, что он работает на почтамте, хороший шофер. Правда, мне очень хотелось добавить: «Шофер-то хороший, да человек, видно, плохой, раз сыном совсем не интересуется», — рассказывала другая.

Директор школы, в которой учился Петя, недоумевал:

— За двадцать четыре года педагогической практики я много видел семей. Были среди них и такие, где родители разведены. Но впервые пришлось столкнуться с человеком, который, считая себя вполне достойным, был бы настолько... глухим к беде, что надвигалась на его сына.

Именно к нему — Геннадию Васильевичу Кузьмину — первому обратились за помощью учителя, заметившие трудное положение ребенка. Отец ответил: «Я плачу алименты». То же самое он говорил и членам районной комис-

сии по делам несовершеннолетних, которые предложили Кузьмину изолировать сына от пьянствующей матери. Работники роно тоже предупреждали Геннадия Васильевича, что с матерью Петя находиться не может. Но и тут был тот же козырь: «Я же плачу алименты. Не отказываюсь!» — «А от сына?» Тот не поколебался ни мгновения и написал заявление: «Сына Петю я взять не могу, так как у меня вторая жена, имею 6-месячного ребенка от второго брака. Со старой семьей я порвал 5 лет назад, в воспитании сына не принимал участия, взять его к себе в новую семью не могу».

Спокойно, без тени колебания Геннадий Васильевич повторил все это и в суде. А мне подумалось: может быть, причина есть у Кузьмина, какие-то только ему известные обстоятельства, заставившие его написать то заявление. Хотя... какие же это могут быть обстоятельства, которые понудят человека отказаться от сына?

Задала я этот вопрос. Ответил Кузьмин не сразу, будто прикидывая, примеряя каждое слово.

— Понимаете ли, я ведь вправду не мог взять сына к себе...

Вот оно — вправду. Я надеялась — сейчас что-то откроется. И поэтому продолжала:

— Почему же?

— У меня новая семья, полугодовалая дочка. Жена не соглашается взять Петю.

— А вы?!

— А что я могу сделать? С девочкой-то сидят тесть и теща... Не можем же мы навязать им второго ребенка. Да еще такого...

— Какого?

— Вы же слышали — он пьет, он распушенный, не признает никакой дисциплины, не хочет учиться. Он... он ни к чему не приучен: ни убирать за собой, ни делать уроки, ни приходиться вовремя домой.

Неподвижное лицо папаша Кузьмина оживилось, глаза засверкали. Он обличал! Он доказывал невозможность «совместного проживания». Вот они, те самые обстоятельства, которые не позволяли ему взять к себе сына.

— А как вы думаете, почему мальчик стал таким, каким вы его обрисовали?

— Ну... с такой-то мамашей! — кивнул он в сторону

бывшей жены, сидевшей все в той же обреченной позе. На лице его отразилось презрение. — Жить с ней было невозможно. Я поэтому и развелся.

— Что же, мальчик был испорчен с младенчества?

— Нет. Кто же это говорит? Я... я вспоминаю, он ведь был очень ласковый, спокойный, веселый. Однажды, ему было тогда года три, мы с ним пошли гулять, так он меня обо всем расспрашивал... А скажешь ему «нельзя», он не плачет, согласится.

— А жена? Бывшая жена тоже, наверное, не сразу же стала такой, какой мы ее видим?

— Первые четыре года мы дружно жили. А потом она пошла работать в торговлю, и начались пьянки. Я попробовал ее укорять, стыдить. Не помогло. Стала хулиганить. Ее осудили, направили в колонию. Я понял — ее уже ничто не исправит. И решил — разведусь.

— Вы были убеждены, что она будет и после выхода из колонии выпивать?

— Да. Был убежден. И видите — оказался прав.

— Были убеждены — и оставили ребенка с пьющей женщиной?

— Но... — Геннадий Васильевич даже поперхнулся, не ожидая такого поворота. — Я не оставил. Это бабушка — мать бывшей жены — оформила на Петю опеку.

— Оформила? Что же — без вашего согласия? Вы что же, были против?

Он потупился:

— С согласия. С моего согласия.

— А где же теперь эта бабушка?

— Умерла. Она была совсем старенькая, — очень тихо произнес Кузьмин.

Да, вероятно, строить совместную жизнь с женщиной-пьяницей было невозможно. Вероятно, прав был Геннадий Васильевич, решив порвать с ней. Можно ли осудить его за уход от такой жены? Но он — непьющий, трезвый человек — оставил с ней своего семилетнего мальчика. На что он надеялся? Никакими алиментами не загладить Геннадию Васильевичу свою вину, не искупить вред, что нанес он сыну.

Геннадий Васильевич постоял, тяжело как-то сел. В зале царило молчание. Суд не мог пройти мимо последней возможности создать Пете нормальную жизнь. Потому-то и была приглашена свидетельница Тамара Ивановна Кузь-

мина — нынешняя жена Петиного отца. Но она отвечала прямо и резко:

— Нет! Мы не можем.

И как последний веский аргумент:

— У нас же есть дочь.

Народный судья дополняет:

— И у вашего мужа — сын. Или вы не знали об этом ребенке, когда выходили замуж?

— Почему же? — высокомерно вздернула плечо Тамара Ивановна. — Он предупредил меня... об алиментах. Но мальчик остался с матерью. Это же естественно.

— Он попал в тяжелое положение. Вы же понимаете, что в той семье оставаться невозможно, — заметил народный заседатель.

— Вы что же, хотите, чтобы я дала согласие привести ребенка к нам?! — В голосе свидетельницы звучал неподдельный ужас.

Мы ни на чем не настаивали, лишь проверяли материалы дела, искали возможность спасения Пети. Прикидывали, стоит ли еще раз предлагать отцу взять его к себе.

Нет, у меня не было вопросов к Тамаре Ивановне.

Сотни примеров материнского подвига женщин, усыновивших чужих детей, чтобы дать им семейное тепло и ласку, не убедили бы новую жену Кузьмина. Слова были бы впустую. Разве понять ей логику простой женщины из Ленска, по письму которой мне пришлось выехать в Якутскую АССР?

История такова. Марья Никифоровна и Евгений Семенович были бездетны. Они удочерили девочку. Когда Оля подросла и стала просить сестренку, решили взять второго ребенка. Супруги стали оформлять документы на девочку, от которой отказалась мать в родильном доме. Но тут выяснилось, что у новорожденной есть два брата: полуторагодовалый Толя и трехлетний Олег, совершенно запущенные дети. Мать не заботилась о них... Суд решил лишить пьяницу родительских прав. «Так мы всех ребятшек и усыновили, — рассказывала Мария Никифоровна. — Нельзя же их делить». Эта женщина понимала, что разлучить ребят было бы жестоко, бесчеловечно.

О том, какие это были дети, Мария Никифоровна даже не упомянула. Инспектор роно позже поделилась со мной: «Когда мы приехали, на ребят было страшно смотреть. Младший молчал, а старший нецензурно ругал-

ся. Мария Никифоровна подошла к мальчику, взяла его на руки, прижала к себе, спросила: «Ты почему такой сердитый?» А он вдруг заулыбался: «Я не сердитый. Я старший!»

Мария Никифоровна и Евгений Семенович думали о будущем, о том, как ребятишкам помочь, радовались, что в их доме звучит детский смех.

Как-то летом, возвращаясь с юга к себе в Якутию, Мария Никифоровна и Евгений Семенович вместе с ребятами заехали к нам в редакцию. «Посмотрите, какие мы счастливые»,— светилося на лицах родителей и детей.

Конечно, суд не то место, где можно ожидать героических поступков или подвигов. Здесь чаще узнаешь о человеческом горе, неурядицах, конфликтах. Но случается встретить и другое — светлое, душевное, благородное.

В нашем процессе как бы вторым планом, ненавязчивым подтекстом шел скромный рассказ о людях, вроде бы посторонних, но обеспокоенных судьбой ребенка — о соседях, о родителях Петиных товарищей. Не только о хлебе насущном (хотя и о хлебе тоже!) думали они.

— Когда я отправляла двух своих ребят в деревню, решила вместе с ними послать и Петю. Он ведь никогда не выезжал из Москвы. Так и отдыхали втроем,— говорила одна.

— Я старалась приодеть Петю. То ботинки Стасиковы ему дашь, то брючки. Ведь мальчик ходил до глубокой осени в тапочках. А из брюк вырос так, что они ему едва колени закрывали. Старалась не обидеть, говорила, мол, у нас в семье всегда так поступают — от старших вещи переходят к младшим. Боялась, что Петя почувствует себя обездоленным. Он ведь был очень ранимым,— свидетельствовала другая.

— Когда мать Пети приезжала домой и устраивала попойки, я забирала мальчика к себе,— рассказывала соседка Кузьминых.— Негоже парню видеть такое... Только разве все скроешь? Я уж и с Галиной беседовала о сыне, укоряла. Да она не слушает.

Учителя тоже ни на день не забывали Петю. Оформили его на продленный день, чтобы была у него возможность бесплатно обедать. А за ужин попеременно платили то директор, то классный руководитель. С отстающим учеником учителя занимались дополнительно, ему помогали одноклассники. «Если бы не тяжелое положение в семье,

мальчик мог бы неплохо учиться. А он еле 'тянет», — заключил директор.

Я вглядываюсь в лица свидетелей. В них доброта, искренность и боль, беспокойство. Пытаюсь поймать и взгляды людей, сидящих на передней скамейке, — родителей Пети Кузьмина. Ответчиков. Низко наклонила голову от стыда женщина, мужчина смотрел отрешенно-надменно в сторону.

...Заседали мы в совещательной долго. Обсудили несколько вопросов. В решении записали: лишить Галину Валентиновну и Геннадия Васильевича Кузьминых родительских прав на сына Петра, обязать районный отдел народного образования поместить его в детское учреждение для дальнейшего воспитания. С бывших супругов суд постановил взыскивать четверть всех видов заработной платы до совершеннолетия ребенка.

Могли ли мы простить безнравственное равнодушие отцу? Суд направил в профсоюзный комитет автобазы частное определение, предложив на собрании коллектива обсудить поведение «хорошего шофера, добросовестного товарища» (как о том говорилось в характеристике с места работы), но никудышного родителя.

Трудны эти решения — о лишении родительских прав. После них в сердце остается тревога: что же будет с ребенком? Поместят в детский дом, в школу-интернат. Лучший ли это для него вариант? Ведь как бы ни был хорош детский дом, в нем ребенок лишен семейного тепла. Успокаивали себя тем, что для Пети любой детский дом лучше жизни в материнской квартире. Но беспокойство не проходило. Рассуждали, что ненадолго останется такой ребенок в детском доме. Почему? Многие бездетные люди обращаются в органы опеки и попечительства за разрешением взять ребенка на воспитание. В таких случаях тщательно проверяются условия жизни усыновителя и его семьи, выявляются моральные качества, материальные возможности. Сотрудники отдела народного образования выясняют согласие ребенка. Только после этого решением исполнительного комитета районного или городского Совета народных депутатов производится усыновление. Если у ребенка есть отец с матерью, не лишенные родительских прав, то обязательно нужно их согласие — так требует закон.

Статья 63 Кодекса о браке и семье РСФСР предусмат-

ривает для исправившегося родителя возможность вновь обрести своего ребенка: «Восстановление в родительских правах допускается, если этого требуют интересы детей, и производится только в судебном порядке по иску лица, лишенного родительских прав, или прокурора. Родители не могут быть восстановлены в родительских правах, если дети усыновлены другими лицами».

Не довелось мне рассматривать дело о восстановлении в родительских правах Галины Валентиновны Кузьминой. Но с радостью я узнала позже, что такой иск был подан ею, а судом удовлетворен.

К сожалению, нечасто приходится рассматривать в судах иски о восстановлении в родительских правах. И хотя государство делает, кажется, все возможное, чтобы ребенок смог вернуться к излечившейся от алкоголизма матери, чтобы не испытывал одиночества, покинутости, тревоги — не часто подаются матерями иски. Не столь часты выздоровления, как хотелось бы.

И это еще одно обвинение пьянству.

Объявлена бескомпромиссная война пьянству. Искоренение социального зла, нанесшего огромный вред нашему обществу, стало всенародной задачей.

И если раньше призывное слово, зовущее на борьбу с пьянством и алкоголизмом, расходилось с практикой застолий по любому поводу, начиная от выполнения плана и окончания сева до вступления в общество озеленения, то нынче подобная практика осуждена. Так, может быть, уж не стоит и писать о них, ведь явление-то уходящее?

Но не так-то легко сдается зло. Не столь просто отказываются иные от пьяных своих приверженностей. Когда мы говорим, что пьянство — это добровольное сумасшествие, то чаще делаем ударение на первом слове сочетания. Спору нет, человек вступает на эту тропу сам. И все-таки нельзя отбрасывать второго слова. Оно — указание на болезнь. Не отсюда ли наряду с нашим гневом приходит и гнетущая печаль?

Вспоминается такой случай.

Дважды откладывалось в надежде на примирение дело по иску о расторжении брака. Заявление посту-

пило в третий раз. И снова подала его жена: муж пьет, уж сколько раз обещал исправиться, но обещания хватало на неделю-две. Обращалась за помощью по месту работы, там его осудили на собрании. Поостерегся несколько дней и вновь запил. В семье двое детей: восьмилетняя дочь и полуторогодовалый сын. На расторжение брака муж согласия не давал.

...В суд они пришли втроем: тридцатилетняя женщина, бледная, издерганная, со светловолосым подвижным мальчишкой на руках, и ее муж — покурый мужчина, стыдливо прячущий виноватые глаза. Он сел рядом с женой, и мальчик потянулся к отцу. Каким светом озарилось сразу же лицо мужчины! Отец хотел посадить ребенка на колени, но женщина отодвинула мальчика подальше.

— Сколько же вы будете откладывать, товарищи судьи? — взмолилась женщина. — Он все обещает и обещает, а сам...

Мы уже готовы были уйти в совещательную комнату, как вдруг ответчик, не обращая на нас внимания, повернулся к жене, заговорил:

— Помоги мне, Катя! Я люблю вас. Я не смогу без тебя, без детей. Я... я... я ж хочу не пить. Разве ты не видишь? Не бросай меня. Прости! Помоги!

Потом он хотел еще что-то сказать и — заплакал. Плача, произносил только одно слово: помогите.

Вначале жена сидела закаменевшая, а потом прижалась к нему, успокаивая и рыдая.

Председательствующая сделала нам знак, мы тихо удалились из зала.

Муж и жена вошли к нам через несколько минут.

— Отложите, пожалуйста, дело. Дайте нам еще раз попробовать. Ваня лечиться пойдет. Он очень хороший, детей любит. Я... я его так ждала из армии... — она смотрела на нас заплаканными, но сияющими глазами.

Рассмотрение дела было отложено на шесть месяцев.

Через полгода в коридоре суда мы повстречались с бывшей истицей. Она пришла, чтобы подать заявление об отказе от иска.

— Значит, наладилось? — поинтересовалась я.

— Налаживается,— спокойно ответила молодая женщина.

Что было в ее словах? Успокоение? Нет. Радость? Тоже нет. Ожидание? Да.

— Разве он еще не выполнил своего обещания? — спросила я, предугадывая в Катином ответе желание поделиться.— Не пошел на лечение?

Мы разговорились. Она и поведала о нелегкой долговременной борьбе с пороком, слабостью мужа, его неверием в собственные силы, о борьбе, в которую вступила их семья.

Женщине открылось множество проблем, которые возникают, когда муж бросает пить.

— Ему ж после больницы нельзя было ни грамочки,— негромко говорила она,— а на заводе как? То или другое обмыть, мол, надо. Мужики собираются. А он? Не пить-то среди пьющих трудно: они хоть и знают, что ему нельзя, а, жалеючи, уговаривают. «Нет,— сказал,— ходить к ним не буду!» Раз не пошел. Другой. А потом и говорит: «Так я ж, Катя, один остаюсь». Я и сама вижу: покинутый. Значит, не друзья были, а собутыльники? Выходит, так.

И вдруг мне предстал весь ужас одиночества ее мужа.

— Ну и что же? — спросила я, боясь услышать, что остутился ее Иван.

Нет. Не услышала.

— Он мне предложил: «Катя! Ты не могла бы встречать меня у проходной?»

Я ожидала знакомого рассказа о том, как приходилось жене встречать-проводить мужа, чтобы не дать ему свернуть с трезвой дороги, проконтролировать.

— А я ему говорю: «Нет, Ванечка, не могу!» — «Почему?» — спрашивает и вроде как обижен. «Дел у меня больно много. Сам знаешь».

— Все-таки почему ж ему отказали? Не из-за занятости ведь? — допытываюсь я у Кати.— Знаю, что нашли бы время. В чем-то другом причина?

— Времени у женщины вправду не хватает. Но на его просьбу не потому не согласилась,— рассудительно объясняла Катя.— Я, пока он в больнице лечился, с его врачом много раз советовалась. Он мне

очень хорошо о Ванином недуге объяснил, книжки небольшие давал почитать. Так что я знала: воля у...— Катя запнулась, я почувствовала, что она не может, не желает произнести слово алкоголик. Она запнулась и произнесла: — У них ослабленная. Ее не подпирать, а вроде бы тренировать надо. А то что бы получилось, если бы я согласилась его у проходной ожидать? То, что он изуверился бы в своем честном слове. У него ж сила воли и так иссякающая, а тут я бы согласилась, что да, мол, Ванечка, не верю тебе, не надеюсь на тебя.

Но не искать возможности помочь ему Катя не могла. Стала — не в тот же день, не сразу — поручать то ребенка из детского сада привести, то сходить на родительское собрание в школу, где учится дочь, то к матери срочно после работы съездить.

— Он, может, и понимал, что неспроста это, — улыбнулась Катя. — Только не говорил, что догадывается. Да и я хитренько эдак просила: мол, выручи, Ваня, меня сегодня.

Но после каждого поручения опять он оставался вроде бы неприкаемым. Катя задумалась, что делать дальше. Как-то Иван поделился, что намечено в цехе собрание: на товарищеский суд вызывают бывшего Иванова дружка — собутыльника. Тот стыдится, даже заболел. Многие считали — скрыться хочет от ответственности. «А ты ему, Ваня, помоги», — предложила жена. Тот растерялся: «Что я могу?» — «Многое. Раз стыдится человек, значит, не все потеряно. Вот и уговори лечиться. Потом в профком, в товарищеский суд сходи, убеди, что его не совестить надо да перед всеми срамить, какой он некудышный, а дать ему возможность в себя поверить, хорошее в нем показать. А еще лучше — поручись за него. Конечно, если он всерьез захочет лечиться».

Уговорила мужа, а сама все-таки утром забежала в партком завода, объяснила свой план, чтоб подстраховаться. Там ее поняли, поддержали, помогли. Дело ведь было общее.

— Так у Ивана появился трезвый товарищ, ответственность за него появилась.

Я смотрела на молодую женщину: была она про-

стой работницей ткацкой фабрики, но к решению социальной проблемы подошла подготовленной. Она вступила в борьбу не ради «галочки» в графе отчетности — ради спасения человека, семьи, наконец, любви. Не позволила себе ошибки, не положилась на советы кумушек. Вела наступление по всем правилам науки.

Катя рассуждала далее:

— Все думают, что главное — хоть чем-то занять... — опять она запнулась на слове, которое считала позорным, — человека, который раньше пил. Я вот убедилась, не отвлекать его постоянно от бутылки, а подключить к хорошему делу надо.

Она рассказывала, что стали они, например, ходить в походы. Только это их не совсем удовлетворяло. Искала Катя дела потрудней да для других людей полезного.

— Так вот предложила я ему летом школу помогать ремонтировать. Конечно, сама туда заранее ходила, предупредила. В школе согласились, даже, можно сказать, обрадовались.

— Трудно? — спросила я Катю.

— Очень. Очень трудно. Иногда задержится, я вся изведусь. Больно уж опасная болезнь. Отступает она медленно. Любую лазеечку ищет, чтобы вернуться. Но придет Ваня домой, и виду не подам, что сомневалась. Улыбаюсь. Все равно не отступлюсь!

О чем был этот рассказ? О самостоятельной ячейке общества борьбы за трезвый образ жизни? Об истории возрождения семьи? Нелегкую миссию взяло на себя наше общество. Много различных дифференцированных задач надо будет выявить, поставить, решить — больным помогать, здоровых предупреждать, молодых оберегать, ни на минуту не забывая, что заклеить несложно, трудно исправить зло.

Нет у этой борьбы тыла. Только фронт. И линия его проходит через зал суда и собственную квартиру, заводской Дом культуры и тихий двор, где собираются подростки, через вечернюю поляну, где у костра поют туристы, и аллеи парка. Успех зависит от того, какую роль изберем мы — неброскую, трудную роль Кати или уподобимся брезгливому папаше Пети Кузьмина.

Осужденный, не согласный с приговором, имеет право, как это определяет Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, подать кассационную жалобу в вышестоящий суд. Но то была не кассация, а исповедь, письмо в суд человека, дело которого мы незадолго до этого рассмотрели. Он жаловался на судьбу, на роковое стечение обстоятельств.

«Я сделал большую ошибку и готов понести заслуженную кару,— писал он.— До сих пор не укладывается, что я преступник, социально опасный элемент. Никогда я не думал, что такие чувства, как дружба, товарищество, которые могут породить подвиг, приведут меня к катастрофе.

Я прожил незапятнанную жизнь. В 14 лет начал трудиться. Служил в армии. Имею благодарности командования.

Были у меня и трудности. Однажды в результате несчастного случая получил травму глаз. Несколько дней ничего не видел, но и в то время я не впадал в такое отчаяние, как сейчас. После армии приехал в Москву, чтобы получить высшее образование, а не пьянствовать и не воровать.

Я понимаю, что факты — упрямая вещь и они, к сожалению, против меня. А ведь я работал на совесть. Помогал родителям деньгами. По-моему, товарищи меня уважали. А Сметарин... Он грамотный и эрудированный человек. Я проникся к нему уважением. Мы отмечали вместе некоторые праздники, но это не значит, что я — лишь его собутыльник.

Когда он пожаловался, что его замучили алименты и со второй женой у него тоже «не клеится», что вообще он считает свою жизнь бессмысленной, мне по-человечески стало его жалко.

Мне никогда не приходила мысль о том, чтобы пополнить свои материальные сбережения путем воровства, каких-либо темных махинаций. Но когда он предложил... я согласился... Если бы повернуть события назад! Но теперь поздно».

Дело по обвинению в хищении автора письма П. И. Кирюкина и его начальника Сметарина мы рассматривали на выездной сессии в красном уголке завода. В начале процесса, вынеся соответствующее определение, мы вышли на место преступления — ко второму цеху. Свидетель — инженер завода — рассказывал:

— Ночью ворота всегда на замке, и чтобы не было сомнений, он толкнул тяжелую серую створку, потом другую, а они — как приросли друг к другу, образовав надежный заслон. Ни щели, ни лазейки.

— И все-таки преступникам удалось проникнуть в цех! — удивилась я.

— Действительно, кажется, что это невозможно, — кивнул инженер.

Он попытался покачать массивные двери. Они держались плотно. Подсудимые были здесь же. Я посмотрела на Кирюкина, и тот показал, как оттянул ворота на себя и Сметарин пролез в образовавшуюся сверху щель.

На цементном полу цеха вдоль стен в ту ночь стояли штабеля готовой к отправке продукции: массивные деревянные ящики были плотно перебинтованы стальными лентами.

— А вынесли ящики мы уже не через ворота, — пояснял Кирюкин и указал на свободное помещение справа. — Здесь обычно хранится пустая тара. Дверь закрывается на заворачивающуюся изнутри гайку.

Мы вышли из цеха на укатанную дорогу, опоясывающую завод. Зеленая полоса деревьев и кустарников, что насажена вдоль забора, слева, метрах в пятидесяти от цеха, разрывалась, образуя уютную площадку для отдыха. Она и привлекла тогда преступников, тащивших тяжелую ношу.

— Ночью здесь не бывает темно, — говорил инженер, указывая на два мощных прожектора, укрепленных под крышей цеха. — Дорога постоянно освещена, ведь перевозки не прекращаются ни днем ни ночью. Но в кустах, под деревьями тень.

— А ночью стрелок охраны виден?

— Виден. Все знают, что он там стоит. Это ведь постоянный пост — на углу второго цеха.

— Дело ясное — хищение, — не сомневались один, другой, третий свидетели.

Для нас, судей, сложность заключалась не в установ-

лении факта хищения, а в прояснении причин, обстоятельств, приведших людей на скамью подсудимых. Эту трудную задачу мы определили для себя как главную еще во время подготовки к процессу.

Протоколы допросов, акты, описания следственных экспериментов, результаты очных ставок, собранные в папку «дела», дополняли друг друга, начиная с показания Н. М. Жиковой — стрелка охраны, несшей службу в ночь на 25 июля.

В половине второго она, выйдя из-за угла, заметила две мелькнувшие фигуры, которые скрылись в кустах. Будто люди, рассчитав ее маршрут, специально ждали, когда она скроется за углом, чтобы...

Нина Максимовна сразу же позвонила в караульное помещение:

— Двое высоких мужчин... около цеха номер два. Несли ящики. Один на плече, второй в охапку.

Она внимательно наблюдала за пустынной дорогой. Уже через три минуты к месту события бежали трое: начальник караула и два милиционера. Дальше счет времени шел по секундам: группа приблизилась к площадке, из кустов на дорогу выскочили двое. Один бросился наутек и скрылся, второй чуть замешкался или споткнулся. Милиционер резким броском догнал его, свалил. А спустя несколько минут начальник караула сообщил Нине Максимовне, что в руках убежавшего был нож.

Разоруженный, подняв растерянный взгляд на милиционеров, тихо проговорил:

— Не надо... Я теперь сам... Сам пойду.

В караульном помещении сел на предложенный стул. Был он высоким, худощавым человеком лет сорока. Закаленные рукава спецовки обнажали волосатые руки. Мужчина обвел взглядом комнату, словно не веря в происходящее, низко опустил голову. На вопросы отвечал односложно.

— Смирнов. Токарь. В первом цеху. Почему бежал?.. Случайно... Испугался... Зачем нож? Хотел открыть... Нет... не то. Ничего не вытаскивал... Какие ящики?

Начальник караула и милиционер снова направились к месту происшествия. Вернулись скоро, неся тяжелый ящик.

— Не узнаете? — спросил милиционер.

— ?..

— Не узнаете? — повторил он свой вопрос.

Назвавшийся Смирновым поднял голову, тяжелым взглядом окинул присутствующих, принесенные ящики.

— Чего уж... моя работа, — потом вдруг, что-то решив, оживился: — Вот именно для этого и нож был нужен. Хотел открыть... — он говорил, захлебываясь в словах, уверившись, что много раз повторенное может сойти за правду.

Споро составили акт: «...Два ящика шарикоподшипников, тип 558911, в количестве 224 штуки... общей стоимостью в 1052 руб. 80 коп.». Потом позвонили в первый цех.

Положив трубку, начальник караула повернулся к задержанному:

— Вот так-то... Не работает в первом цехе рабочий Смирнов. Милиция все равно установит правду. Так что зря вы... Не поможет.

Тот подавленно молчал. Милиционеры отвели его к машине. Да, правду нетрудно было установить: через два часа после начала смены «исчез» с завода Иван Иванович Сметарин. Сорокадвухлетний мастер.

За его напарником, молодым электромонтером Павлом Кирюкиным, милиционеры приехали уже днем, когда тот был в общежитии. Он открыл дверь, увидев милиционера, спросил:

— За мной? Я — Кирюкин. Одеться можно?

Когда спускался по лестнице, сопровождаемый милиционерами, тихо, сокрушенно говорил:

— Я бы сам к вам пришел... После работы дошел до отделения — и не решился... Думал, чуть еще побуду на свободе. К девушке хотел съездить попрощаться...

Ни тот, ни другой не отрицали факта хищения. Показания их расходились лишь в одном. Сметарин упорно твердил:

— Меня уговорил Кирюкин. Он инициатор.

Кирюкин же стоял на своем:

— Да мне ж и смысла не было идти на воровство: я зарабатывал до ста семидесяти рублей. Это Иван Иванович...

До начала судебного разбирательства мы уже знали позицию подсудимых. Она была зафиксирована в протоколах допросов. Сметарин отметил как незначительные эпизоды все, что произошло ночью 25 июля, оправдывая

себя, ища другое истолкование случившемуся, косвенно обвинял и милиционеров, и следователя, и прокурора в «прямолинейном» взгляде на вещи.

Перечитывая показания Кирюкина, народный судья обратил наше внимание на следующие строки: «Я уважал Ивана Ивановича. Когда я пришел на завод, он помогал мне в работе. Он был увлекающийся, любил музыку. Я ему верил. И когда он предложил помочь ему, я согласился. Я же не имел корыстных целей. Я не хотел...»

Мне тоже показалось, что Кирюкин действовал словно под давлением. Не хотел, не нуждался, не думал о хищении, рассуждала я, а украли-то на тысячу рублей дефицитных подшипников для автомашин. О чем он думал? Прямо детсадовский лепет: дядя сказал, я сделал. А парню-то уже двадцать четыре. Окончил техникум, служил в армии. На заводе уже три года работает.

...Помещение красного уголка в день суда было заполнено до отказа. А те, кто не смог протиснуться в зал, стояли в коридорах. Внимательно оглядываю зал. Лица рабочих спокойны, но не равнодушны. Судят людей, еще недавно работавших бок о бок с ними. И присутствующие ждут, что же скажут в свое оправдание их товарищи, как расценят свои ошибки.

Но уже первая фраза, с которой обратился Сметарин к суду, вызвала удивление аудитории.

— Я отказываюсь от защитника!— сказал он четко.

— Почему?

— Потому что, если суд справедлив, он сумеет и без адвоката разобраться в том, в чем меня обвиняют. Я думаю, что вполне справлюсь сам с задачей, стоящей перед адвокатом.

Про себя отмечаю нюансы: «Если суд справедлив», «в чем меня обвиняют», а не «что я совершил». Да и другие, видно, почувствовали этот своеобразный вызов.

Первым дает пояснения Кирюкин. Он бледный, с опухшими и покрасневшими веками, виноватым выражением лица. Говорит тихо, стыдясь положения подсудимого. Не раз повторил: «Я не мог представить», «Мне и в голову не пришло!», «Я не мог подумать». Он казался напроказившим школьником. Прокурор, прослеживая путь преступления, акцентировал внимание на том, что ночной эпизод не был единственной ошибкой подсудимого.

— Вы говорили, что, выходя на работу в ночную сме-

ну, чувствовали себя неважно. Почему? — спросил прокурор.

— Днем мы выпивали. Вчетвером одолели четыре бутылки водки.

— На предварительном следствии вы ссылались на то, что опьянение и подействовало на вас, ослабило контроль. Вы выставляли это одной из причин, толкнувших вас на хищение. Видели в опьянении оправдание.

— Да, если бы не выпили, я бы, наверное, так не поступил.

— А вы не думали, что, употребляя перед работой спиртные напитки, уже совершали правонарушения? Ведь монтеру приходится иметь дело с электричеством...

Кирюкин согласился:

— Конечно. Если бы случилась серьезная поломка, то... Не знаю. Хорошо, что не случилась.

— Хотелось бы уточнить и ваши показания, относящиеся непосредственно к факту преступления. Вы не раз упоминали, будто бы не считали, что идете на воровство.

— Да. Не думал.

— А как вы расценивали предложение Сметарина, когда он сказал: «Возьми пустые монтерские сумки, и пойдем ко второму цеху». Вы ведь взяли эти сумки.

— Я предполагал..., может быть, я его дорогой отговорю. Мне было его жалко.

— И почему же не отговорили? Время у вас было. От вашего до второго цеха не меньше десяти минут ходьбы.

— Да, я говорил. А он ответил: «Давай посмотрим». И мне показалось, что ничего страшного не произойдет.

— Однако вы специально выжидали, когда постовой уйдет за угол?

— Да.

— А потом?

— Когда я оттянул ворота на себя, Сметарин быстро перелез через верх. Потом он изнутри налег на ворота — перелез и я.

— Зачем? Выжидая, когда уйдет постовой, оттягивая ворота, проникая в закрытое помещение, вы тоже не думали о том, что идете на преступление? По-прежнему настаиваете, что не считаете это все предосудительным?

— Я пытался... Он меня спросил: «Ты что ж, боишься? Ты что — не мужчина?»

— А вы?

— Я сказал: «Хорошо, я помогу». Он нашел ящики, сверив номер по бумажке, сказал: «Бери». Сам взял один, я — тоже.

— Это было нелегко. В справке указано, что вес ящика 58 килограммов. И каждый шаг из цеха был тяжел физически. Неужели у вас и тут не возникло желаниа все оставить?

— Я спросил Сметарина, зачем же два ящика, сам говорил, что нужно всего три-четыре подшипника. Он сказал: «Пригодится. Подшипники стоят четыре рубля каждый». Но когда мы выбрались из цеха, дошли до площадки, я — верьте мне — хотел вернуться. Только ...тут Сметарин шепнул: «Нас заметили». И добавил: «В крайнем случае — я тебя не знаю. Ты меня тоже». И выскочил из-за кустов. Я сразу же перескочил дорогу, побежал вдоль здания. Добрался до своего цеха, еле переводя дух... Если бы нас не заметили, я бы настоял, чтобы мы вернули подшипники.

— Почему же вы раньше этого не сделали? Моментов для остановки было немало! В результате похищена из цеха дефицитная продукция.

Слово взял общественный обвинитель.

— Вы все время утверждаете, что лишь помогали Сметарину. Ну, а если бы Сметарин предложил вам обокрасть квартиру?

— Ну — то квартиру...— в ответе Кирюкина послышалось возмущение.

— Значит, квартиру обокрасть нельзя. А у государства, у нас всех воровать можно?

Кирюкин промолчал. Ответить ему было нечего.

Второй подсудимый картинно реагируя на услышанное, то недоуменно качал головой, то изображал на лице возмущение, то всплескивал руками. Но вот и ему предоставляется слово. Он поднимается неторопливо, широко расправляет плечи, без тени смущения обводит глазами зал, потом переводит взгляд на судей.

— Я прошу вас обратить внимание на особые обстоятельства этого дела,— медленно чеканит он слова,— ...следствие представило меня отрицательным элементом, можно сказать, преступником. Нуждался в деньгах — значит, мог пойти на воровство. Лечился от алкоголизма — вывод, что я пьяница. Развелся с женой — плохой семьянин. Был у меня выговор — значит, я не усвоил предупреждений товарищей... Но ведь я никогда раньше не

допускал подобного тому, что случилось 25 июля. Можно сказать, произошла случайная случайность.

В голосе его выражалось возмущение тенденциозностью следствия. Что это — хорошо рассчитанная поза? Или он действительно убежден, что к нему подошли предвзято?

— Не совсем понятна ваша философия,— я напоминаю ему обстоятельства.— Вы сказали, что следствие представило вас преступником. Значит, отрицаете, что похитили 224 подшипника на 1052 рубля 80 копеек?

— Нет! Этого я не отрицаю.

— А то, что вы намеревались перекинуть их через забор?

— Не отрицаю.

— А то, что у вас в руках был нож, когда вас задерживали милиционеры?

— Нож был. Но я вовсе не думал пустить его... в ход.

— На предварительном следствии вы говорили, что хотели поугадать.

— Это не точно. Нож оказался у меня случайно. Я думал им вскрыть ящик, чтобы переложить подшипники в сумки.

— Мы осматривали и нож и стальные ленты, скрепляющие ящики. Нож для такой цели не годился.

— Да, он бы сломался. Я это сразу понял. У меня еще была большая отвертка.

— Однако в руках у вас был именно нож, а не отвертка.

— Но я же не хотел! Не мог ударить человека! Нет, до такого предела я не дошел! Разве я оказывал сопротивление работникам милиции и охраны? Я сразу же пошел за ними.

— Не тогда ли, когда увидели, что их трое и сопротивление бесполезно? — говорю это, чтобы поколебать самоуверенность Сметарина, картинность его поведения, граничащую с наглостью.

Подсудимый может не признавать свою вину. Так уж устроена человеческая натура, что старается найти кого-то другого, кто виновен в совершенных ошибках. Защитительный импульс — естественная реакция на обвинение. Но пока человек не увидит, не осознает своей вины, у него не появится даже желания искупить ее. Раскаяние — первая ступенька на долгом и трудном пути исправления.

Может быть, не сразу придет оно к подсудимому. Может, не дойдет до его сознания и вовсе. Но суд не вправе упустить эту возможность.

Воспитательную миссию взял на себя общественный обвинитель — кадровый, уважаемый рабочий завода. Он говорил о поведении мастера Сметарина в коллективе.

— Здесь не собрание, посвященное празднованию юбилея Сметарина. Поэтому Иван Иванович услышит о себе больше плохого, чем хорошего. Ведь суд должен разобраться, что же привело мастера, руководителя на скамью подсудимых. Да, он не был «отпетым человеком», но что-то, видно, было в его натуре такое, что толкнуло его на скользкий путь. Безусловно, любовь к выпивке способствовала падению.

Жизнь делала Ивану Ивановичу серьезные предупреждения. Почувствовал, что заболевает алкоголизмом, стал лечиться, но потом вновь потерял над собой контроль. От него из-за постоянных выпивок и скандалов ушла жена. Дошел до того, что стал на работе появляться в нетрезвом виде. Товарищи серьезно предупредили, ему был объявлен выговор. Но он и тут не сделал должных выводов.

Сметарин вновь и вновь обвиняет обстоятельства, которые привели его к преступлению. Он ни разу не осудил себя, не потрудился отдать себе отчет в собственной вине. Жаловался, видите ли, на нелады и во второй семье, на нехватку денег, но опять-таки не делал разумных выводов. Рабочие иной раз слышали, как он вроде бы «в шутку» говорил: «Прямо хоть выходи на большую дорогу!» Постепенно он привык к этой мысли.

А выход-то был рядом: лучше работать. Сметарин был единственным мастером участка, не получающим премии! Его смена систематически не выполняла план потому, что руководил ею равнодушный человек. Надо было бросить пить и этим в большей степени поправить финансовое положение и микроклимат в семье.

Говорил рабочий спокойно, убежденно, и зал с одобрением слушал своего представителя:

— Сметарин не мог не знать, что подобные правонарушения серьезно наказываются. Недавно в этом же зале состоялся процесс: судили за аналогичное преступление. Сметарин должен был бы подумать о столь серьезном предупреждении.

Общественный обвинитель говорил о Сметарине не

только для Сметарина, но для всех сидящих в зале: слабые духом — побойтесь наказания, сильные — остановите слабых, предупредите сбивающегося с пути. Добрые — поймите и помогите словом, строгие, бескомпромиссные — потребуйте. Он призывал не отворачиваться, не проходить мимо зла.

Рассматривая уголовное дело, суд обязан исследовать личность подсудимого, определить причины преступления, выяснить (насколько это возможно), склонен ли человек к повторению преступления, или урок следствия, судебного разбирательства уже сыграл для него свою положительную роль. Не случайно в Уголовном кодексе РСФСР есть определенные статьи (38 и 39), в которых называются обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность. Суд обязан выявить эти обстоятельства, чтобы при обсуждении приговора положить их на ту или иную чашу весов.

Вернемся к нашим подсудимым. Кирюкин: как будто бы честный молодой человек и вроде бы все гладко было в его жизни. Но что-то зыбкое, неустоявшееся в его взглядах выявилось в суде. Его попросили помочь украсть, и... он помог. Этакая пассивность, бездумность — прямые антиподы гражданственности и высокой нравственности — они опаснее, чем мы порой думаем. Но в то же время чистосердечное признание Кирюкина, его искреннее раскаяние, они были признаны судом как смягчающие ответственность обстоятельства.

Совершенно иным был Сметарин: алкоголик, из-за страсти к спиртному готовый пойти на преступление. Он не раскаялся в содеянном. Более того — постоянно стремился уйти от ответственности, переложить ее на других.

Сметарина и Кирюкина приговорили к разным срокам лишения свободы.

Письмо от Кирюкина, пришедшее в суд, было написано им на другой день после завершения процесса. И хотя заканчивалось оно словами «но теперь поздно» — уверена: на восстановление нравственных устоев его души понадобится недолгий срок. Почему? Прежде всего он правильно оценил свои ошибки, твердо решил от них избавиться, а осознание имеет огромную мобилизующую силу. Отрадно и то, что на первую ступеньку к исправлению он шагнул уже на судебном процессе.

С грустью думаю, что Сметарину предстоит долгий

путь к осознанию, ломка характера, без которой ему не перемениться.

...После приговора в красном уголке цеха зачитан был еще один документ — частное определение, в котором администрации завода было указано на факты, в определенной мере спровоцировавшие преступление. В положенный срок пришел ответ, что система охраны продумана, приняты меры к тому, чтобы она стала более надежной.

Частное определение. Закон устанавливает: при производстве дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства уголовного дела органы дознания, следователь, прокурор и суд обязаны выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления (статья 21 УПК РСФСР).

А такие условия на заводе были. На суде мы их выявили: ворота внешне выглядели надежными, без щели и лазейки, но, надавив на них, в образовавшуюся лазейку пролезли два человека. Дверь из помещения закрывается только на заворачивающуюся изнутри гайку. Дорога ночью постоянно освещена двумя мощными прожекторами, но они же создают в кустах, под деревьями тень, в которой легко можно укрыться. На углу второго цеха постоянный пост стрелка охраны, но о нем все знают, он хорошо виден, и маршрут следования стрелка легко рассчитать.

Ответ на частное определение был конкретным, сообщалось, как выявленные на суде прорехи в системе охраны были заделаны.

Еще недавно подобный ответ, пожалуй, удовлетворил бы. А сейчас все больше задумываешься: почему вообще стало возможным это преступление? Имею в виду не только действия Сметарина и Кирюкина, но и всех, кто изо дня в день наблюдал их, жил и трудился плечом к плечу с ними. Общественный обвинитель и многочисленные свидетели показали, насколько правильно и глубоко понимали они ситуацию, характеры подсудимых, причины, приведшие их в зал суда.

Почему же, почему ни один из тех, кто был вместе с подсудимыми в ту пресловутую ночь, не заби-

ли тревоги, а проявили близорукость, беспринципную мягкость. А если сказать точнее — преступное равнодушие. Неужели никто не увидел, что и Кирюкин, и Сметарин были нетрезвы? Неужели никто не заметил их исчезновения с рабочего места? Почему вообще чаще задерживали охранники на месте преступления, а не товарищи предотвращали проступки?

Вот почему, когда вспоминаешь ответы на частные определения, где оптимистично сообщалось, что все выявленные судом недостатки устранены, задумываешься: прорехи в заборе заделывали, а прорехи в психологии оставались.

На скамье подсудимых понуро сидит человек. На вопрос судьи, признает ли он себя виновным, встает. Лет ему немного, чуть раскосые глаза смотрят печально, руки безвольно висят вдоль туловища.

— Да, признаю. Полностью,— говорит он медленно, как диктует. В голосе обреченность.— Полностью. Только я не знал, что это преступление. Не оправдываюсь,— поясняет он,— просто объясняю. Хотя... я и раньше догадывался, что хранить оружие нельзя. Но не знал, что, если спокойно лежит у тебя пистолет — ты уже совершаешь преступление. Я ведь не применял оружия. Даже не собирался. И я добровольно... Сдал оружие добровольно. Можно это учесть? — спрашивает он и переводит взгляд на нас, сидящих за судейским столом. В глазах недоумение, надежда.

Наказание, которое предусмотрено частью первой статьи 218 Уголовного кодекса РСФСР (по ней и привлечен к ответственности Али Егудин) — лишение свободы. Закон предупреждает:

«Ношение, хранение, приобретение, изготовление или сбыт огнестрельного оружия (кроме гладкоствольного охотничьего), боевых припасов или взрывчатых веществ без соответствующего разрешения —

наказываются лишением свободы на срок до пяти лет.

П р и м е ч а н и е. Лицо, добровольно сдавшее огнестрельное оружие, боевые припасы или взрывчатые вещества, хранившиеся у него без соответствующего разрешения, освобождается от уголовной ответственности».

Попал на скамью подсудимых А. Егудин случайно, как упорно утверждал он. Действительно, сотрудники милиции, пришедшие в дом Егудина, искали вовсе не оружие.

Адрес Егудина и еще нескольких людей назвал следователю один из тех, кто занимался скупкой и перепродажей золота, драгоценных камней. Это были люди, у которых останавливался преступник и в доме которых прятал, по его словам, ценности.

Оперативные группы выехали по указанным адресам.

В протоколе так подробно было описано происшедшее, что картину можно было представить легко.

...Дверь в доме открылась сразу же. Заслонив собой дверной проем, на лестничную площадку выглянул невысокий черноволосый мужчина. Как только он увидел сотрудников милиции, в раскосых глазах появилась настороженность, даже испуг. Но стараясь казаться спокойным, он обратился к участковому:

— В чем дело, товарищ милиционер?

— Пришли к вам с обыском. Документы в порядке? Покажите, пожалуйста.

Игра в спокойствие черноволосому явно стоила больших усилий. Рука, протянутая за постановлением на обыск, мелко дрожала, лицо залила мертвенная бледность. Он так медленно водил глазами по строчкам, что заметно было: читает, с трудом осознавая написанное. Вернув документ, он сделал шаг в сторону, пропуская в квартиру сотрудников милиции, а также соседей-понятых. Подождал, когда все вошли, и, закрыв дверь, обратился к капитану милиции, запинаясь:

— Хочу уточнить...

— Да?

— Так этот тип сказал, что у меня дома спрятал золото?

— У вас.

— Но мне ничего не известно, он не говорил, я не виноват... я не видел никакого золота...

Капитан смотрел на хозяина квартиры с сочувствием: конечно, человек мог и не знать о махинациях гостя. Приютил знакомого, а тот коварно воспользовался доверием, подвел хозяина.

Но задание есть задание, и капитан уже готов был приступить к обыску.

— Подождите!— истерично выкрикнул Егудин, едва тот начал расставлять сотрудников, давать распоряжения.— Подождите! Мне еще надо кое-что спросить.

— Спрашивайте!— Капитан милиции понимал его волнение и своим спокойствием старался снять напряжение момента.— Мы подождем. Спрашивайте.

— Вы что же, будете искать везде-везде? Можете где угодно смотреть? Все вскрывать?

— Да вы не волнуйтесь! Мы постараемся как можно

меньше наделать беспорядка. А искать в вашей квартире мы действительно имеем право везде.

Егудин обхватил голову руками и застонал, словно от острейшей зубной боли.

— Я сей-час, я сей-час, подождите,— бормотал он.

Приступ отчаяния был так тяжел, что капитан решил чуть подождать: пусть человек успокоится, справится со своей бедой. А тот, внезапно опустив руки, решительно прошел в угол комнаты, где стоял телевизор, пошарил за ним и протянул сверток в папиросной бумаге.

— Вот.— Он положил сверток на стол. Там оказался «вальтер» и пять патронов к нему.— Теперь запишите, что добровольно,— глухо проговорил Егудин, ни на кого не глядя.

— Акт о выдаче оружия мы оформим,— жестко сказал капитан.— Ну, а насчет добровольности...— и чтобы не было недоговоренности, уточнил:— Добровольной сдача оружия признается тогда, когда человек по собственной воле, без принуждения сдает его властям, хотя он мог продолжать незаконно хранить оружие и обладать им. Сдача же оружия во время обыска либо при иных обстоятельствах, когда уже ясно, что дальнейшее его хранение невозможно и будет пресечено, не является добровольной, а считается вынужденной. В таких случаях ответственность не исключается. Так что вы уж не обессудьте — лгать не будем. Остальное — дело следствия и суда.

За дни следствия Егудин хорошо изучил статью 218 Уголовного кодекса РСФСР и знал, что закон строго карает за незаконное хранение оружия. А может, знал он это и раньше, не случайно же так упорно твердил о добровольной сдаче оружия.

— Как и где вы приобрели пистолет?— спрашивает народный судья.

И подсудимый рассказывает, что весной ездил в Пензу уладить дело с автомобильной аварией, в которую он за год до того попал. В привокзальном ресторане разговорились с соседом по столу, и тот предложил ему оружие. Вот так просто — взял и предложил. А Егудин, не задумываясь, купил. Заказал две бутылки водки (оговоренную плату), и новые друзья тут же ее распили. Вернувшись в Москву, он рассмотрел покупку, даже опробовал. Когда дома никого не было, устроил на кухне тир. Пули легко пробивали фанерную мишень, застревая в поставленных сзади нее

досках. Убедившись, что пистолет исправен, Егудин, тщательно завернув его, спрятал. В словах — обыденность, будто идет речь о покупке безобидной вещи.

— Зачем вы приобрели пистолет? — задаю вопрос.

— В автоаварии я получил ушиб позвоночника. И когда тот мужчина за столом сказал о пистолете, я сразу же подумал, что нужно купить. А вдруг меня разобьет паралич? Ведь бывает такое из-за травмы позвоночника. Я бы тогда покончил жизнь самоубийством.

Закон не указывает причины, которые позволяли бы приобретать или хранить пистолеты. Но следствие проверило и эту «оправдательную» версию Егудина. Авария, хоть она и была, по словам подсудимого, тяжелой, нигде в органах ГАИ не зафиксирована. Травма, хоть она и была серьезна, по его же утверждению, не вызвала беспокойства врачей. Правда, адвокат представил суду справку, что Егудин ходил на прием в поликлинику института Склифосовского.

— Вас госпитализировали? — интересуется народный судья.

— Нет, — скупо отвечает подсудимый.

— Почему?

— Сказали, что нужно лежать месяца два, я и решил побыть дома.

— Больше к врачам не обращались?

— Нет.

— А как же был оформлен больничный листок?

— Я взял да ушел с работы, — спокойно, как о мало-значительном явлении, говорит Егудин.

Он действительно увольнялся неоднократно. В трудовой книжке Егудина уже не было места для записей: зачислен... уволен... зачислен... уволен...

— Не очень-то вы обременяли себя трудом, — замечает народный заседатель, — перерывы между увольнениями и поступлениями на новую работу — по несколько месяцев.

— Я искал, где лучше и легче... Но ведь это к делу не относится!

К делу о преступлении прямо не относится. Но суд обязан изучить личность подсудимого, обстоятельства, которые могут смягчить или усугубить его ответственность, понять характер, устремления, отношение к обществу. Как правило, именно трудовая биография человека раскры-

вает его гражданскую сущность. Ведь в совещательной комнате судьям предстоит решать множество вопросов, в том числе и о мере наказания, необходимой для перевоспитания.

Егудин Али был признан судом виновным и приговорен к лишению свободы сроком на два года.

Вскоре в народный суд поступило другое дело, квалифицировавшееся по той же, не часто встречающейся, 218 статье Уголовного кодекса РСФСР. На этот раз подсудимый совершил преступление, о котором говорится во второй части статьи:

«Ношение, изготовление или сбыт кинжалов, финских ножей или иного холодного оружия без соответствующего разрешения, за исключением тех местностей, где ношение холодного оружия является принадлежностью национального костюма или связано с охотничьим промыслом, — наказываются лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на тот же срок».

Дело было незамысловатым по фабуле.

Некий Кофанов, дважды судимый за систематическое бродяжничество и нарушение правил паспортной системы, после освобождения не поехал в Тульскую область, где ему была подыскана работа, а решил «отдохнуть» (видно, наказание ничему не научило тунеядца). Вот он и нагрязнул к маме в Москву. И тут узнал, что за неделю до его освобождения умерла бывшая жена. Решив, что это печальное событие дает ему право на многомесячные «поминки», распивал спиртное у матери, ездил к дяде в Калужскую область, навещал друзей-собутыльников. «Убитый горем», он ни разу не наведялся лишь в свой бывший дом, где остались жить с тетей две его дочери. Ничего не предпринял, чтобы поддержать семью материально.

Наконец он заявил, что поедет к месту работы. Обрадованная мать снабдила его некоторой толикой денег. А он, конечно же, купил бутылку водки «на посошок», как объяснял позже в суде. Но выпитого оказалось мало, и Кофанов отправился в пивной павильон.

Народу в зале днем было немного. Кофанов в одиночестве устроился за столиком. Он уже третий раз подходил к стойке за новой порцией пива, когда проходившая мимо уборщица заметила ему, что пустые кружки нужно за собой убирать.

— Сам знаю, — буркнул в ответ Кофанов. Даже вроде

бы спокойно, не враждебно. Поэтому уборщица и удивилась, когда, случайно оглянувшись, увидела, что он стоит у стены с кинжалом в руках. Похолодев от испуга, женщина пятилась в глубь зала. Тут она заметила вошедших в павильон молодых людей. Один из них был в милицеевской форме. Скованная страхом, женщина еле подошла к ним.

— Там... с ножом! Помогите!

Сотрудник милиции бросился, куда показала женщина. Его товарищи побежали за ним. Кофанов был мгновенно разоружен, чуть спустя доставлен в отделение милиции.

...Виновным себя он признал полностью и все же старался оправдаться.

— Я ничего не сделал! — упрямо повторял он. — Я даже ни на кого не замахнулся. Вреда-то я не причинил! Просто вынул нож.

— А зачем вы носили его? — спросил народный судья.

— На всякий случай. Я же собирался поехать в незнакомое место, — ответил подсудимый.

Кофанов был приговорен судом к двум годам лишения свободы.

Чем примечательны дела, которые объединяла не только статья Уголовного кодекса, но и те оправдательные мотивы, что выдвигались подсудимыми? Признав себя виновными, оба преступника негодовали на жестокость закона.

К сожалению, люди честные и порядочные тоже нередко искренне удивляются и считают закон чрезмерно суровым. Мне же видится в этой статье Уголовного кодекса большой предупредительный смысл. В исправительно-трудовой колонии, которую мне пришлось посетить по заданию редакции, я попросила разрешения познакомиться с делами осужденных за убийство, умышленное нанесение тяжких телесных повреждений, особо циничное, злостное хулиганство. Читая одно за другим описания страшных преступлений, я отметила, что, несмотря на разнообразие мотивов и обстоятельств, приведших к трагедиям, есть в этих преступлениях и нечто общее.

Первое — это состояние опьянения, в котором находились люди, совершающие преступления. На-

учными исследованиями доказано, что именно оно провоцирует драку, хулиганство, расправу и даже убийство. Второе обстоятельство: большинство преступлений совершено ножами, кинжалами, финками, припасенными заранее. Зачем?

— Понимаете ли, я носил нож, чтобы защититься от воров, грабителей,— говорил угрюмый мужчина, отбывающий наказание за то, что нанес несколько пожевых ран официанту, пытавшемуся удалить пьяного дебошира из столовой.

— Но вы не защищались. Вы напали на человека. Почему? — спросила я этого осужденного.

— Разозлился очень. У меня было тяжело на душе. Надо было еще выпить. Я хотел это сделать за столом, культурно. А тут подходит официант и, знаете, грубо так: «У нас распивать спиртные напитки запрещено». Вроде бы улыбается, а видно, что издевается, на надпись даже показал, будто я сам не вижу. Слово за слово... Конечно, если бы ножа у меня не было, я бы, может, и не полез на него.

На опасность, порождаемую фактом наличия оружия, указывали и другие осужденные.

— Он мне сделал замечание, я вспомнил, что у меня нож в кармане, думал припугнуть. Но разговор пошел дальше, я ударил,— вспоминал другой, тот, что тоже держал кинжал при себе «на всякий случай». Случай скоро представился, а вернее сказать, преступник сам постарался его найти.

Нет, недаром закон предусматривает ответственность за незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление или сбыт оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ. Чтобы исключить саму возможность провоцирующих ситуаций. В этом я вижу гуманистическую сущность 218-й статьи Уголовного кодекса. И вот еще о чем думается: можно ли рассчитывать на эффективность предостережения законом, если о нем мало кто знает? Вот и подсудимые уверяют — и кажется вполне искренне,— что даже не подозревали об уголовной ответственности за подобные, с их точки зрения, «мелочи». Значит, широкое ознакомление с законом необходимо? Безусловно.

Нельзя сказать, что радиовещание, печать и те-

левидение не ведут правовое просвещение. Да и народные судьи с народными заседателями регулярно отчитываются перед своими избирателями. Но в этой работе недостает глубины и системности.

Порой в десятке лекций не услышишь ни слова о названной выше неброской статье. Поэтому перестройка в области правовой пропаганды — прежде всего глубокое осмысление процессов, происходящих в обществе. А долг юристов — найти свое конкретное место в воспитательной работе, а не ограничиваться организацией правового ликбеза.

Мне кажется, что необходим разговор и о пагубном влиянии на психику, поведение человека любой, даже самой малой, привилегии. Ощущение своего превосходства, особенной роли, права, данного откуда-то свыше, на диктат оборачивается трагедией. Обоюдоострой. Одно острие направлено на жертву. Второе — на палача. Вот почему в моем сознании незамысловатые вроде бы процессы по 218-й статье ассоциируются с другими — насыщенными детективными подробностями.

С этим делом я познакомилась не за столом народного заседателя, а по роду своей основной — журналистской деятельности.

...Женщина, возвращавшаяся поздно ночью с работы, не смогла определить, что случилось с человеком, который неподвижно лежал в подъезде. В страхе вбежала она в квартиру, бросилась к телефону. 03: «Скорая! Человеку плохо!» 02: «Милиция! Что-то произошло! Разберитесь!»!

Машины подъехали быстро. Но человек был уже мертв. По документам сразу выяснили: Аников Павел Васильевич, рабочий, сорок один год.

Врачи дали заключение, что он скончался несколько часов назад от малокровия, наступившего в результате обширного внутрибрюшного кровоизлияния, которое последовало после разрыва брыжейки тонкого кишечника. Аникову был нанесен удар тупым предметом в область живота.

Рано утром, ознакомившись со сводкой происшествий, начальник отдела уголовного розыска районного управления внутренних дел капитан милиции собрал оперативную группу. Он обрисовал обстановку: известен потерпевший, место происшествия.

— Судя по тому, что у Аникова не взяты деньги (184 рубля), — это не ограбление, — заключил капитан. — Но тогда что? Необходимо обойти ближайшие кафе, кинотеатры, жилые дома, проверить, не было ли вчера какого-либо столкновения, драки, потасовки.

Оперативной группе предстояло выяснить, кто именно ударил потерпевшего, почему, при каких обстоятельствах. Были намечены направления поиска, распределены обязанности.

Младшему лейтенанту милиции выпала нелегкая миссия: оповестить семью Аникова о горе. Дверь ему открыла заплаканная женщина. Едва увидев незнакомого человека, она с тревогой спросила:

— Беда?

— Ну почему вы так? — растерялся тот.

— Вы из милиции?

— Да.

— Я всю ночь звоню. Чувствую: что-то произошло... Паша не пришел. Такого никогда не бывало... Но ответьте: где он?

— В больнице...— выдавил пришедший.

— Я так и знала...— едва слышно проговорила женщина.

— Расскажите, когда, с кем и куда ушел вчера ваш муж.

И жена — теперь уже вдова, о чем она еще не знала, — рассказала, что он уехал с утра на свою вторую работу. Она-то уже четыре года не может после тяжелой операции трудиться, вот Паша и договорился, что по совместительству будет реставрировать старинное здание. Он на все руки мастер. Вчерашний, субботний день они ожидали зарплату. Муж сказал, что если и задержится, то не более чем до десяти вечера. Он иногда заходит в кафе «посидеть на людях». Жена понимала, что ему надо отвлечься от тяжелой работы, от нелегкой обстановки в доме. Но после десяти вечера стала беспокоиться, звонить его товарищам, в полночь она обратилась в милицию: пропал человек.

— Так в какой он больнице? — закончила она. — Или, может быть...— договорить не решалась.

Младший лейтенант, все оттягивая страшное сообщение, пожалуй, с излишней деловитостью принялся записывать имена, фамилии, номера телефонов товарищей Аникова по работе. Сказать о случившемся решил, лишь когда приехал брат Павла Васильевича, обеспокоенный его исчезновением...

Проверка, которую затем произвел сотрудник милиции, подтвердила предположение жены Аникова: расставшись с друзьями, он направился в кафе.

Федор Иванович — капитан милиции — при докладе в РУВД определил публику, стоявшую у входа в кафе, как странную. Юноши и девушки, одетые в импортные майки, куртки, джинсы с наклейками и надписями, держались высокомерно, развязно. Хлыщ, что стоял у самой двери, поднял руку, как шлагбаум. Он резко бросил пробиравшемуся к двери одетому в гражданский костюм милиционеру:

— А ну, мужик, осадил!

Тот остановился, глядя прямо в глаза пижону, очень тихо попросил:

— Опустите руку. Вы мешаете мне.

Видимо, юноша не ожидал спокойной твердости, он вдруг смешался, сделал движение в сторону, освобождая вход.

В кафе оглушающе грохал оркестр. Молодые люди и девушки танцевали в новой, весьма раскованной манере. На втором этаже был бар. Небольшие компании группировались на лестнице вдоль широких окон. Это были наблюдатели за танцующими. Кое-кто из них отпускал громкие замечания, нередко фривольные, вызывая вульгарный хохот остальных.

Федор Иванович шел к кабинету администратора, где его уже ждали дежурившие вчера вечером работники кафе. Он ощущал, как в нем нарастает протест, желание приструнить распустившихся юнцов. Подумал: надо участковому подсказать, чтобы тут навели порядок, да и райкому комсомола не мешало бы поинтересоваться, по какой причине облюбовали это кафе молодые люди, с вызовом рядящиеся в заграничные тряпки.

Как выяснилось из беседы, Аников запомнился. Он выделялся чуть ли не двухметровым ростом, массивной фигурой. Был один. Посидел за столом, спустился вниз. Одна из официанток слышала, как сделал замечание слишком уж распоясавшимся парням. Да и как их не одернуть: ведут иные завсегда и себя развязно, шуточки отпускают похабные.

— И откуда они сюда набираются?

— Отовсюду,— ответила другая официантка.— Многие даже из-за города приезжают, собираются, шумят, задают какой-то безобразный тон. Иной раз не знаешь, что с ними делать. Приличные люди уже бегут из нашего кафе. Посмотрят на такое и уходят.

— Вы могли бы подсказать, кто из присутствующих сейчас был в кафе и вчера?

— Конечно!

Завсегдаев оказалось столько, что Федор Иванович почувствовал: одному тут не справиться...

За неделю перед группой уголовного розыска прошло более ста посетителей кафе, оказавшихся там в злополучный субботний вечер. Некоторые припоминали столкновение какого-то человека с компанией молодых ребят. Какое?

Описывали по-разному. Одни осуждали его: «Мужик замечание какое-то сделал. Вроде сказал, и откуда деньги только берут, чтобы время тут проводить! Моралист!..» Другие считали, что, пытаясь навести порядок, он правильно одернул слишком уж наглых ребят.

Постепенно прояснился состав той компании. Это были парни, которых знали по кличкам: Хорек, Слоник, Жора, Рыжий. Выяснили их адреса, фамилии. А уж они-то в один голос признали: сцепился с мужиком Сашка, ну тот, который еще каратэ занимается, решил его осадить. За что? За то, что тот замечания делал. Потом у них вроде что-то произошло в туалете. Сашка, он такой, за себя постоит. Так, идя от показания к показанию, удалось установить фамилию Александра и место его жительства.

На девятый день сотрудники уголовного розыска позвонили в квартиру, где с родителями и бабушкой жил студент медицинского института Редич.

— К Александру. Хотим поговорить,— объяснили они свой визит открывшей дверь пожилой женщине.

— Сашенька, к тебе! — женщина в глубине квартиры постучалась в дверь.

— Скажи, что душ принимаю,— был ответ.

И вот он вышел к ожидавшей его группе — высокий, статный, черноволосый. С удивлением поднял брови:

— Простите...

— Александр Редич?

— Да,— неспешно наклонил он голову.

— Вам следует отправиться с нами в отделение милиции,— сказал старший группы, предъявив свои документы.

— Ясно,— спокойно согласился Редич.— Представляю, что вам наболтали, раз вы за мной пришли домой.

В милиции он неторопливо и подробно описывал события субботнего вечера, начиная с того, как за ним заехал однокурсник Сергей Апапов. Вместе они и отправились в кафе. Как бывало и раньше, со знакомыми ребятами выпили для веселья, потанцевали. На лестнице, ведущей к бару, их «задел» проходивший мимо мужчина, и Александр сделал ему предупреждение, чтобы он не мешал им веселиться, не портил настроение. Через несколько минут Редич увидел, что тот мужчина вошел в туалет, и последовал за ним. Там он якобы стал свидетелем спора. «Они шумели и размахивали руками,— как зафиксировано в пер-

вом показании Редича.— Во избежание столкновения я влез в середину, растолкал ребят, отвел мужчину в сторону». Из записи Редича следует, будто он пытался ему объяснить, что люди в кафе ходят не лекции слушать, но мужчина совсем не внял его словам, нагрубил в ответ, и Редич вынужден был дать ему пощечину. Тот не остался в долгу. Но чтобы не разгорелась драка, студент тут же покинул туалет.

Вскоре компания собралась уходить. Уже на улице Редич снова заметил все того же высоченного мужчину, который вел себя якобы подозрительно. Редичу казалось, что мужчина выслеживает его, и поэтому он ему предложил: «Пойдем, разберемся?» Окинув взглядом большую компанию ребят, мужчина торопливо направился за угол. Александр — за ним. Высокий, оглянувшись, побежал через улицу, заскочил в подъезд дома. Редич, не раздумывая, следом. В подъезде мужчина остановился и повернулся лицом к нему. «Я ударил его коленом в живот,— написано в показании Редича,— он стал мягко заваливаться назад, а я повернулся и ушел».

Протягивая густо исписанный с обеих сторон лист бумаги капитану милиции, Редич спросил:

— А этого мужика нашли? Он еще и жалуется? Сам нарывался.

— Нашли,— быстро ответил сотрудник милиции.

Казалось бы, трудности расследования уже миновали. Но едва Редич узнал о трагическом финале своего столкновения с Аниковым, он круто изменил первоначальные показания. Имейте в виду, повторял он, Аников вел себя агрессивно, задел его не просто словом, а ударил, когда он поднимался по лестнице. В туалете тоже первым нанес ему удар. Главный аргумент студента: это он, Александр, гасил готовую вспыхнуть в туалете драку между Аниковым и еще кем-то. И этот кто-то ударил Аникова ногой в живот из-за спины Редича. Вот когда, по его мнению, был нанесен удар, повлекший позже смерть Аникова. А в подъезде Редич вынужден был защищаться от возбужденного и желающего отомстить Аникова. Но ударил-то он его не в живот, а в грудь. Ногой в грудь.

Тщательнейшим образом были проверены доводы обвиняемого. Судебно-медицинская экспертиза, следственные эксперименты, очные ставки, показания свидетелей, изучение образа действий потерпевшего и обвиняемого —

весь арсенал расследования был пущен в ход. Версия Редича не подтвердилась.

Народный судья, председательствовавший на этом процессе, считает его одним из сложнейших в своей практике не потому, что Редич изменил первоначальные показания и виновность свою признал лишь частично. Подобное поведение подсудимого — не редкость. Но согласно советскому законодательству не подсудимый должен оправдываться, а следственные и судебные органы представить все доказательства его виновности. Если же доказательств нет — признать человека невиновным. Эта исследовательская работа суда нелегка. Вот почему и на этом процессе шаг за шагом тщательно проверялась история взаимоотношений потерпевшего и подсудимого.

Был ли Аников агрессивен, как это утверждал Редич? Нет. Никто из свидетелей, даже друзья Александра не подтверждали этого. Никто не мог припомнить ни одного грубого слова Аникова.

Если бы Аников толкнул Редича на лестнице, ведущей в бар, что вроде бы и явилось причиной дальнейшей трагедии, то в переполненном кафе кто-нибудь да должен был это увидеть! Но среди многочисленных свидетелей не нашлось такого очевидца. Слышать — да, слышали от Редича, а видеть — не видели.

Был ли замешан в деле еще кто-то, не выявленный следствием, кто бы мог ударить Аникова в живот? Или именно Редич, нагнав Аникова в подъезде, смертельно ранил его?

Этот момент изучался судьями особенно тщательно.

Редич не отрицал своего удара в подъезде. Но объяснял, что метил в грудь. Ногой — в грудь. Но судебно-медицинские эксперты установили: Аникову был нанесен всего один удар — в живот. Протокол следственного эксперимента констатировал: сила удара такова, что он мог быть нанесен только человеком, находящимся непосредственно перед потерпевшим. Так что никакого другого, якобы спрятавшегося за спиной Редича в туалете, быть не могло хотя бы потому, что ход был очень узок и третьему невозможно было поместиться за спиной Александра, стоявшего перед Аниковым.

Нет, не выяснение обстоятельств преступления (хотя, повторяю, эта работа сама по себе трудоемкая) являло основную сложность в этом деле, а выявление причины:

почему вообще это преступление произошло? Каковы его мотивы?

Что побудило Александра Редича поднять руку — а в данном случае ногу — на человека, годящегося ему в отцы? Что толкнуло его поступить так жестоко, ударить столь расчетливо и уйти, не оказав помощи? Были ли для данного преступления какие-то предпосылки в прежнем поведении Редича?

Казалось — никаких.

Отец рассказывал, что мальчик рос послушным, ласковым и спокойным. Саша был единственным ребенком, и родители старались не баловать его. Мама вспоминала об операции, которую сын перенес в детстве, о том, как он старался потом не давать себе спуску, настойчиво занимался спортом, чтобы не только не отстать от сверстников, но быть сильнее, крепче их.

Товарищи по учебе в институте единодушно подчеркивали, что он всегда был душой компании. В характеристике говорилось о том, что на практике он не отлынивал от тяжелой работы, задерживался в больнице сверх положенного.

Казалось бы, никаких предпосылок для внезапно проявившейся жестокости не было в прежней жизни Александра Редича.

Но... случается, мотив преступления иногда так глубоко скрыт, что его нелегко выявить.

Выясняя особенности характера подсудимого, судьи не прошли мимо обстоятельства, которое вроде бы и не бросалось в глаза, более того, Редичем, его родителями, ближайшими друзьями вообще преподносилось как незначительная, ничего не определяющая черта в поведении Александра. Однако, как потом оказалось, именно это обстоятельство помогло понять истинную суть взаимоотношения Редича с незнакомым ему здоровяком — Аниковым, найти побудительную причину редичевской агрессивности.

Сергей Апапов — ближайший друг Редича, с которым тот пришел в кафе. Его допрашивают, как и остальных свидетелей, неторопливо, скрупулезно. Он рассказывает, что бросился вслед за Редичем, когда увидел, что тот поспешил в туалет за высоким мужчиной.

— Почему вы последовали за Редичем? — спросил народный заседатель.

— Я боялся, как бы чего не произошло!

— Чего же?

Свидетель не смог ответить.

Когда он стал описывать встречу Редича и Аникова в подъезде, судьи обратили внимание, что Апапов опять же поторопился за этой парой.

— Почему? — заинтересовался народный заседатель.— Может, вы хотели помочь товарищу?

— Нет. Саше не потребовалась бы помощь...— свидетель в смущении замолк.

Чего же опасался Апапов? На этот вопрос пролился свет из показания врача-хирурга И. Г. Эрямкина. Он вспомнил, что через 3—4 дня после случая в кафе Редич в скверике, открывая бутылку с пивом, весело рассказывал о субботнем происшествии. Игоря Георгиевича покорила беспечность, с которой молодой человек говорил об инциденте.

— Я сказал ему тогда: еще неизвестно, чем все кончится. Я знал, что Саша занимался каратэ, и у меня после его рассказа остался неприятный осадок,— свидетельствовал Эрямкин.

Каратэ! Значит, приятель Редича Апапов беспокоился, не пустит ли тот в ход свои опасные приемы.

Один из свидетелей, проучившийся с Редичем в вузе четыре года, говорил о его высокой организованности. Тот везде успевал: участвовал в художественной самодеятельности, занимался баскетболом, каратэ едва появилось — и он уже записался в секцию, а недавно даже стал чемпионом в роде чемпиона.

— Вы занимались каратэ? — спросил подсудимого председательствующий.

— Какие это занятия? — попытался уйти от ответа Редич.— Так... несколько раз походил.

Народный заседатель в недоумении — как же в таком случае Редич стал чемпионом? Подсудимый мнется, вновь желая увести разговор в сторону.

— Да какой там чемпион! Так... Победитель в секции...

— Что представляет собой секция, в которой вы занимались? — спрашивает судья.

— Меня туда привел один знакомый... Она нигде не зарегистрирована, как и все секции каратэ.

— Удар, нанесенный в подъезде Аникову, был ударом каратэ?

— Нет! — отрицал подсудимый.

Исследуя особенности личности Редича, судьи установили и некоторые штрихи, которые его друзья и близкие старались поначалу скрыть. Выставляя на первый план его общительность и добросовестность, они все же не смогли утаить, что Редич любил покрасоваться, выделиться, быть всегда в центре внимания. Особенное удовольствие ему доставляла демонстрация своей физической силы. В кафе, где был завсегдатаем, он не случайно известен под прозвищем «каратист», поскольку о его увлечении каратэ и занятиях в подпольной секции знал широкий круг людей.

Сергей Апапов потому и бросался за Редичем во все возможные места схваток, что понимал: возбужденный вином, тот будет искать повода вступить в поединок, тем более что увидел перед собой «достойного» противника. Победа над двухметровым Аниковым еще раз утвердила бы его в среде приятелей таким «суперменом».

Суд пришел к выводу, что Редич виновен в преступлениях, предусмотренных частью 2-й статьи 108 и частью 2-й статьи 206 Уголовного кодекса РСФСР,— умышленном нанесении тяжких телесных повреждений, а также совершении злостного хулиганства, отягощенного особой дерзостью. Он приговорен к 10 годам лишения свободы.

...Каратэ. Кажется, поутихли страсти вокруг этого вида борьбы. Но несколько лет назад у многих молодых людей зародился повышенный к нему интерес. Он подогревался молвой, байками о феноменальной силе, что вливается в тело занимающихся таинственным видом спорта.

В самодеятельные секции и кружки каратэ хлынул поток желающих — людей, готовых выполнить любые требования руководителей, лишь бы приблизиться к таинствам восточной борьбы. Завораживали необычные костюмы, форма тренировок. Они начинались с коленопреклонения и сосредоточения, так похожих на молитву, тем более что зачастую сопровождались мистическими заклинаниями учителя. Но хочешь заниматься каратэ — принимай весь комплекс жестких требований, неписаных правил. А коли тебя коробит что-либо в предложенном порядке занятий, если хоть что-то отвергаешь — ухо-

ди! Спорить невозможно, жаловаться некуда. Ведь эти секции и кружки были доморощенными, их руководители, никому не подчиненные, сами арендовали школы, клубы, стадионные постройки, сами составляли программу занятий, считая себя глубокими знатоками дела.

Чему учили эти наставники? Нанесению жестоких, сильных ударов. Говорилось ли на занятиях о жалости к противнику, необходимости соизмерять силу удара, об ответственности за тяжелые последствия? Может быть, иногда и заходила об этом речь, но, скорее всего, она тонула в проповеди жестокости, рядившейся в беседы о самообороне.

Кого учили? Можно представить. Для вступления в секцию требовались лишь деньги за обучение да принятие «кодекса каратиста». Тут не нужна никакая рекомендация с места работы или учебы, обязательная в любой другой спортивной секции, отсутствовал контроль за спортсменом со стороны его учебного или трудового коллектива. Здесь если и велись какие-либо списки, то вовсе не для того, чтобы представлять их в спортобщество, а по требованию — государственным, общественным или судебным органам. Поэтому каратист, вздумавший применить против кого-либо на улице прием, был абсолютно уверен, что его удар не смогут связать с особыми знаниями, с его исключительной тренированностью и силой. И можно только представить, что наряду с истинными приверженцами спорта в неконтролируемые секции шли уголовники, тунеядцы и люди, не умеющие и не желающие сдерживать свои низменные порывы. Учили всех одинаково, без разбора.

Ореол таинственности каратэ усилили и некоторые публикации, появившиеся в прошлые годы в ряде научно-популярных журналов для молодежи. В них мелькали названия индийских, бирманских, китайских, японских городов и провинций, имена восточных деятелей, славословились порядки буддийских храмов и религиозных школ! Какое преклонение сквозило в этих публикациях перед каратэ! Одна из статей заканчивалась примерно таким наставлением начинающим спортсменам: овладевая техникой каратэ, помните о том, что вы не просто занимаетесь

спортом, а приобщаетесь к наивысшим достижениям физической и духовной культуры многих народов — культуры, порожденной веками упорного труда и дерзновенных исканий.

В противовес прославляющим каратэ публикациям выступила «Комсомольская правда» с корреспонденцией «Каратэ — не только спорт». Настораживающе звучали слова автора: «Одна из задач каратэ состоит в воспитании нерассуждающего, слепо преданного власти и жестокого человека. Таким людям можно поручить все... Может быть, поэтому популярность каратэ в Японии поддерживается усилиями официальной пропаганды».

Центральная комсомольская газета обратилась к многомиллионным своим читателям: «...Хотелось бы предостеречь от безоговорочного, некритического переноса этого вида спорта на нашу почву... Не может не настораживать своеобразный кодекс жестокости, который утверждает каратэ. Наша гуманистическая культура выработала много правил, цель которых — защитить слабого. Истины о том, что лежачего не бьют, что нечестно бить в спину, потому и кажутся привычными, что глубоко вошли в наше сознание. А в каратэ можно без стеснения бить и лежачего, наносить удары и ниже пояса, и в бровь, и в глаз. Стоит ли нам перенимать это? Правильно ли считать, что поклоны, крики и церемониальные ритуалы каратэ являются всего лишь восточной экзотикой, от которой можно отмахнуться со снисходительной улыбкой?»

Критические выступления многочисленных представителей общественности возымели свое действие. Спорткомитет СССР принял ряд постановлений, регламентирующих занятия этим видом спорта. Созданы федерации каратэ, проведена аттестация тренеров, им выдано соответствующее разрешение для проведения занятий, даны разъяснения, что в нашей стране приемлемо только спортивное каратэ, секции которого организуются в основном в спортивных обществах Министерства обороны и Всесоюзного физкультурно-спортивного общества «Динамо». К занятиям допускаются молодые люди, достигшие 16 лет.

В Уголовный кодекс РСФСР введена статья 219¹,

которая гласит: «Нарушение установленных правил открытия секций спортивного каратэ или набора в них граждан, либо обучение в секциях приемам, запрещенным спортивными правилами, а также самовольное, без разрешения соответствующих органов, обучение приемам каратэ, совершенные после применения административного взыскания за такие же нарушения,— наказываются лишением свободы на срок до двух лет или штрафом до трехсот рублей, а при наличии корыстной заинтересованности — штрафом до пятисот рублей.

Те же действия, совершенные лицом, ранее судимым за незаконное обучение каратэ, либо связанные с получением материальной выгоды в значительных размерах,— наказываются лишением свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества или без таковой».

...Столь непохожи на первый взгляд преступления, описанные в предыдущих очерках. Почему же они мне видятся вместе: опустившийся Егудин, бродяга Кофанов, респектабельный, уверенный в себе, благополучный, отвечающий внешним требованиям положительного студента Редич? Вроде бы разные у них проступки. Разные мотивировки. Однако есть и общее. Каждый из них был уверен в своем праве. Пправе на кару. И всякий раз предпосылкой этой уверенности послужила привилегия. Привилегия пистолета, привилегия ножа, привилегия владения уникальным средством. В первых двух случаях законодатель, предвидя возникновение опасных ситуаций, предусмотрел уголовную ответственность за хранение огнестрельного оружия, за ношение холодного. Третий — редичевский — более сложный.

Разъедающая душу нестойких людей ржа преимуществ куда опаснее, чем может показаться на первый взгляд. Она укореняется в образе мыслей о собственном превосходстве, о вседозволенности.

Нынешнее время общественного очищения требует особой зоркости, глубины видения, чтобы разглядеть опасность привилегированности, предотвратить ее.

Процессы по делам несовершеннолетних ведет обычно специально выделенный судья. От него требуются не только опыт, высокая квалификация, но и дар психолога, особое проникновение в мир подростка.

Уголовный закон имеет своей задачей охрану советского общественного и государственного строя, социалистической собственности, личности, прав и свобод граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств.

Преступное действие (или бездействие) наказывается в соответствии с уголовным законом. Уголовный кодекс РСФСР определяет: «Наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» (статья 20).

Рассматривая дела несовершеннолетних, суд не просто подводит итог преступлению подростка. Здесь намечаются пути исправления через осознание прежних ошибок, искупление вины. Судьи являются первыми, кто, поставив точку на преступной жизни подростка, предлагают начать отсчет к новой. И эту задачу перевоспитания мы не смеем упускать из вида, памятуя, что жизнь подростка только начинается, как бы черно ни было это начало. Не забываем, что им еще жить и жить вместе со всеми нами, ведь и закон оговаривает, что исключительная мера наказания — смертная казнь — к несовершеннолетним не может быть применима.

Преступления, на которые идут подростки, бывают различны. Закон определяет, что уголовной ответственности подлежат лица, которым до совершения преступления исполнилось шестнадцать лет. За некоторые преступления (убийство, умышленное нанесение телесных повреждений,

причинивших расстройство здоровья, изнасилование, разбой, кражу, грабеж, злостное или особо злостное хулиганство, умышленное уничтожение или повреждение государственного, общественного имущества или личного имущества граждан, повлекшее тяжкие последствия, хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ, хищение наркотических веществ, а также умышленное совершение действий, могущих вызвать крушение поезда) человек отвечает в уголовном порядке с четырнадцати лет. Оговорено, что несовершеннолетний не может быть осужден к лишению свободы на срок более десяти лет.

После одного из процессов, когда мы судили трех пятнадцатилетних ребят, которые, подвыпив, напали на пожилого человека и требовали денег, а получив отказ, жестоко избили его, ограбили,— мы долго оставались в кабинете народного судьи. Уже ушли из зала потерпевший и плачущие матери осужденных, милиционеры увели подростков, а мы все не могли разойтись. Обсуждали не само преступление — оно было доказано. Перед глазами все еще стояли эти парни, в словах которых сквозило удивление: чего ж, мол, непонятого в поступке, нужны были деньги, хотели выпить.

Представительница школы на процессе обвиняла родителей, плохо воспитавших своих детей. Матери — школу, окружающих, не сумевших... не создавших... не обративших внимания... Взаимные упреки. Много ли в них толку? А ведь невинно пострадал пожилой человек, да и виновные страдают от невзгод изоляции. И билась в уме мысль: отчего, почему все это?

— Давайте продолжим разговор по окончании вашего заседательского срока,— предложил председательствующий.— Больше будет накоплено информации. Только скажу: иной раз прямо-таки теряешься, не можешь понять мотивации поступков. Зачем было столь безжалостно избивать ограбленного? К чему, забравшись в квартиру, нужно устраивать там погром? Какая необходимость в нападении на человека, не имевшего сигарет?

— Какова ваша цель?— включилась в разговор учительница — народный заседатель.

— Хочу, чтобы они начали понимать...

— Что наказание неотвратимо?

— И это тоже. Но хочу, чтобы попытались взглянуть

на себя со стороны. Чтобы приучались правильно оценивать свои поступки.

В последующие дни мы рассмотрели дела: группы подростков, обворовывавших личные автомашины; троих, забравшихся в квартиру, а также нескольких несовершеннолетних, занимавшихся грабежом. Выбрав позицию у кинотеатра, они отбирали деньги у малышей. Предстали перед судом и хулиганы, которые забавы ради приставали к прохожим, гнусно ругались, угрожали, наслаждаясь испугом девушек, пожилых мужчин, старушек.

Через зал судебного заседания прошло много людей: потерпевшие, родители, соседи, учителя, преподаватели, мастера производственного обучения. Информации накопилось немало, но понять, что толкнуло ребят на преступление, по-прежнему было трудно.

Вот пять учащихся ГПТУ. Они обвиняются в тайном хищении государственного имущества и имущества граждан, в приобретении и сбыте добытого преступным путем. Как жили эти ребята?

Зимой обычно собирались в квартире у самого старшего. Здесь вызывающе блистал хрусталь, свет ложился мягкими тенями на бархатную обивку дорогих кресел, диванов. Мальчишки «балдели» под громоподобные раскаты модных дисков, а потом отправлялись на промысел. Ездили по дачным поселкам, воровали все, что попадалось на глаза. Особой доблестью считалось найти на даче что-либо ценное, тщательно спрятанное хозяевами. Тогда устраивали «пиратские» пиры с битьем посуды и прочими безобразиями.

Двенадцать вояжей совершили они. Наконец, решили не утруждаться поездкой в электричке, а взять штурмом соседний овощной киоск. Расчет был на то, что киоск не охраняется. Однако заметивший неладное прохожий сообщил в милицию.

Ребята не отпирались. Подробно описывали, в каком составе действовали, кому и как продавали ворованное добро.

В рассказах не было вначале ни нотки раскаяния. — Каков ваш сын? — задает председательствующий вопрос родителям подсудимых.

— Он был хорошим мальчиком, — отвечали почти все.

— Сын даже не пил,— с гордостью отметила мать старшего — кассир мебельного магазина.

— Мальчик долго воспитывался в деревне у бабушки. Когда вернулся домой, очень всех стеснялся. Он даже в кино один не ходил, только со мной. И я очень обрадовалась, когда у него появились друзья в группе,— говорила мама другого парня.

— Они все время были заняты. Не слонялись без дела,— подтвердила мама третьего. Но опомнившись, по какому поводу приглашена в суд, добавила:— Так мне казалось. Откуда все было знать? Мне же трудно, я одна воспитываю сына.

— Мальчик всегда вовремя приходил,— отметила четвертая.— В одиннадцать он уже бывал дома. Так что... случайность все это. Из шалости они...

Но, как известно, отсутствие отрицательных черт еще не есть признак добродетели. Я вижу, что простой вопрос председательствующего — добры ли, честны, смелы их дети — повергает в смущение родителей. Они по-школярски перешептываются, советуются, что и как сказать. Их первая реакция — дать утвердительный ответ. Но привести конкретный пример смогла только одна мама: ее сын однажды привел домой бездомную собаку.

— Ну и где эта собака сейчас? — поинтересовался председательствующий.

— Да он потом куда-то ее свел,— ответила мама и, оправдывая сына, пояснила: — Собака всем доставляла только беспокойство.

На сем родительские познания о душевных качествах своих детей исчерпывались. В лучшем случае они имели информацию об отметках их сыновей в ГПУ, иногда — о вещах, которые они приобрели (на деньги за практику!) А вот поможет ли их великовозрастное чадо слабому, уступит ли место старшему, заступится ли за обиженного — эти вопросы ставили родителей в тупик. Зато все с уверенностью заявляли:

— Воровать мы их не учили.

Безусловно, никто из родителей не сказал: иди — вору. Но...

В доме, где собиралась компания, разве не тем, что «мать достала», «мать принесла», объяснялось появление дорогих вещей? Хотя всем была известна скромная зарплата кассира, подростки кивали с пониманием.

Один из преступников, отец которого работал на мясокомбинате, «снабжал» компанию колбасными деликатесами.

Отчим третьего был шофером-экспедитором. И именно этот подросток прихватывал на вечеринку бутылочку-другую спиртного.

— Вам не стыдно было воровать? — спросила я у одного из подсудимых.

— Тогда нет,— честно ответил он.— Я ведь думал: все вот так... умеют жить.

— Воруют?

— Мы так не говорили.

Да, это слово в компании не произносилось. Научившись по примеру окружающих «раздобывать» вещи, они и действия свои называли обтекаемо: поехали размяться, встряхнуться, сделать дачу...

Свидетелями по делу проходили мастер, учащиеся ГПТУ. Неужели и они ничего не замечали?

Староста группы, где учились трое из компании, рассказал, как покупал он у ребят вещи. Однажды — хрустальную пепельницу, в другой раз — вазу по очень низким ценам.

Интересуюсь:

— И вас это не насторожило?

— Нет. Все знали, что у этих парней всегда можно что-нибудь купить. Их ведь не наказывали. А я — что? Мне... очень нужны были подарки маме и папе. На Новый год.

Примерно так же пытался объяснить свою покупку другой комсомолец:

— Я сделал приятное бабушке. Денег было немного, а хотелось подарить хорошую, заметную вещь.— Он искал объяснения своей близорукости.— Нет, ничего у них не узнавал. У них так: станешь спрашивать, сразу все сворачивают, говорят: «Не хочешь, не бери».

Задаю вопрос:

— А вас это не настораживало?

— Не-ет,— он мнетя и потом решительно добавляет: — Нет! Все ж знали.

На свидетельском месте — мастер ГПТУ. Он пылко произносит заготовленную заранее речь, обличает родителей, снисходительность к порокам в одних семьях, тлетворную атмосферу — в других.

— Надо освободить наш город от таких типов, они позорят столицу,— закончил мастер свою пламенную речь.

Знакомясь с делом, я обратила внимание на один эпизод в показаниях этого мастера.

— Вы рассказывали, что подсудимый предлагал вам однажды купить у него плед. Так это?

— Да. И за смехотворную цену. Я, конечно, отказался.— Он гордо вскидывает голову.

— А что дальше?

Удивлен:

— Что может быть дальше? Ясно, что плед был добыт ненормальным путем.

— Вы это сразу поняли?

Теперь, догадавшись, почему задаются эти вопросы, он колеблется:

— Ну... в общем... можно сказать, не сразу. Просто закралось подозрение...

— И вы его, конечно, проверили? Попытались разобраться?

Мастер пытается ответить жестами: пожимает плечами, отрицательно качает головой.

Я повторяю вопрос. И он вынужден ответить. Секретарь судебного заседания заносит в протокол его четкое «Нет!».

Во время предварительного следствия, суда явления были названы своими именами. Всякий раз, когда произносились точные слова, я смотрела на подсудимых. Мне казалось, что по лицу одного, другого подсудимого проходила тень. Смущения? Стыда? Раскаяния? Во всяком случае, какого-то душевного беспокойства. Может быть, это был первый шаг к осмыслению своей жизни, к исправлению.

Подсудимым предоставляется последнее слово. Я вслушиваюсь в слова раскаяния. Что для парней горше — собственные будущие лишения или чувство вины — перед обществом, родителями, товарищами? Приходит на ум, что, возможно, они впервые свои поступки называют настоящими именами, впервые оценивают свои действия. Я верю в силу глубокого раскаяния, верю в благотворность искреннего слова.

Мы уходим в совещательную комнату. После заседания — снова в зал. Стоя, все выслушивают наш приговор.

Я вглядываюсь в лица подсудимых. Вот сейчас они услышат, где дальше будет протекать их жизнь, как долго пойдет она по определенному Исправительно-трудовым кодексом РСФСР распорядку. Что испытывают подростки? Смотрю и не замечаю отчаяния. Лишение свободы принято как должное. Нашли в себе силы начать спрашивать с себя или просто смирились с неизбежностью?

Вынесли мы тогда и частные определения в адрес ГПТУ. Показали, как попустительство, равнодушие преподавателей и учащихся, не остановивших вовремя подростков, способствовали тому, что те покатались по наклонной плоскости.

Через месяц пришел ответ, что частное определение обсуждено в коллективах учащихся и преподавателей, просчеты в воспитательной работе устранены.

Хотелось бы верить...

Но не верилось, что за месяц (срок, положенный на ответ) можно перевоспитать равнодушных преподавателей, изгнать из стен училища высокомерие, пассивность. Видимо, на собрании коллектива, обсуждавшего приговор и частное определение суда, было произнесено множество слов. Но пошли ли здесь дальше? Сделана ли хоть попытка устранить причины, ведущие к преступлениям несовершеннолетних? Да и в чем эти причины?

Из головы не шел короткий процесс. Шестнадцатилетний подросток, недавний молодой рабочий, обвинялся в убийстве и грабеже. Он не отпирался ни на следствии, ни в суде. Высокий, крепкий, он спокойно повествовал о случившемся, в тоне так и сквозило: «Ну что тут особенного? Что непонятного?»

— Значит, седьмого у нас был аванс. Выпили с другом.

— Много?

— Обычно. Бутылку белого, бутылку красного. А потом еще... Как домой пришел — не помню. Проснулся на полу. Голова трещит. Надо опохмелиться... Вечером опять выпили. Ну, а девятого августа... вы уже знаете.

— Ты все-таки расскажи.

— Ну, когда мы с этим, ...с потерпевшим, прошли в скверик, он задираться стал. А у меня шнурок развязался, я нагнулся завязать, а тут под руку кирпич попался. Ну, я и ударил...

— Дальше?

— Он упал. Я подумал, что он убит. Раздел. Мне костюм его нужен был.

— Зачем?

— Как — зачем? Выпить же.

— И что ж дальше? — приходится подгонять допрос.

— Тут эта старушка закричала. Свидетельницей могла стать. Ну, а кирпич-то рядом... Ну, я и к ней... Вот и все.

— Скажи, тебе не жалко их было? — вырывается, хотя понимаю, отсутствует у него это чувство.

— Нет, — отвечает искренне, не рисуясь. — Я тогда не думал об этом. Выпивши был.

Если бы это был единственный случай! Как бы ни был он страшен и горек, можно было бы посчитать его трагическим недоразумением. Но случай не был единичным. Небольшой по времени процесс вскрывал целое явление: отсутствие у части подростков чувства милосердия, сопереживания.

О причинах преступности несовершеннолетних писалось немало, исследовалось, как пагубно влияют на складывающийся характер конфликты в семье, отсутствие в ней одного из родителей, какой урон наносят безнадзорность, второгодничество, раннее приобщение к алкоголю. Выход, как правило, рисовался нам в приобщении ребенка к труду, спорту, чтению, к увлекательному времяпрепровождению. Статьи были убедительными, но вспоминались несовершеннолетние подсудимые. Некоторые из них жили в благополучных семьях, неплохо учились, занимались спортом. Иные были прямо-таки меломанами — но ничто не спасло этих подростков от преступлений. И захотелось поглубже разобраться в совершенных ошибках, увидеть просчеты в воспитании.

Так родилась мысль побывать в воспитательно-трудовой колонии (ВТК), где отбывают наказание

осужденные подростки. Я поехала в Брянскую область. В колонии усиленного режима жили «несовершеннолетние мужского пола, ранее отбывавшие наказания в виде лишения свободы, а также переведенные из воспитательно-трудовых колоний общего режима по основаниям, предусмотренным статьей 53 настоящего Кодекса» (то есть за нарушения режима) — так определяет статья 76 Исправительно-трудового кодекса РСФСР этот контингент.

Высоченный забор обнесен поверху колючей проволокой, ворота обиты железом, тяжелая глухая дверь закрыта. Нажмешь кнопку звонка — она откроется, и ты оказываешься в тамбуре. В отгороженном крепкой решеткой помещении — контролер. «Ваши документы?»... «Пожалуйста, проходите». Одна за другой захлопываются за тобой двери. Вот и последняя ухнула за спиной. И ты — в зоне. Меня встречает начальник колонии. Ладный седой полковник с внимательным взглядом голубых глаз, уверенной манерой держаться.

Несколько лет назад ему, бывшему заместителю начальника райотдела внутренних дел, предложили работу в колонии. Он согласился сразу: работая в милиции, этот человек повидал немало. И особенно близко принимал к сердцу правонарушения подростков. К тому времени он закончил педагогический институт, который выбрал осознанно, едва начав службу в милиции.

Начальник предложил для начала осмотреть колонию, и мы идем с ним по зоне. В двухэтажных корпусах общежитий кроме спален с плотно стоящими двухъярусными кроватями — кабинеты воспитателей, где постоянно дежурят один-два сотрудника. В комнате отдыха у телевизора или на политбеседу в минуты, отведенные расписанием, собирается весь отряд. По стенам — газеты, полки с книгами, «молнии», сообщения, приказы.

А вот и школа. Обычная. Типовая. С широкими окнами, гулкими коридорами, светлыми классами. Имеются медчасть и больница на несколько коек. В центре колонии — клуб, вместительный, красивый. Есть, как и положено, спортзал и спортивная площадка, баня и прачечная, столовая и магазин. В производственной части зоны — корпуса цехов. И там идет своя жизнь по часам и минутам.

В колонии есть все, чтобы подростки могли жить, учиться, работать, разумно отдыхать. Но здесь нет свободы, которой в наказание за содеянное зло лишены преступники.

— Вот и закончилась первая смена, — сказал мой провожатый, когда мы подошли к школе.

Прозвучал звонок, но в колонии по-прежнему царила тишина. Не было привычного шума, который сопровождает школьные перемены. Чуть спустя послышался четкий ритм шагов. Сапоги мерно отбивали шаг. Звук нарастал. Из-за угла появилась колонна ребят. Одинаково одетые в темные хлопчатобумажные костюмы, стриженные наголо, серьезные, они шли в строгом строю. Взлетали во взмахе руки, твердо печатался шаг.

— Передвижение по колонии усиленного режима разрешается только строем. Куда бы то ни было,— заметил начальник.

Мы остановились, пропуская колонну. А я пытливо вглядываюсь в ребят. Подтянутые, в начищенных сапогах, с ясноглазыми лицами. Если бы не мой опыт заседателя, если бы не предварительное ознакомление с делами осужденных: убийство, изнасилование, дерзкие грабежи, драки — не поверила бы, что эти подтянутые, дисциплинированные ребята и есть убийцы, насильники... И опять всплывал безответный вопрос: что же было в их прежней жизни, что привело к преступлению?

Надеялась, что анкетный опрос выявит закономерности, прояснит, откуда приходит беда, где скрыты ее корни.

Анкеты были анонимными.

В вопросах не было новизны. Скорее — проверка тех впечатлений, которые возникали на процессах, да предположений, бытовавших в очерках о подростковой преступности.

Итак, первая группа вопросов *о семье*. Ответы свидетельствуют, что социальный состав семей нельзя назвать однородным. Так, может быть, секрет в их неполноте? Действительно, каждый третий из осужденных воспитывался одним родителем.

— Отец ушел, когда мне было полгода.

— Отца посадили, мать с ним развелась.

— Отец пил, часто нас с матерью выгонял на улицу, мы уехали в другой город.

— Мама умерла.

— Мать лишена родительских прав, потому что пьет.

Сколько за этим детских слез, обманутых надежд. Ведь тот, на кого ребенок должен был опереться, кто обязан был ему помочь,— отсутствует. Иной раз это не просто пустота в душе, а мучительное осуждение, боль, даже ненависть. И к кому же? К родному отцу, к матери. Разве

эта противоестественность может не оставить своего отпечатка?

У 28,5 процента подростков, отбывающих наказание, кто-то из близких родственников был судим.

Следующая группа вопросов касалась *отношения ребят и членов их семьи к алкоголю.*

Огромное большинство осужденных (девять из десяти) совершили преступление в нетрезвом виде. Причем пьяными они были уже не в первый раз.

«Когда ты выпил в первый раз, как к этому отнеслись дома?» — таким был один из вопросов анкеты. Отвечали на него по-разному. Кто-то написал: «Впервые выпил в шесть лет, а часто пить стал с двенадцати».

— В первый раз это случилось в седьмом классе. Был день моего рождения. Родители разрешили. Выпил немного, стало радостно и легко. Вышел на улицу. С кем-то выпил еще и еще. Очнулся — болела голова, опохмелился — перестала. Через несколько дней вспомнил приятное ощущение — потянуло выпить. Так и вошло в привычку.

— Мне было лет двенадцать, когда родители ушли в гости, а я остался дома. В холодильнике стояла начатая бутылка водки. Меня разобрало любопытство: почему отец, когда выпьет, шатается. Я достал бутылку и начал из нее пить. Водка была горькая и противная. Но я пил через силу. Мне стало плохо. Мама не ругала меня. Отец хотел отлупить, но она остановила: «Сам виноват».

— Спиртные напитки употреблял всегда, когда мы собирались с друзьями. Почти каждый день.

— В первый раз напился маленьким на свадьбе брата. Все хвалили меня, говорили: «Молодец!» Поэтому, наверное, и стыдно не было.

— Спиртные напитки употреблял по праздникам, чтобы как-то отметить.

Ответов было много, но ни в одном не написано, как противоборствовала пьянству семья. Пьяный подросток не вызывал тревоги, беспокойства родителей.

«Выпивает ли кто-нибудь в твоей семье? Как часто?» — спросили мы, чтобы проверить это предположение.

— Отец и брат.

— Конечно. В моей семье выпивают, как и во всех.

— Братья мои выпивают, не так чтоб часто: по праздникам, когда получка, по субботам, воскресеньям.

— Пил отец. Систематически.

— В моей семье выпивают все, кроме матери и сестры.

— Отчим пьет как следует в субботу и на другой день немного, ходит веселый, поет, иногда кричит.

И только незначительная часть анкет содержит отрицательный ответ. Порой ему дается объяснение:

— Отец перестал пить, потому что у него заболела печень.

— В семье мужчин, кроме меня, нет, поэтому никто, кроме меня, не пил.

— Отчим выпивает очень редко. Только по праздникам. Он шофер.

Так что подростка, рано начавшего пить, в большинстве семей и остановить-то некому: не пьяному же отцу или старшему брату читать ему лекцию о нормах поведения, призывать к порядку. Зато парнишке было с кого брать пример, он часто стоял перед глазами — этот гнусный образец. А ведь дурной пример заразителен и заразен, как чума.

Следующим в анкете стоял вопрос: «Как ты сам относишься к пьянству?»

— Как я могу относиться плохо, когда сам выпивал! — объясняет один из подростков свою позицию.

— К пьянству я относился безразлично, нередко выпивал с отцом. Считал, что так и должно быть, — пишет второй.

— Считаю, вернее, считал, что без выпивки нельзя прожить. Поэтому думал, что это неплохое дело, — записано в одной из анкет.

Мы посчитали немаловажным вопрос о том, *как подросток помогал в семье.*

«Какие ты нес обязанности по дому?» Ответы на удивление однозначны: «Никаких». Всего несколько ребят из многих сот смогли что-то припомнить. И это подростки, которым по плечу уборка, стирка, забота о младших. Да мало ли по дому разных работ, которые можно было бы переложить хотя бы частично на здоровых ребят! Но никто почему-то не переключивал, не просил, не поручал. Вот она, расхлябанность родителей, породившая отсутствие у них представления, кто может вырасти из тунеядца.

Особенно интересовал вопрос о *безнадзорности*, так как подчас в статьях именно отсутствие контроля со стороны семьи, коллектива выдвигалось как одна из главных предпосылок преступности несовершеннолетних.

Анкетирование выявило, что всего несколько человек из каждой сотни нигде не учились, не работали. Более трети посещали школу, 35 процентов ребят работали на заводах, фабриках, в совхозах.

Последние вызывали особый интерес, так как труд в очерках объявлялся спасительным средством, могущим уберечь подростка от дурного влияния. Работавшим адресовали мы дополнительный вопрос: «Как они относятся к труду, к заработанным деньгам».

Вот самые типичные из ответов:

— К труду относился не совсем хорошо (как я сейчас понимаю), а тогда считал — нормально. Старался улизнуть от работы. Заработанные деньги отдавал матери, но часть оставлял себе. Пропивал их, тратил на свои нужды.

— Деньги, которые получал, тратил на все, что мне хотелось. На водку тоже.

— У меня все зависело от настроения. Если хорошее — тогда работал с радостью, а если плохое — тогда ленился. К деньгам относился бережно — отдавал матери, мы договорились, что она купит мне магнитофон. В получку оставлял на выпивку с друзьями двадцать пять рублей.

— Если работа была по душе, я ее любил. А цену деньгам узнал только в колонии. На свободе тратил деньги налево и направо, не задумываясь, как они достаются. Мне они доставались легко, я и распоряжался, как хотел. Считал, что родители обязаны одевать, кормить меня на свои средства.

— К деньгам относился небрежно. Половину зарплаты отдавал матери, остальные тратил: кино, вино и т. д.

Вопрос *об отношении к учебе* был обращен ко всем. Почти во всех ответах стояло: «Нормально». Но что ребята считали нормой?

«Оставался ли ты на второй год?» Более трети ответили утвердительно. Из двадцати шести пятиклассников, например, по одному разу оставались четверо, по два — шестеро, по три — пятеро, по четыре — трое. Один подросток написал, что пять раз «повторял» курс.

Замечено: лень — мать всех пороков. Обычно беспокійство родителей и учителей вызывают те, кто слоняется без дела. А те, что ходят, скажем, в кино, не вызывают опасений. Подросток занят — стало быть, не ленив, стало быть, шалостям не подвержен. Но «мать всех пороков» иной раз принимает самые причудливые формы.

На вопрос «Как часто ходили в кино» несовершеннолетние преступники отвечали:

— Ежедневно.

— Три-четыре раза в неделю.

— На все новые фильмы в нашем кинотеатре и в соседних.

Казалось бы, можно только порадоваться: подросток — в кино. Значит, фильмы взволнуют его, подействуют на его чувства, заставят возмущаться несправедливостью, сопереживать горе, приветствовать победу добра над злом. Словом, возымеют должный воспитательный эффект. В том-то и дело, что ребята, не приученные к труду, к правилам общения дома, не вовлеченные в здоровый коллектив, *остаются лишь пассивными созерцателями*. В кинотеатрах они ищут возможность только развлечься. Это подтверждают ответы на вопрос «Кто твой любимый киногерой?». В основном названы характерные комедийные актеры. Попробовала выяснить у опрошенных причину подобной популярности. И что же? «Можно посмеяться», «В кино люблю отдохнуть, а не то, чтобы всякую мораль слушать».

Была ли еще возможность оказать на подростков положительное влияние? Да. *Около 80 процентов опрошенных систематически занимались спортом.*

— Баскетболу, хоккею отдал примерно по полтора года. Успехи были хорошие. Получал грамоты.

— Ходил в секцию бокса, волейбола. По боксу имею третий взрослый разряд. За волейбол — много грамот.

— Увлекался гимнастикой. Имею второй взрослый разряд. Ездил на соревнования по шахматам, футболу, хоккею. Неоднократно занимал призовые места.

— Тренировался почти два года. Имею первый юношеский разряд по боксу.

— Пять лет посещал гимнастическую секцию. К двенадцатилетнему возрасту имел второй взрослый разряд.

— Незадолго до ареста стал кандидатом в мастера велосипедного спорта.

— Я занимался очень многими видами спорта: футболом, ручным мячом, регби, волейболом, легкой атлетикой. Командам, в составе которых я выступал, присуждались кубки, вымпелы, призы.

Привожу эти свидетельства, чтобы убедить: спортивные занятия были не эпизодическими.

Во время проведения опроса я пыталась выяснить, *занимался ли кто общественной работой*. Таких едва набралось с десятков. А ведь передо мной сидели здоровые, живые, предприимчивые ребята. Их активность искала выхода и находила. Каким образом — приоткрыли ответы на вопрос: «На кого ты раньше хотел быть похожим?»

— Я хотел быть похожим на хулигана, грабителя, убийцу.

— На любого отличившегося хулигана.

— На взрослого с папиросой во рту.

— На своих старших друзей, с которыми гулял по вечерам. Они ругались, пили, цеплялись ко всем. Я думал, что это — смелость и вел себя так же.

«Участвовал ли в твоём преступлении взрослый?» — этот вопрос тоже стоял в анкетах.

Как выяснилось, каждое третье преступление несовершеннолетние совершили в союзе со взрослыми. Но только девять процентов великовозрастных организаторов привлечено к уголовной ответственности за вовлечение ребят в пьянство и преступную деятельность.

Уголовный кодекс РСФСР предусматривает строгое наказание тем, кто сбивает подростков с правильного пути. Но зачастую ребята самоотверженно скрывают своего взрослого друга, вдохновившего их на преступление. Иногда подросток даже берет на себя вину взрослого, ибо тянутся детские души даже к горе-воспитателям. Вот почему почти трое из каждой четверки взрослых преступников избегают наказания.

И наконец: «Почему ты встал на путь преступления?»

— Из-за того, что не имел собственного мнения и был под чужим влиянием. Мы всегда выпивали.

— Я был так пьян, что даже не различал, кого избиваю.

— Боялся, что меня будут считать маменькиным сыночком.

— Хотелось выпить. Дружки подговорили идти на грабеж.

Да — водка, да — пьянство. Но причина это или следствие? Ведь были же и другие ответы, чаще всего у тех ребят, которые уже год-два прожили в воспитательно-трудовой колонии.

— Я встал на путь преступления потому, что не подумал о последствиях своих действий.

— Я не задумался, как это плохо.

Итак, все ответы прочитаны, разобраны, классифицированы. Многие в них оказались неожиданным, кое-что вызывало недоумение, удивление. Иные откровения шли вразрез со сложившимися, широко бытующими представлениями о причинах подростковой преступности.

Во время проведения нашего небольшого социологического исследования, в организации которого активно помогали классные руководители, я постоянно ощущала горячий интерес к этому всех сотрудников колонии. Я и предложила после обработки анкет сойтись нам всем да и поговорить. Условились: в кабинет начальника колонии придут все, кто захочет.

Пришли не только воспитатели и педагоги, но и мастера производства, контролеры. Это было незапланированное мероприятие, просто обмен опытом, мнениями. Регламент не устанавливали. Повестку — тоже.

...Сосредоточенные, заинтересованные лица, умные, внимательные глаза. Для этих людей вопрос: почему подростки совершили преступления — не отвлеченный, не академический. Он — изначальный в их работе, ибо без глубокого понимания причин правонарушений не добиться исправления.

Обсуждая каждую группу ответов, мы зачастую приходили к иным выводам, чем те, что бытуют в популярных газетных статьях, журнальных очерках. Неполная семья, второгодничество, безнадзорность — главные ли это причины преступности несовершеннолетних? Шаг за шагом идем по итогам опроса.

Цифры о полной — неполной семье, где выросли осужденные подростки, со всей убедительностью показывают, что признаки неблагополучия заключаются вовсе не в отсутствии у ребенка одного из родителей или наличия в его семье осужденного (хотя, безусловно, оба эти фактора неблагоприятны).

Но в 70 процентах случаев детей воспитывали оба родителя, в большинстве рассмотренных нами семей не было осужденных.

Помню, одна из учительниц сказала:

— Я обратила внимание на такую закономерность: зачастую именно в неполных семьях наших воспитанников есть и осужденные родственники. Но таких неблагополучных, как мы их называем, семей только одна треть. Однако благополучны ли остальные?

Да, на первый взгляд в них не просматривалось изъяна. И все-таки там вырастали правонарушители. В чем же дело? Признаки неблагополучия, как правило, лежат не то чтобы глубоко, а стыдливо не замечаются. В инспекциях по делам несовершеннолетних ставят на учет пьющих подростков, драчунов, шумно проводящих свой досуг. Учитывают семьи, где выпивает кто-либо из родителей. И только.

А разве посмели бы поставить на учет семью, где при скромных заработках дом распирает от кричащих дороговизной вещей? Семью, где родители кичатся своим умением «доставать» то, чего не встретишь в широкой продаже, где бахвальство дефицитными тряпками иногда принимает формы фантастического соревнования? Такие, с позволения сказать, благополучные семьи были вне пределов досягаемости критики. Им не задавали никаких вопросов ни скромные соседи, ни строгие фининспекторы. Не смели. А если бы и посмели — в ответ могли услышать что-нибудь вроде «не пойман — не вор», увидеть наглую усмешку. Но вор остается вором, пойман он или нет. Лжец — лжецом, мошенник — мошенником, спекулянт — спекулянтом.

От глаз детей невозможно укрыться. Растущие в такой семье ребята смотрели на родителей, учились следовать их примеру.

— Как трудно нам разубеждать циника! — сетовали воспитатели ВТК.

Второгодничество. Недооценивать его невозможно. Ребята, остающиеся на второй год, обычно чувствуют себя ущербными, «конченными» задолго до того, как становятся на путь преступления. «От того, как ученик относится в годы детства и отрочества

к самому себе, каким он видит себя в мире труда, в огромной мере зависит его моральный облик», — предупреждал еще замечательный советский педагог В. А. Сухомлинский.

Один из учителей колонийской школы страстно заявил:

— Ну, а я все-таки предпочитаю второгодников, чем тех учеников, которые только и имеют, что тройки, а не знания.

В ответ — шум понимания, одобрения. Учителя заговорили о самом наболевшем: воспитанники приходят с такими минимальными знаниями, что подчас не представляешь, с чего начинать их обучение. В ВТК, куда подростки попадают не ранее 14 лет, пришлось открыть начальные классы.

— Вот как в обычных школах борются с второгодничеством! — укорял своих коллег учитель колонийской школы.

Из гуманной посылки о вреде второгодничества, что должна была мобилизовывать педагогов, воспитателей на высокое качество обучения, чтобы ни один ребенок не покинул детского коллектива, не порвал нити товарищества, не изуверился в своих силах, — был сделан странный вывод. Второгодничество просто запретили. Школа, допустившая его, склонялась на всех совещаниях, вызывала гнев праведный. Свыше рекомендовалось исправить картину во что бы то ни стало, а так как реальное исправление было трудным, а подчас и невозможным, то негласно рекомендовалось исправление не подлинное, а мнимое. Вместо беспокоившей всех двойки выводилась спасительная тройка. И постепенно — год за годом — неуспевающий ученик привыкал к безделью. Он знал, что его плохие отметки будут в конце концов поправлены. Показуха дала свои горькие плоды.

Приписки, проникающие в духовную сферу, возвращают и тех, кто ими занимается (учителей), и «благонравных» двоечников. Требование качества должно неукоснительно соблюдаться в учении, и формализм тут губителен более, чем где-либо. Красивый знак качества, как известно, не делает первоклассным негодный товар. Шестьдесят три процента осужденных подростков ни разу не оставались на второй

год, но оказались испорченными очковтирательством.

— Так что вреднее? Второгодничество или пока-зуха? — возмутился учитель колонии.

Заговорили о вреде безнадзорности. Безусловно, ничегонеделание — не лучшее состояние для несовершеннолетнего. Кто спорит?

— Но где они, эти мифические бродяги? — поднялся начальник отряда, старший воспитатель. — Я внимательно просмотрел дела осужденных: все они были школьниками, учащимися ПТУ, рабочими.

Действительно. Эти ребята как будто бы были под контролем. Значит, неверна философия о том, что стоит добиться полной посещаемости трудными подростками школ, профтехучилищ, фабрик, заводов (что хоть и нелегко, но достижимо) — и кривая преступности пойдет вниз.

А ведь дошло дело до того, что по домам неблагополучных ребят пошли многочисленные шефы, наставники, уговаривая их «хотя бы прийти», «хотя бы поприсутствовать». Но много ли дает подобное присутствие на учебном или рабочем месте? В отчетах — оптимистические «галочки», а на деле — минусовый воспитательный эффект, ситуация, при которой подросток чувствует себя королем положения.

С тем, что главной причиной правонарушений подростков является алкоголь, согласиться было невозможно. Я собиралась высказать свои опровержения. Не пришлось. Первым, кто выразил свою, а заодно и мою точку зрения, был начальник ВТК:

— Это следствие, а не причина.

Да, 90 процентов преступлений совершено подростками в состоянии опьянения. Да, большинство из отбывающих наказание очень рано пристрастились к спиртному. Да, почти все они к этому пороку-страсти относятся снисходительно и причиной своего преступления называют пьянство.

Они-то называют. Но должны ли мы слепо повторять это за ними? Не облегчим ли мы себе таким образом задачу перевоспитания неблагополучных ребят, если уверимся, что стоит лишь отвратить их от спиртного, и все будет в порядке. А как тогда объясним рост наркомании среди некоторой части несовершеннолетних, которые свое увлечение объ-

ясняют трудностями с приобретением спиртного. Вот какова их альтернатива: либо алкоголь, либо наркотики. Так что не будем обольщаться.

Не потому он — трудный подросток — совершал преступление, что находился в состоянии опьянения. Он довел себя до этого состояния потому, что деформированы в нем нравственные устои, отсутствуют понятия добра, долга, стыда, сочувствие чужой боли. Состояние опьянения для такого подростка само по себе вызов окружающим, норма поведения, при которой он себя противопоставляет скучным, по его мнению, моралистам.

Мне вспоминаются беседы с осужденными подростками, такими спокойными, я бы даже сказала, милыми:

— Я даже не помню, за что мы этого старика бить начали.

— Только когда студент упал, я сообразил: «Наверное, я его застрелил».

Так что исправление трудных, педагогически запущенных подростков предполагает только на первом этапе отвращение их под любыми предлогами от пьянства. Воспитательный процесс длителен и сложен.

«Душа обязана трудиться», — сказал поэт. Необходимо воспитывать нравственность, а не заботиться лишь о занятости ребят. Не это ли проблема проблем воспитания? Если нет духовной пищи, то никакая занятость не избавит от соблазна преступления. И лучшие доказательства тому я нашла в колонии же.

Ведь в недавнем прошлом (да, пожалуй, и сейчас) ставился знак равенства между спортивными занятиями и нравственным совершенствованием ребят. Разговорилась как-то с одним из подростков. Он с гордостью вспоминал о своих спортивных достижениях (они и впрямь были незаурядны), о силе, уверенности, которые дает спорт. Я спросила: «А что ты получил морально?» Парнишка даже не понял вопроса. «Бокс мне многое дал... я могу постоять за себя». — «А за других?» Он растерялся, опешил, а потом добавил: «Ну... если захочу».

В одном из воспоминаний о Юрии Алексеевиче

Гагарине рассказывается, как на лыжных соревнованиях у парня, бегущего впереди, перед финишем сломалась палка. Тот приостановился. Юра, догнав его и не замедляя бег, отдал сопернику свою палку и... победил.

Часто ли в спортивных секциях рассказывают о подобных случаях? Приучают ли к великодушию? Да, наконец, учат ли просто-напросто доброте, которая должна сопутствовать силе, чтобы последняя не ассоциировалась у подростка с правом на хамство и бестактность?

Тренер детской спортивной школы никогда не должен забывать, что он прежде всего — воспитатель, а уж потом — спортсмен. Тренер находится в более выгодном положении, чем учитель. Учитель дан как бы «сверху», тренер выбран подростком добровольно. На урок подросток обязан ходить (что у него, ленивого и не привыкшего нести обязанности, вызывает недовольство), на тренировки он хочет ходить. В классе его ругают за плохую успеваемость, разболтанность. В секции — хвалят за спортивные успехи и иной раз не обращают внимания не только на учебу в школе, но и на поведение.

Вот она где, казалось бы, благоприятная почва для педагогического сева. Всегда ли понимает это тренер? Считает ли он себя подлинным педагогом или складывает с себя заботу о нравственном росте подопечных?

Помнит ли о том, что его воспитанники в будущем могут и не стать спортсменами, а гражданами они быть обязаны. В этом — нравственная сила спорта.

Для примера — сопоставление. К чему призывал спорт ранее? Вспомним. Вслушаемся:

Эй, вратарь, готовься к бою,
Часовым ты поставлен у ворот,
Ты представь, что за тобою
Полоса пограничная идет...

Физкульт-ура! Ура! Ура! Будь готов!
Когда настанет час бить врагов,
От всех границ ты их отбивай,
Левый край! Правый край! Не зевай!

Так пелось в популярной песне.
Сейчас в детской передаче звучит:

В хоккей играют настоящие мужчины,
Трус не играет в хоккей!

Но позвольте: в хоккей не играют, в частности, люди, не способные заниматься этим видом спорта или вообще спортом из-за физических недугов или по другим причинам. И самое главное — признаком мужества никогда не считалась лишь грубая физическая сила. Николай Островский не смог бы выйти на хоккейный лед, но он был настоящим героем.

В телепередаче «Мир и молодежь» спортивная страничка открывалась песней:

Словно струны, наши нервы,
Каждый хочет быть в жизни первым.

Обидно, что спорт преподносится как способ преуспеть в жизни, как пьедестал жизненного успеха.

Опасность, таящуюся в бездуховном воспитании, «демонстрируют» осужденные, которые числили себя рабочими. Каждый третий из несовершеннолетних преступников работал. Но, став к станку, эти ребята не стали настоящими рабочими. Рабочего отличает прежде всего высокая сознательность, гордость за свое звание, профессию, чувство долга перед коллективом. В приводимых ранее ответах на вопросы анкеты — беззаботность, безответственность. И не только самих подростков. Ребята показали, что и родители относились к их труду как к забаве. Наверное, и все те, кто по долгу службы отвечал за них, проявили успокоенность, едва трудные подростки пошли на завод: дело, мол, сделано, ребята перевоспитались. А они просто стали более занятыми. Дело не коснулось их души.

Природа не терпит пустоты. Воспитательной — особенно. К сожалению, об этой истине забывают некоторые родители, учителя, наставники, тренеры.

Мы говорили в тот вечер и о тех людях, которые становятся организаторами преступных групп (помните вопрос анкеты: «Участвовал ли в твоём преступ-

лении взрослый?»). Ребята их скрывали, выгораживали.

— Почему ты ничего не сказал о человеке, под влияние которого попал?— спрашивала я одного, другого подростка.

— Нельзя же выдавать друзей,— отвечали парни.

Хороший принцип. Но им спекулирует изощренный преступник. Умело сыграв на стремлении ребят к героическим поступкам, их взрослый организатор извращал саму суть принципа, поворачивал его во вред обществу и подростку.

— Чем он тебе был дорог? — спрашивала я ребят.

— Он никогда не ругал меня. Успокаивал. Если я получу двойку, говорил: «Не тужи! И без образования люди живут». Если мать сердилась — объяснял: «Покричит — перестанет».

— Он меня уважал. Обращался как со взрослым. Закурит — меня угостит, пить станет — мне нальет. И никаких там: «Он маленький, ему нельзя».

— Он всегда помнил обо мне. Что-нибудь такое я сделаю, он похвалит: «Молодец». Даже если я не так сделаю, и то скажет: «Ничего. Научишься».

— С ним было интересно. Он всякое рассказывал. Как из лагеря бежал, как скрывался. Учил: риск — благородное дело.

Объяснения опрошенных подтвердили, что еще велик дефицит понимания ребят, заботы о них, доброты, к которым тянутся дети. Это и есть та «отмычка», что используется взрослым преступником. Надо признать: он имеет большое влияние на ребят, этот «наставник». Его слушаются. Подростки, совершающие преступления по наущению взрослого рецидивиста, зачастую не понимают, что тот думает только о собственной шкуре, загребает жар чужими (их!) руками.

Один из воспитанников в анкете горестно написал: «Я бы стороной обошел ту тропу, которая ведет к преступлению». Но нужны точные определения, где эта тропа.

Рассуждения, умозаключения о причинах преступности несовершеннолетних, которые мы вели в ВТК, имели для воспитателей свои определенные задачи: определив дефицит, восполнить его. Цель была высокая: исправить трудных подростков, сделать их подлинными гражданами.

Мне подумалось, что для нас — народных заседателей — эта цель тоже вполне конкретная и выходит за рамки академических споров. Потому и решила продлить срок командировки, чтобы на деле увидеть, как идет перевоспитание в колонии. Да и после этой командировки бывала в ВТК не единожды. Наблюдения подтверждали выводы, к которым мы пришли с воспитателями колонии.

Так как же строится процесс перевоспитания?

В Основах исправительно-трудового законодательства Союза СССР и союзных республик сказано: «Основными средствами исправления и перевоспитания осужденных являются: режим отбывания наказания, общественно полезный труд, политико-воспитательная работа, общеобразовательное и профессионально-техническое обучение».

А как все это совместить? Как конкретно организовать быт, рабочий день осужденных? Начнем, пожалуй, с расписания. День в колонии начинается в 6 часов 30 минут. И далее — все по минутам: 6.35—6.45 — физзарядка; 6.45—7.15 — туалет, заправка коек, уборка помещений и территории; 7.15—7.30 — осмотр на внешний вид; 7.30—7.50 — завтрак; 7.50—8.00 — развод на учебу в школу; 8.00—9.45 — приготовление уроков; 9.55—13.15 — занятия в классах; 13.15—13.30 — уборка в школе; 13.30—13.50 — обед; 13.50—14.00 — переодевание в рабочую одежду; 14.00—14.50 — развод на работу и в ПТУ; 14.50—20.50 — работа на производстве или учеба в ПТУ; 20.50—21.00 — возвращение с производства и из ПТУ; 21.00—21.25 — личное время; 21.25—21.40 — политинформация; 21.40—22.00 — ужин; 22.00—22.15 — вечерняя линейка; 22.15—22.30 — приготовление ко сну; 22.30 — отбой.

Антон Семенович Макаренко говорил, что точность —

нравственная категория. Конечно, подобное расписание дисциплинирует ребят, строго регламентирует их деятельность, показывает, как много можно успеть: наряду с работой и учебой позаниматься спортом, написать вечером письмо... Тем ребятам, что дома ничего не успевали (а таких большинство), дается хороший урок.

С каждым из осужденных подростков проводится индивидуальная воспитательная работа. Для нее не отведено специального времени в расписании, потому что она постоянно ведется воспитателем отделения, учителем в школе, мастером на производстве.

Да, существуют инструкции, которые расписывают весь порядок жизни в колонии. Но их проводят в жизнь люди. И от них в большой степени зависит, как все это осуществляется.

Кто работает в колонии? Производственные мастера в цехах и ПТУ — все (за редким исключением) со среднетехническим образованием, имеют большой стаж работы. Очень силен педагогический коллектив школы. Воспитатели — тоже люди с высшим или средним специальным образованием. Многие из них пришли работать в колонию по направлению райкомов, горкомов партии и комсомола. Кроме высоких профессиональных знаний, их отличает еще одна особенность — доброта.

— Человеку недоброму, невнимательному нечего делать в колонии, — сказал начальник. — Такой не сможет распознать в наших воспитанниках то светлое, что в них глубоко скрыто. Так глубоко, что порой трудно докопаться. А найти светлое начало надо! Надо развить его, укрепить.

На вопрос о причине преступления многие подростки откровенно признавались: «Не подумал», «Сделал то, что хотелось», «Не мог представить, к чему приду». Поэтому цель всех воспитательных мероприятий в колонии: разбудить дремлющую мысль ребят, привить чувство радости от сознания хорошо сделанного дела, честного поступка, принципиального решения.

Мастера учат не только профессии. Еженедельно проводят они свой официальный воспитательный час в группах. Тут можно услышать и рассказ о профессии, и разбор работы подростков.

Предусмотрены в колонии несовершеннолетних часы воспитателя и классного руководителя, политинформации. Ни один просмотр фильма не проходит без последующего

обсуждения в отрядах. Вопросы к ребятам будто бесхитростные: «В чем сила героя? В чем он неправ? А как бы поступил ты на его месте?» Но они заставляют задумываться над чьей-то судьбой. Потом — над своей. Учат делать вывод. Заполняется пробел в их воспитании.

К слову сказать, именно в этой колонии несколько лет назад учителя (и прежде всего директор школы) задумались над проблемой: как наиболее полно донести до ребят весь тот гуманистический материал, который заключен в школьной программе. Как научить глубоко вникать в литературу, географию, биологию, а не только переползать рубеж между двойкой и тройкой.

Воспитанники ВТК — закоренелые второгодники, в лучшем случае троечники, даже не знали, от чего они упорно отбиваются, мимо чего равнодушно проходят. Они никогда раньше не ощущали радости познания. Но как подвести их к этому? Организовали дополнительные занятия с отстающими, стали проводить тематические вечера по классам. Учителя всегда присутствовали при самоподготовке воспитанников, чтобы в любую минуту помочь.

Эти средства не новы. Но если они применяются не формально, то обязательно воздействуют. И тогда колонисты заканчивают школу, как правило, без троек. Ликвидируется второгодничество. Исчезают грубость, драки в школе, воровство, порча оборудования. Ребята приобретают интерес к учебе, к твердым знаниям. У них появляется желание делать хорошо и не делать плохо.

Обычно каждое понятие ассоциируется со зрительным образом. Едва я произношу «колония», ВТК — возникает множество картин, теснящихся в сознании. Если выделить самые типичные, то, пожалуй, их будет две. Первая: мерный гул шагов. Из-за угла выходит колонна подростков. Четкий строй, тяжелый ритм шагов, отрешенное выражение лиц. Передвижение только строем! Только по разрешению! Только по команде! Вторая картина: урок в школе ВТК. Учительница раздает тетради, ученики по очереди подходят к столу. И фраза:

— Коля! Двойка! Но ты порадовал меня. Прошлый раз в диктанте было восемь ошибок, нынче — шесть. Ты молодец, Коля!

Дисциплина, доведенная до абсолюта. Внимание, доведенное до доброты.

Однажды, выслушав мои впечатления, связанные с по-

сещением ВТК, собеседник — человек, не посвященный в секреты перевоспитания трудных подростков, вдруг спросил:

— А зачем нужно проявлять доброту к насильникам, убийцам, грабителям?

Вот что ответил бы ему любой из тех, кто работает с осужденными ребятами:

— Затем, что нам с ними завтра жить. Пройдет время, и они выйдут из колонии. И мы заинтересованы в том, чтобы вышли они обновленными. Страхом людей не перевоспитать. Запугать — можно. Перевоспитать — никогда. Наша задача — превратить их в людей, которые никогда не станут на путь преступления. Не из-за боязни наказания. А от нежелания быть дурным.

Время пребывания в колонии не проходит для осужденных бесследно. Это — наказание. Но это и время раздумий и становления личности. Меняются желания, идеалы, устремления подростков.

В нашей анкете стоял вопрос: «На кого ты хотел бы быть похожим? Раньше и теперь?»

В ответах можно проследить эволюцию:

— Раньше я хотел быть похожим на хулигана, грабителя, убийцу. Теперь — на своего брата. Он честно и смело служит в армии.

— Я мечтал походить на любого хулигана. Теперь хочу на защитника обиженных.

— Я копировал своих старших «товарищей», с которыми пил и грабил. Теперь я хочу, чтобы мама гордилась мною.

— Раньше я хотел видеть себя «джентльменом» с папиросой во рту. Теперь — на лучших людей нашего общества. Героев труда.

— Когда мы с друзьями гуляли по вечерам, ругались, пили, цеплялись ко всем, я думал, что это — смелость. Нам было все нипочем. Теперь хочу быть похожим на своего воспитателя. Потому что это он по-настоящему смелый и умный.

Кто-нибудь усомнится в искренности отвечавших? Может быть. Но только не те, кто хоть чуточку знает характеры и психологию «трудных» ребят, готовых скорее наговорить на себя «с три короба», чем прослыть «паиньками». Кроме того, напомню, что анкеты были анонимными и подростки знали, что никто не станет устанавливать их

авторство. Это еще одно соображение в пользу достоверности ответов.

Последний вопрос анкеты: «Что тебе дала колония?»

— Она дала мне путевку в жизнь: я окончил ГПТУ с отличием, получил разряд каменщика, скоро окончу среднюю школу и получу аттестат зрелости. Я научился в любых условиях рассуждать здраво и быть выдержанным.

— Тут я научился разбираться в людях.

— Колония будет для меня большим уроком. И хотя очень хочу скорей освободиться, я понимаю — здесь многому научился: соблюдать дисциплину, воспитывать силу воли, держать слово.

— За время пребывания в колонии я многое передумал. Раньше я на других злился. А теперь понял, что виноват только сам.

— Здесь я понял, что такое свобода и как надо ею дорожить. Надо уважать себя и других людей.

— Тут во мне воспитали честное отношение к труду и к людям.

Вот с каким багажом выходят парни из колонии. Вынужденную остановку на их жизненном пути коллектив воспитателей старается обратить в период нравственного перерождения подростков. Но не будем и обольщаться, ибо анкетные ответы — это пока только слова, а не дела. Правда, слова, которые пришли к ребятам трудно, воспринимаются ими как откровение, иной раз как избавление от старых устремлений. Но все-таки это только слова, которые требовали своей перепроверки.

Позже я отправилась по некоторым адресам бывших осужденных, чтобы убедиться, что они действительно исправились. Знакомилась с продолжением биографий. Мне было интересно узнать, как с позиций жизни на свободе оценивают люди воспитательную работу в колонии.

Об этом не расскажешь в общем, потому что в сложном процессе перевоспитания важны именно детали. Из них и складывается путь к главной цели. Хочется проиллюстрировать это на примере одного из бывших осужденных. Назовем его Олегом Вихровым. За два года до нашей встречи он освободился условно-досрочно из ВТК.

...В те короткие минуты, что названы в распорядке «личным временем», в отделении бывает чуть оживленнее, чем обычно. Один делится впечатлением от уроков, другой советует товарищу прочитать понравившуюся книгу, груп-

па обсуждает спортивные соревнования... Но в воспитательской комнате и в эти минуты не шумно. Вот старший воспитатель Николай Федотович Еропин, закончив просмотр писем воспитанников, поднялся из-за стола. Выглянув в коридор, позвал дневального:

— Позови-ка ко мне Олега,— и назвал фамилию одного из новичков.

Через несколько минут в воспитательскую вошел худощавый, смуглый парнишка. Взгляд недоброжелательный, лицо угрюмое. Поздоровавшись, застыл у двери. Николай Федотович пригласил его сесть к столу напротив. Парень безмолвно сделал несколько шагов, опустился на стул, но так, чтобы оказаться боком к воспитателю.

— Я прочитал твое письмо к матери.— Николай Федотович почувствовал, как напрягся от этой фразы подросток.— Надеюсь, для тебя не новость, что всю почту мы просматриваем?

Парень кивнул: не новость.

— Так вот, ты пишешь, что тебе очень плохо, очень тяжело, очень грустно.

— А вы считаете, что это не так? — повернулся Олег к воспитателю.— Вы когда-нибудь подумали, как... униЗИтельно делать все по команде, поступать не так, как ты этого хочешь, а как кому-то хочется...— Олег говорил горячо и смотрел с вызовом: вот, мол, какой я независимый, как смело сужу.

Николай Федотович слушал с мягкой улыбкой. Дав подростку выговориться, тихо спросил:

— Ты считаешь, что-то в порядках колонии нужно изменить? Можно изменить?

Тот, ожидавший возражений, а не вопроса-совета, замер в нерешительности.

— Об этом я как-то не подумал.

— Подумай.

— Я же говорил совсем о другом!— почти выкрикнул подросток.

— Знаю. Но мне хочется разобраться в твоих претензиях. Так как же, ты считаешь — что-то нужно изменить?

— Наверное, нет,— нехотя согласился Олег.— Я же понимаю, какие ребята тут собраны...

— Значит, в этом наши взгляды совпадают,— подытожил Николай Федотович,— а вот дальше — расхождение...

Олег улыбнулся иронически, снисходительно. «Чего же ожидать от официального лица», — говорила его мина. А Николай Федотович продолжал:

— Ты за что осужден?

Олег поджал губы, опустил голову.

— Зачем вы так? Я же признал на суде свою виновность...

— И все-таки?

— Вы не знаете? Сто семнадцатая, — назвал Олег номер статьи, которая расшифровывается как изнасилование.

Николай Федотович выждал, давая возможность подростку несколько успокоиться, а потом сказал:

— Вот и пришли мы, Олег, к началу нашего разговора.

Тот поднял голову, враждебно поглядел.

— Вы хотите сказать: око за око?

И вновь воспитатель не принял вызова и не повысил голоса:

— Я хотел сказать не об этом. Хотя, если хочешь, колония — это наказание. Но... вот ты тут вначале говорил, что тебе тяжело, грустно, унижительно делать то, чего ты не хочешь. Так?

— Да. Именно это я говорил, говорю и буду говорить.

— А потерпевшая? Скажи, ты подумал, каково было ей? Не тяжело? Не унижительно?

Олег не отвечал.

— Почему ты молчишь? — прервал воспитатель затянувшуюся паузу.

— Сказать по правде, я... не подумал... Считал, что все уже... прошло... Она же на суде вроде бы была... ну, не очень чтоб грустная.

— Такое долго не проходит, Олег.

— Вы хотите, чтобы я переписал письмо матери? — все еще не поднимая головы, спросил подросток.

— Зачем? Ты написал правду.

— Так что же вы хотите?

— Что я хочу? Я хочу, чтобы ты научился оценивать свои поступки. Научился видеть не только свои беды, свои тяготы. Но понимал, что могут твои действия принести окружающим: урон или радость.

Парень сидел, понурившись.

— Иди, Олег. Время у тебя на размышление есть.

Через несколько дней Олег постучал в воспитательскую. В руках у него был конверт. Он нерешительно топтался у двери.

— Я... вот... подумал,— говорил он, смущаясь, с паузами,— может быть... я написал...

— Кому? — спросил Николай Федотович.

— Потерпевшей,— наклонив голову, ответил Олег.— Я прошу у нее прощения. Но, может зря, может, она не ответит.

— Возможно, и не ответит,— рассудил Николай Федотович,— но думаю, не зря ты написал. Осознание своей ошибки — первый шаг к исправлению. А вот отправлять письмо я бы не советовал... Удивлен? А ты подумай — легко ли будет девушке вновь пережить свое унижение?

Прошла не одна неделя. За это время были у воспитателя с Олегом различные беседы, объяснения. Но вот Олег снова сам пришел в кабинет Николая Федотовича. Он остановился у дверей, а воспитатель, взглянув на вошедшего, порадовался: перед ним уже стоял спокойный подросток. Взгляд его стал мягче, более открытым.

— Я хочу поговорить с вами, Николай Федотович. Можно?

— Конечно! Садись.

Олег сел, прямо глядя в лицо воспитателю.

— Мне кажется, Николай Федотович, что вы недовольны мною. Я это чувствую.

— Правильно чувствуешь.

— Но почему? Почему вы недовольны? Учусь нормально, ПТУ закончил. Разряд получил. Норму выработки выполняю. Так?

— Так,— невозмутимо подтвердил воспитатель.

— В чем же дело? Я, кажется, отделение и вас не подвожу?

Николай Федотович улыбнулся:

— Это я, Олег, должен у тебя спросить, в чем дело. Разве я делал тебе замечания, выговор, высказывал претензии? Но я рад, что ты первым начал этот разговор. Потому что действительно я недоволен. Вижу недоумение на твоем лице. Что ж, давай разберемся. Мне не нравится твое отношение к тому, что ты делаешь. Вот ты сказал, что учишься, работаешь нормально. Да, не хуже других. Но этого разве достаточно: учиться на три и четыре, работать — лишь выполняя план?

— Вы хотите? Вы требуете?..— задохнулся Олег.

— Стоп, стоп, стоп,— предостерегающе поднял руку Николай Федотович.— Я ничего не требую. Но ты спросил, чего я от тебя хочу. А хочу я, чтобы ты жил и работал с полной отдачей. Всегда. Иди, Олег, подумай. Может быть, ты поймешь.

...Медленно текут дни в колонии. Но вот воспитатель вновь вызвал к себе подростка. На столе лежали аккуратно сложенные книги. Когда тот сел, Николай Федотович придвинул их к нему.

— Знаю, ты любишь театр. Мне, кстати, понравилось, как ты сыграл Шмагу на школьном вечере. Так вот, я тебе принес кое-что по искусству.

— Николай Федотович! Вы довольны мною? — робко спросил парень.

— Мне приятно, что ты многое понял, Олег,— осторожно ответил Еропин.— И дело не в отличных отметках в школе, не в перевыполнении планов... Мне нравится, что ты помогаешь отстающим, что заступаешься за слабых. Считаю, ребята не ошиблись, выбрав тебя председателем совета отделения...

Николай Федотович вроде бы задумался, говорить ли подростку новость. Но решился:

— Сегодня утром я как раз советовался с начальником колонии. Полагаем, что можно готовить тебя к условно-досрочному освобождению.

Вот какую историю услышала я от молодого рабочего, бывшего осужденного Олега Вихрова. Вспоминая время, проведенное в ВТК, он говорил не столько о видимых признаках исправления (хорошая учеба, добросовестная работа, достойное поведение в коллективе, в обществе), сколько об эмоциональной сфере. Думается, потому, что понял: лежащие на поверхности признаки исправления вторичны, они полностью зависят от состояния души. Не потому ли хороший, подлинный воспитатель и старается найти ключик к сердцу подростка, пытается разбудить его совесть, разбередить душу?

В рассказе о своем возрождении Олег очень много внимания уделил передаче бесед с воспитателем, описанию духа общения. Я (как, впрочем, и мой собеседник) далека от мысли, что только словом можно исправить человека. Но помните, у Макаренко — «никакое средство нельзя рассматривать отдельно взятое от системы»? Не переоце-

нивая значения беседы, не надо и приуменьшать его. Слово, если оно убедительно и доходчиво, помогает человеку осознать свои ошибки, подсказывает путь к их исправлению, особенно если это подкреплено всей системой жизни в колонии — ее порядками, учебой в школе, работой.

Встреч с осужденными было немало. Привожу свидетельство одного Олега. Потому что ему более, чем кому-то другому, удалось передать динамику перестройки своего мироощущения, суть отношений воспитателя и воспитуемого, умение воспитателя разбудить у подростка дремлющую мысль, вызвать сочувствие, жалость, милосердие, желание исправиться, поднять социальную активность.

Имеют ли эти выводы, наши беседы с осужденными, знакомство с процессом их перевоспитания значение для работы народного заседателя? Осознаем ли мы, судьи (особенно те, что разбирают преступления несовершеннолетних), свое место в становлении характеров трудных подростков? Должны осознать, если хотим стать подлинными судьями. Обязаны.

Мысль идет дальше: только ли к работе с трудными подростками и только ли к судебной деятельности имеют касательство выявленные при анкетировании осужденных подростков негативные явления? Не указывают ли они на пробелы в общем процессе подготовки нашей смены? В биографиях и судьбах педагогически запущенных ребят они лишь зримее, выпуклее проступают.

Высокий забор вокруг воспитательно-трудовой колонии. Правонарушители надежно изолированы от остального мира. Это, так сказать, физическое разделение. На самом же деле они не изолированы полностью от общества, а продолжают составлять часть его. Далеко не лучшую. Недаром педагогически запущенным подросткам дали название «трудных».

Но вот я выхожу из колонии. Тяжелые двери ухают, затворяясь за мной. Одна, вторая, третья. Позади осталась зона, где содержатся воры, грабители, убийцы, хулиганы, насильники. Почему же к гневу, неприятию, осуждению их безобразных действий при-

мешивается и какое-то чувство собственной вины? Вины взрослого по отношению к этим еще неразобравшимся в жизни, неопытным, но уже допустившим ужасные ошибки ребятам? Конечно, я далека от мысли оправдывать преступления подростков, списав их на недомыслие, социальную инфантильность.

Не раз приходилось сталкиваться с мнением, что правонарушения несовершеннолетних являются следствием упущений в правовом воспитании. А так как подчас понятие правового воспитания подменяется понятием правового просвещения, то в графе отчетов о правовом воспитании нередко проставляется количество прочитанных лекций, бесед, встреч с юристами. И, на удивление отчитывающихся, число лекций росло, но не убывало количество правонарушений.

Нет. Не в прочитанных лекциях дело. Даже не в знании или незнании ребятами законов. Дело — в другом.

Не увидеть в правонарушениях несовершеннолетних глубокие корни было бы неправильно, а главное, несправедливо по отношению к этим ребятам, только-только вступающим в жизнь. Есть доля вины взрослых в нравственном падении подростков. Хочется спросить с тех, кому общество поручило ответственное дело воспитания молодежи — спросить с комсомольцев, с руководителей этой молодежной организации.

Среди множества бесед с воспитанниками ВТК мне часто вспоминается одна. С пятнадцатилетним парнишкой, осужденным за кражу из гаражей. Действовали они группой. Собираясь по ночам, устраивали дерзкие налеты. Все было строго расписано: одни стояли «на стреме», чтобы вовремя подать сигнал опасности, другие осуществляли операцию взлома, третьи быстро нагружали сумки запчастями, хранящимися в гараже. По сигналу тревоги или окончании «операции» бросались врассыпную, чтобы собраться в условленном месте.

Вначале, слушая восторженные воспоминания подростка, я все никак не могла понять, чем же его привлекала та жизнь. Доискивалась: «Кто-то из вас водил мотоцикл? И вам понадобились детали?» —

«Нет». — «Вам нужны были деньги? На что?» — «Деньги? Да не то чтобы нужны...» Парень не понимал меня, я — его. Ему казалось, что он уже все рассказал подробно и красочно. Я же добивалась объяснения гнавшей его в ночные гаражи страсти. Наконец, оно было найдено: «Нам было интересно, — сказал осужденный. — Мы делали, что задумали».

...Я долго потом размышляла над словами этого паренька: делали, что задумали.

В его бесхитростных словах мне слышится указание на один из главных недостатков в воспитании подростков в семье, школе, в ином детском, подростковом формальном коллективе. Не лишаем ли мы детей самостоятельности, безмерно опекая их, постоянно предупреждая, натаскивая?

Мы лишаем их возможности решать, искать, творить. А только указываем, подсказываем, организуем. Мероприятия спускаются свыше.

Сидят в кабинетах девушки, молодые люди и придумывают «интересные» дела для руководимых ими комсомольцев. И вот уж, «подхваченные» молодежью, выстраиваются эти дела, почины в колонках отчетов. И все. Да, по этим поводам проводились собрания, митинги, походы, выступления, но они отражали только уровень послушания молодых людей, которые выполняли приказ комсомольских вожаков. Слепое послушание — свойство, вовсе не относящееся к числу добродетелей, особенно когда речь идет о подростках, молодых людях.

Невольно обращаешься мыслью и наблюдениями к ВТК. На чем там сосредоточено внимание воспитателей? В чем они видят свои недоработки? (Пусть читатель не подумает, что воспитательский опыт сотрудников колоний я ставлю выше чьего бы то ни было. Замечу: что ВТК «отвечает» за поведение своих воспитанников и по освобождении их из колонии. Там существуют учет, статистика. Брак — последующее осуждение — ставится не просто в моральную вину, а засчитывается как минус в работе педагога, влияет на его служебную характеристику, аттестацию. Так практика способствует доброкачественной работе, поискам пробелов, путей их выполнения.) На что нацелены их усилия? Да, органи-

зовать, дисциплинировать осужденных. Да, дать им профессию. Да, приучить учиться. Кстати, лекционной правовой пропаганде там уделяется весьма скромное место как средству отнюдь не решающему. Главное — разбудить самостоятельность. От решения к решению шел в колонии Олег Вихров, сам ставил задачу, сам находил способы ее решения.

И это в условиях несвободы!

А в условиях обычной жизни? Много ли самостоятельных, интересных дел, затеянных молодежью, поддержано? Скорее, можно перечислить, как уничтожались начинания ребят. На нашей памяти роспуск отряда «Искатель», командиром которого был бывший главный редактор тульской молодежной газеты, ныне покойный Е. П. Волков. Отряд в короткое время объединил несколько сот ребят нелегкой судьбы. Ребят трудных, но активных. «Искатель» привлек их возможностью приложить свои силы, энергию, искать, придумывать, пробовать, ошибаться — и исправлять. Они объявляли (и проводили с прекрасными результатами) борьбу с детской безнадзорностью. Дали своеобразный бой перекупщикам грибов-ягод: отряды молодых сборщиков потянулись на рынок со своей продукцией, сбивая высокие спекулятивные цены. Брали на себя заботу, скажем, об участке леса — и пестовали его. В этом отряде было несколько сот ребят и только один взрослый. Руководил всеми (поистине руководил, а не штамповал приказы) совет командиров. К сожалению, об этом отряде мы пишем в прошедшем времени. Ему не была оказана помощь.

В 1960 году на биофаке МГУ родилась студенческая дружина по охране природы. Такие же дружины стали возникать в Ульяновске, Брянске, Одессе. В 1972 году представители уже 22 таких дружин собрались в Москве на первый семинар. И только в 1987 году (спустя 15 лет!) ЦК ВЛКСМ решил провести конференцию под своей эгидой. Итак, 27 лет жизни в стороне от комсомольского внимания, подчас в нелегкой борьбе за признание.

Ныне создаются клубы самодеятельной песни, театральные студии, клубы любителей фантастики. Всегда ли комсомол ищет контакта с ними? Всегда

ли готов помочь? Во всяком случае до недавнего времени все неформальные объединения, чуть отступающие от комсомольских канонов, вызывали недовольство. И зачастую вместо изучения уже существующей практики в лучшем случае хорошие дела, увлечения не замечали, в худшем — искали в них недостатки, чтобы запретить.

Вместе с тем одной из важных своих задач комсомол объявлял заботу об организации досуга молодежи. Сыпались многочисленные предложения, как заполнить свободные от работы и учебы часы. Все равно чем. Но ведь интерес не рождается по приказу свыше. Его надо увидеть, развить, помочь. А не насаждать.

Нынче, когда никакая область деятельности не остается за пределами внимания общественности, вскрываются факты глубокого формализма, заорганизованности, шаблонного подхода в практике комсомольских организаций. Эти враги всяческого творчества, подлинного дела, настоящего поиска ударили прежде всего по ослабленным арьергардным частям — ребятам с нравственным изъяном.

В школьных классах они только числятся, в спортивные секции их зачастую не принимают (барьеры возраста и перспективности посерьезнее прежних пропускников, учитывавших лишь уровень успеваемости). Желания таких подростков никак не изучались, не выявлялись. Единым махом на них ставился ярлык негативности. Мир интересов, а главное, возможностей трудных ребят все сужался и сужался, и, наконец, некоторые из них попадали в поле зрения инспекции по делам несовершеннолетних.

Парадоксально, но факт: за воспитание и исправление трудных подростков отвечают эти инспекции, общественники в опорных пунктах, наставники множества организаций, органы прокуратуры и внутренних дел и в меньшей мере воспитатели: комсомол, пионерская организация, школа. Последние лишь поставляют сведения о своих «трудных», будто не их дело исправлять брак в собственной работе.

Удивительно ли, что подростки протестовали против подобного отношения к себе? Против лишения

их самостоятельности в выборе дела, увлечения, привязанности. Протестовали созданием всяческих компаний в подъездах, квартирах. Только бы не официально! Только бы без надзора! Неформальные эти объединения различны. Иные группы безобидны, в их деятельности нет ничего опасного для общества. Нередко ребят объединяют интерес к западной современной музыке, желание пойти в походы (но только самим, без опеки и наставлений!), концертные увлечения.

Те подростки, у которых отсутствуют крепкие жизненные устои, концентрируются в негативные (как их называли в милиции) группки. Это своего рода протест. Протест в силу моральной неразвитости, неподготовленности к жизни дерзкий, страшный и даже гнусный.

В этом беда и вина. Их и наша.

Анализируя судьбы трудных подростков, нельзя не увидеть, что недочетов в постановке воспитания много. Слишком уж велики огрехи. Во всех областях воспитания. Этот пробел можно восполнить лишь большой, вдумчивой работой всех нас, взрослых. Главное — проявлять внимание к нуждам ребят и их душевным запросам, а не только указывать, чем им и как увлекаться. Подросткам нужнее дружба, а не контроль.

На XX съезде ВЛКСМ шел серьезный разговор о воспитании подлинной активности, глубокой советской гражданственности у подрастающего поколения. Потребуется большая перестройка во всем молодежном движении, очищение его от бюрократизма, практики фанфарных рапортов о громогласных починах. Признаны недостатки в работе с педагогически запущенными подростками.

Слово сказано. За ним должно последовать дело. Каким оно будет — зависит не только от комсомола, но и от каждого советского человека.

В динамичное время перестройки, когда мы называем вещи своими именами: успехи — успехами, ошибки — ошибками, а заблуждения — заблуждениями, — важен душевный и деловой вклад каждого в нравственное оздоровление общества. Важно осознать великое значение своего гражданского человеческого участия, ответственность каждого из нас за всякое дело, к которому причастны.

На моем журналистском и судейском пути встречались разные народные заседатели. Были среди них люди и робкие, и следующие любым указаниям всяческого начальства. Были пассивные и безынициативные. Но ни разу в жизни мне не приходилось наблюдать мгновенное перерождение личности: чтобы на две недели в году человек смелый становился вдруг трусливым, активный — равнодушным, принципиальный — послушным любому приказу, даже противоречащему его убеждениям, мужественный — нерешительным и робким.

Через каждые два с половиной года избираем мы в своих трудовых коллективах народных заседателей. На полмесяца ежегодно они становятся полноправными судьями. Так от кого же зависят уровень и качество судебной деятельности в стране, как не от нас с вами, дорогие сограждане?

И какие бы процессуальные изменения ни были внесены в судопроизводство: двое или четверо народных заседателей будет в составе судов, отдельно от народных судей или совместно с ними они будут обсуждать приговор или решение; каковы бы ни были новые законы — проводить их в жизнь доверено народным судьям и народным заседателям. От их гражданской зрелости, политической активности, смелости, принципиальности, компетентности, ответственности, доброты и человечности в немалой степени зависит состояние морального климата в обществе, сам уровень судебной работы.

Чем более я вникала в сущность судебной практики, тем более ответственной мне представлялась роль народных заседателей в деле укрепления социалистической закон-

ности. Как бы хорош, продуман ни был закон, он может дать осечку в применении.

Острейшей болью остаются судебные ошибки. По мнению некоторых видных юристов нашей страны, главная причина судебных ошибок — это нарушение принципа независимости судей. И на страже соблюдения этого принципа могут и должны встать прежде всего народные заседатели, потому что не у всех судей, утверждают они, хватает гражданского мужества противостоять открытому или замаскированному давлению, просьбам, искусственно созданному общественному мнению и другим способам влияния на суд.

Да, не у всех судей хватает мужества. Но, собственно, почему судья поставлен в такое положение, что для выполнения своего конституционного долга ему приходится проявлять особое мужество и смелость? Ведь он не пожарный, не подводник, не летчик-испытатель. Упрекая судей в отсутствии гражданского мужества, нужно честно признать, войдя в их положение, что порой давление оказывают лица, от которых зависит не просто продвижение судьи по службе, но само его судейское существование. Избирать-то мы избираем судей. А кто их выдвигает? И не нужно закрывать глаза на реальную действительность: один раз откажет судья в просьбе, второй — сошлется на конституционный принцип, а уж третий раз ему надо подумать, а будет ли он после этого и впредь судьей? И если не судьей, то кем?

Незащищенность народных судей от воздействия сверху нельзя списать на чей-то недосмотр. Скорее, наоборот: по существу, в реальную юридическую практику длительное время внедрялся принцип послушания народных судей.

Нередко народный судья раздумывал: чему следовать — предписанию закона или начальственному распоряжению. Часто побеждало (да и сейчас такое бывает) соображение в пользу последнего. И не потому, что судья не обладает гражданским мужеством, а потому, что обладает житейским опытом. Не раз мне приходилось убеждаться, что почти любое решение может быть отменено под тем или иным предлогом. Отмена же решения для народного судьи не просто производственная неприятность, но и сигнал — предупреждение о необходимости послушания. В противном случае... одна-две отмены — и возникает опасность невыдвижения судьи на следующий срок.

Легче всего возмущаться, гораздо труднее искать пути претворения в жизнь принципа независимости судов. И как тут не обратиться к народным заседателям — двоим из трех равноправных судей. Их слово весомо. Два независимых мнения против одного (подчас зависимого) могут по-иному решить исход дела.

Вот почему я считаю роль народного заседателя очень важной в деле отстаивания справедливого решения, приговора. Конечно, имеются в виду заседатели умные, вдумчивые, юридически мыслящие, которые не позволят согласовывать решения и приговоры где-то там «вверху», а будут действовать только по букве и духу закона.

Хочется заметить, что уголовный закон тоже призывает к неукоснительному исполнению судебных обязанностей. Более того, статья 177 УК РСФСР предупреждает: «Вынесение судьями заведомо неправосудного приговора, решения, определения или постановления — наказывается лишением свободы на срок до трех лет. Те же действия, повлекшие тяжкие последствия — наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет».

Эта статья, безусловно введена как воспитывающий фактор, как обращенный к судьям призыв строго следовать законодательству. Кому же, мыслил законодатель, захочется рисковать собственной свободой и выносить (даже в угоду начальству) неправосудное решение?!

Правда, не все гладко обстоит с применением этой статьи. Иной читатель подумает: едва выявится грубая судебская ошибка или появится доказательная статья в газете о попрании социалистической законности (пусть даже приведшая к отмене незаконного решения или приговора) — и вот он «заведомо неправосудный»! Стало быть, и возбуждается уголовное дело против народного судьи, народных заседателей, которые вынесли решение, приговор, не соответствующие требованиям закона? Нет, в реальности ничего похожего не происходит.

Очистить судебную практику от наносного, волюнтаристского, от всего, что искажает саму мысль законодателя о необходимости строгого соблюдения законов — долг всех, кто причастен к судебной, правовой работе. И в немалой степени разрешение этой задачи зависит от народных заседателей — независимых представителей трудовых коллективов.

Коммунистическая партия и Советское правительство

постоянно уделяют внимание укреплению социалистической законности и правопорядка, правовому воспитанию граждан. В директивных документах подчеркивается, что подлинная демократия не существует вне закона. Большое значение придается разработке и принятию новых законодательных актов, повышению роли советского суда, строгому соблюдению принципа независимости судей, решительному усилению прокурорского надзора, совершенствованию работы следственных органов, всех путей и средств охраны интересов советского государства, обеспечения прав и свобод граждан.

На июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС говорилось, что в условиях перестройки по-новому встает проблема гармонизации общественных и личных интересов, поиска правильных соотношений между ними. Речь идет об учете всего комплекса интересов — личности, коллектива, классов, наций, народностей, социальных и профессиональных групп, сложной системе их взаимоотношений, — с тем, чтобы обеспечить динамичное развитие общества. Смысл перестройки в конечном счете и состоит в воздействии на эти интересы, в управлении ими ради торжества справедливости, ради полезных свершений в любой деятельности: экономической, социальной, идеологической, правоохранительной.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю	3
Иск — в назидание	7
Страсти вокруг лицевого счета	20
Семейные драмы	38
Неслучайная случайность	53
Во имя безопасности	65
Каратист, Хорек, Слоник и другие	73
На скамье подсудимых — подросток	85
«Я бы стороной обошел ту тропу»	94
Восполненный пробел	109
Заключение	124

Татьяна Алексеевна Копылова НАЧАТЬ С СЕБЯ

Редактор В. Г. Ткачева
Художественный редактор Б. Н. Юдкин
Технический редактор В. А. Преображенская
Корректор С. В. Мироновская

ИБ № 7151

Сдано в набор 13.04.87. Подп. в печать 19.10.87. А02364. Формат 84×108/32.
Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл.
печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,14. Уч.-изд. л. 6,48. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 157. Цена 40 к. Изд. инд. ЮЛ-18.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного
комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглаволиграфпрома Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электро-
сталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.